

Минувшее

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Семирамида Севера 4
<i>Виктор Ом</i>	Завидная судьба 94

Штрихи к портрету

<i>Евгения Гордиенко</i>	Охотник за знаниями 22
--------------------------	-------------------------------------

Неизвестное об известном

<i>Евгений Гик</i>	Библиотека Владимира Высоцкого 26
--------------------	--

Это интересно

<i>Анатолий Вилков</i>	Скорбящий ангел 36
<i>Денис Логинов</i>	Проклятие Анжелики и русские корни графа де Пейрака 40
<i>Татьяна Кулик</i>	В великой радости друг с другом 90
<i>Татьяна Комарова</i>	Гвозди бы делать из такого стекла 120

Забывтые страницы

<i>Михаил Зощенко</i>	Бедность 54
	Аристократка 57
	Пушкин 60

Поэзия

<i>Леонид Кутырев-Трапезников</i>	Стихи 62
-----------------------------------	-----------------------

Вернисаж

<i>Ольга Займенцева</i>	«Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед» 66
-------------------------	--

Судьба художника

<i>Ирина Опимах</i>	Как картина спасла художника от каторги 76
---------------------	---

Рассказ

<i>Варвара Клюева</i>	Галлюцинация 102
-----------------------	-------------------------------

Детектив

<i>Александр Аннин</i>	Хромой пеликан 124
------------------------	---------------------------------

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Петр Фролов
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуева, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №596

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.06.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Уважаемая редакция!

В 5-м номере журнала прочел материал о Перуджино. Огромное спасибо! Творчество Пьетро Перуджино как-то прошло мимо моего внимания, а после вашей публикации залез в Сеть и внимательно просмотрел выложенные там его работы. Особенно впечатлился лицами мадонн: удивительные лица, не каких-то удаленных от мира сего святых, а простых, молодых, обаятельных и очень земных женщин.

Интересна любопытная деталь: из вашей статьи узнал и о том, что художники Северной Европы познакомили итальянцев с масляными красками...

История же Голицинского музея вызвала грустные мысли: когда же наши олигархи возьмут пример с далеких предков и станут вкладывать деньги не только в заграничные виллы... В связи с этим вспомнил одного своего знакомого, американского строителя-миллионера, с которым в свое время пришлось о многом поболтать. Помню свое удивление, когда он вдруг сказал, что они (американские богачи) благодарны Великой октябрьской революции. Когда я, пораженный, спросил, за что, он ответил: «За то, что благодаря ей мы вовремя поняли, что надо делиться...»

Вот и в этом прелесть ваших публикаций: вызывают массу мыслей...

Еще раз спасибо!
С уважением, **Юрий Плотников**

Семирамида

СЕВЕРА

Светлана Бестужева-Лада

Во второй половине восемнадцатого века на севере Европы взошла ослепительная звезда новой русской императрицы Екатерины II, которую поэты славили под именем «Северной Семирамиды», а философы гордились честью лично переписываться с нею. С ее именем русская армия одерживала громкие победы во всех сражениях, она вывела Россию из хаоса смутных и шатких времен и наметила путь к дальнейшему процветанию.

Эта бывшая неизвестная немецкая принцесса волею случая попала в Россию, волею случая была вознесена на престол, но собственной железной волей придала ему неведомый доселе блеск и величие.

Последняя самодержица российская, давшая свое имя целому веку...

Второго мая 1729 года в небольшом германском городке Штеттин у герцога Христиана-Августа Ангальт-Цербстского и его супруги Иоанны-Елизаветы, урожденной принцессы Голштинской, родился первый ребенок. В письме прусскому королю, датированном вышеуказанным днем, герцог сообщает о рождении дочери. Это — непреложный факт. Однако впоследствии некоторые биографы, а следом за ними и историки стали приписывать отцовство... самому прусскому королю Фридриху, который тогда был еще шестнадцатилетним наследным принцем. С ним молодая герцогиня Ангальт-Цербстская действительно часто встречалась в 1728 году — но и только.

Иоанна-Елизавета, к тому же, часть того года провела в Париже, поэтому отцом Екатерины считали и русского вельможу Ивана Бецкого, незаконного сына князя Трубецкого, который находился там при русском посольстве. «Неопровержимым доказательством» его отцовства является, по мнению некоторых историков, то, что императрица Екатерина очень почтительно относилась к этому вельможе и, посещая его — уже прикованного годами и недугами к инвалидному креслу, целовала ему руку.

Ни с Фридрихом Великим, ни с Иваном Бецким у Екатерины не было ни малейшего физического сходства. Принц Христиан-Август, ее за-

конный отец, никогда в своем отцовстве не сомневался, хотя был разочарован тем, что его первенец — девочка. И хотя впоследствии супруга родила ему желанного сына, Ангальт-Цербстский дом перестал существовать в 1793 году — его мужское колено пресеклось. В истории же его имя сохранилось лишь благодаря Софии-Августе-Фредерике, или просто — Фикхен, Фике для домашних.

Вскоре после ее рождения родители переселились в штеттинский замок: герцог, состоявший на службе у прусского короля и уже получивший чин генерал-майора, был назначен командиром пехотного полка, расквартированного в Штеттине. На улицах этого города и играла с другими детьми маленькая Фике, причем никому из ее приятелей и приятельниц в голову не приходило величать ее по титулу. Зато когда матери этих детей посещали замок, Фике почтительно целовала полу их платья.

Тем не менее, маленькая принцесса получила вполне приличное образование. Помимо гувернантки-француженки можно назвать капеллана-француза, француза — учителя чистописания и двух немцев — учителей немецкого языка и музыки.

Мать воспитывала старшую дочь по своему разумению — пощечинами, по поводу и без оных, повинуюсь не разуму, а своему вздорному характеру, типичному для представи-

Мать воспитывала старшую дочь по своему разумению — пошаривая, по поводу и без оного, обвиняя не разуму, а своему вздорному характеру, типичному для представительницы нескольких поколений германских мелких князьков

тельницы нескольких поколений германских мелких князьков: склонности к интригам, лжи, простейшим инстинктам, мелкому честолюбию. После того, как Фике стала великой российской княгиней, ее матери Екатерина «отплатила» тем, что почти двадцать лет выплачивала сделанные герцогиней по всей Европе долги и почти ничего не написала о ней в своих «Записках».

Семья Фике много путешествовала — девочка объездила практически всю Германию. В 1739 году в

Берлине принцесса София впервые увидела того, с кем впоследствии будет связана брачными узами — сына двоюродного брата матери Петра-Ульриха Голштинского. Ей было тогда десять лет, а ему — одиннадцать. Нельзя сказать, чтобы эта встреча оставила у принцессы благоприятное впечатление.

Зато другая случайная встреча — с католическим священником, увлекавшимся хиромантией, оставила в душе Фике неизгладимый след. На ее руке предсказатель разглядел три

короны, хотя не увидел ни одной на руке очень хорошенькой принцессы Бевернской. В поисках мужа обрести корону — вот в чем состояла мечта любой немецкой принцессы!

Колесо истории повернулось — на российский трон взошла дочь Петра Великого Елизавета. Она никогда не была замужем и официально не имела детей, поэтому выписала из Голштинии своего родного племянника, сына сестры Анны, умершей вскоре после родов, и торже-

ственно объявила его наследником престола.

Прусский король Фридрих II, обладавший острым умом и политической дальновидностью, тут же подумал о том, что русскому двору вскоре понадобится невеста, и что искать ее, несомненно, будут среди немецких принцесс. Фридриху нужна была такая девушка, которая не была бы слишком высокого происхождения, но при этом стала бы проводником прусских интересов при русском дворе.

В принципе, укрепить матримониальными узами отношения Берлина и Петербурга желали и прусский король, и императрица Елизавета Петровна, но первоначально Елизавета хотела женить своего племянника на сестре Фридриха. Тот не пожелал отпустить сестру в «медвежью» Россию и предложил взамен принцессу Ан-

Приглашение приехать в Россию пришло зимою 1744 года, и 10 января принцесса Фике с матерью тайно, под именем графинь Рейнбек, выехали в Россию. С собой были привезены несколько сорочек, три платья и медный кувшин для умывания. Фике была как в тумане: перспектива стать российской великой княги-

Приглашение приехать в Россию пришло зимою 1744 года, и 10 января принцесса Фике с матерью тайно, под именем графинь Рейнбек, выехали в Россию. Фике была как в тумане: перспектива стать российской великой княгиней, а впоследствии — императрицей, превосходила самые смелые ее чаяния

гальт-Цербтскую, дочь своего фельд-маршала.

Выбор короля был не случаен: во-первых, Фридрих хорошо знал ее мать и мог оказывать на нее сильное влияние, а во-вторых, всем было известно о давних симпатиях Елизаветы к Голштинскому роду (она хранила сентиментально-нежные воспоминания о дяде принцессы, который когда-то был женихом юной Елизаветы, но скоростижно скончался).

ней, а впоследствии — императрицей превосходила самые смелые ее чаяния.

Приехав в Москву, Екатерина, не смотря на юные годы, быстро освоилась с положением и поняла свою задачу: приспособиться к условиям, к Елизавете, ее двору, ко всей русской жизни, усвоить русский язык и православную веру. Обладая привлекательной внешностью, она быстро расположила к себе и Елизавету, и двор. Равнодушным к ее чарам остался

лишь... жених, великий князь Петр Федорович, почему-то невзлюбивший свою невесту-кузину с первого взгляда.

Впрочем, и сама Екатерина, нужно отдать ей должное, в своих записках откровенно признавалась, что русская корона ей нравилась много больше самого жениха. К тому же, юная принцесса уже тогда искренне считала, что может принести России много пользы, но для этого ей надлежало «сделаться более русской,

ной «благоверной Екатериной Алексеевной».

Но вот прусские планы, которые в Петербурге чересчур энергично пыталась реализовать мать Екатерины («ходячая интрига», как метко назвал ее один историк), довольно быстро рухнули. Решение императрицы Елизаветы Петровны выслать из страны беспокойную родственницу, очевидного агента Фридриха, дочь восприняла скорее с облегчением, чем с сожалением, а сама она

Вынужденный досуг Екатерина заполняла по собственной инициативе. В отличие от русских аристократок, она была трудолюбива и с удовольствием сама себя обслуживала. Например, варила себе кофе, сама растапливала камин, стирала, работала в саду, вышивала, а параллельно изучала историю, географию, зоологию, философию и русские летописи

чем сами русские» — и она с пылом и упорством, а также чисто немецкой педантичностью принялась осваивать русский язык и православные каноны. Елизавета по достоинству оценила это рвение, и очень скоро принцесса Фике стала православ-

вовсе не желала стать прусским агентом в России.

Более того, старалась замалчивать свое немецкое происхождение... Узнав, например, что ее родной брат собирается посетить Россию, она с неудовольствием заметила:

— Зачем? В России и без него немцев предостаточно.

За время правления Екатерины II ни один ее родственник не был допущен в Россию.

Отличаясь огромным честолюбием, Екатерина пеклась о своих интересах, а никак не об интересах прусского короля. Даже в самые трудные для нее времена, когда ее третировал и муж, и «тетушка Елизавета», Екатерину не покидала мысль о русском престоле.

Парадоксально, но главным ее помощником на пути к трону стал... великий князь Петр Федорович. Нужно было лишь внимательно следить за ним и делать все наоборот. Полукровка Петр-Ульрих не хотел быть русским, не хотел учить русский язык, одеваться в русское платье, не скрывал ненависти к православию, во всем опирался исключительно на своих друзей из Голштинии. Чистокровная немка Екатерина делала все, чтобы обрусеть: упорно и успешно учила русский язык, при любой возможности одевалась в русское платье, подчеркнуто читла все православные обычаи, предпочитала окружать себя русскими людьми.

В конце лета 1745 года, в шестнадцатилетнем возрасте Екатерина была обвенчана с Петром Федоровичем, которому исполнилось семнадцать. Первые годы совместной жизни Петр совершенно не интересовался женой, и супружеских отно-

шений между ними не существовало, семь-восемь лет брак был сугубо формальным. За эти годы между супругами возникло не только отчуждение, но и взаимная неприязнь. Петр, пытаясь скрыть свое унижение за шутовством и бравадой, все больше злился на жену за то, что она знала тайну: Петр Федорович имел врожденное несовершенство, которое сам считал неизлечимым, но которое возможно было исправить хирургическим путем — обычным обрезанием.

Елизавета забила тревогу и призвала на помощь врачей, которые заодно констатировали целомудренность Екатерины. Необходимая операция была сделана, что круто изменило жизнь, но не взаимоотношения супругов. У Екатерины, одна за другой, завершились выкидышами две беременности, но с третьей попытки, 20 сентября 1754 года, Елизавета получила долгожданного внука — Павла.

Екатерине не дали возможности стать настоящей матерью, сына унесли сразу же после рождения и за год показали всего три раза. Даже во время болезни, когда младенец едва не умер от молочницы, ее не допустили к нему. Так что холодность Екатерины к сыну вполне объяснима — почти шесть лет она практически с ним не общалась, к тому же, родила еще одного ребенка — дочь Анну, скончавшуюся в младен-

честве, причем в данном случае Петр Федорович свое отцовство категорически отрицал.

Вынужденный досуг Екатерина заполняла по собственному усмотрению. В отличие от русских аристократок, она была трудолюбива, с удовольствием сама себя обслуживала, например, стирала, варила себе кофе, могла растопить камин, любила работать в саду, искусно вышивала, иногда занималась резьбой по слоновой кости.

Пока ее муж развлекался дрессированием собачек и разыгрыванием кукольных спектаклей, она изучала историю, географию, экономику, философию, знакомилась с трудами Плутарха, Тацита, Монтескье, Вольтера, Дидро, читала русские летописи и так далее.

Ухудшение отношений с мужем привело к тому, что Екатерина стала опасаться за свою судьбу в случае его прихода к власти и принялась вербовать себе сторонников при дворе. Показное благочестие Екатерины, ее рассудительность, искренняя любовь к России — все это резко контрастировало с поведением Петра и позволило ей завоевать авторитет как среди великосветского столичного общества, так и в целом населения Петербурга. А знакомство с Григорием Орловым, перешедшее в глубокую и длительную привязанность, стало решающим моментом на пути Екатерины к российскому престолу.

К кончине императрицы Елизаветы Петр и Екатерина отнеслись по-разному: новый император вел себя грубо и бестактно, открыто выражая ликование, императрица подчеркивала свое уважение к памяти усопшей. Император явно шел к разрыву, Екатерину ждал развод, монастырь, может быть, смерть.

Различные кружки лелеяли мысль о низложении Петра III. Екатерина, пользовавшаяся популярностью в народе, вынашивала свои планы. Гвардейцы мечтали видеть ее на престоле, сановники помышляли о замене Петра его сыном под регентством Екатерины.

Вступив на трон, Петр III осуществил ряд действий, вызвавших отрицательное отношение к нему офицерского корпуса. Так, он заключил невыгодный для России договор с Пруссией, в то время как Россия одержала ряд побед над ней в ходе Семилетней войны, и вернул ей захваченные русскими земли. Одновременно намерился в союзе с Пруссией выступить против Дании (союзницы России), с целью вернуть отнятый ею у Гольштейна Шлезвиг, причем сам намеревался выступить в поход во главе гвардии. Объявил о секвестре имущества Русской церкви, отмене монастырского землевладения и делился с окружающими планами о реформе церковных обрядов.

Сторонники переворота обвиняли Петра III также в невежестве,

слабоумии, нелюбви к России, полной неспособности к правлению. На его фоне выгодно смотрелась Екатерина — умная, начитанная, благочестивая и доброжелательная су-

пруга, подвергающаяся преследованиям мужа.

В течение шести месяцев правления Петра III отношения Екатерины с мужем (который открыто появлял-

ся в обществе любовницы Елизаветы Воронцовой) продолжали ухудшаться, став явно враждебными. Со своей обычной взбалмошностью император постоянно твердил о том, что женится на Воронцовой, а Екатерину пострижет в монахини, как сделал это Петр Великий со своей первой супругой и матерью наследника престола. Но времена были уже другие, да и Петру III было далеко до его великого прадеда.

вали ее и многие другие русские аристократы.

Кроме того, связь Григория Орлова с Екатериной увенчалась рождением у нее сына — будущего графа Бобринского. В обстановке всеобщего недовольства полубезумными выходками нового императора это событие прошло практически незамеченным никем, кроме узкого круга близких к Екатерине людей. Но, уже взойдя на престол,

Угроза пострижения, высылки и даже убийства витала в воздухе постоянно. Неизвестно, как бы обернулось дело, будь император умнее, и не оказался возле Екатерины пятерых братьев Орловых — красы и гордости русской гвардии

И все-таки угроза пострижения, высылки и даже убийства Екатерины витала в воздухе постоянно. Неизвестно, как обернулось бы дело, будь император умнее, и не оказался возле Екатерины пятерых братьев Орловых — красы и гордости русской гвардии. Кроме того, на стороне Екатерины был Кирилл Разумовский — брат морганатического супруга покойной императрицы Елизаветы, человек богатый и влиятельный. Поддержи-

Екатерина хотя и не афишировала своего внебрачного отпрыска, но и не делала особой тайны из его существования.

В ночь на 28 июня 1762, когда император находился в Ораниенбауме, Екатерина тайно прибыла в Петербург и в казармах Измайловского полка была провозглашена самодержавной императрицей. Вскоре к восставшим присоединились солдаты других полков. Весть о восшествии Екатерины на престол быстро

разнеслась по городу и была с восторгом встречена петербуржцами. Для предупреждения действий свергнутого императора были посланы гонцы в армию и в Кронштадт.

Между тем, Петр, узнав о происшедшем, стал посылать к Екатерине предложения о переговорах, которые были отвергнуты. Сама императрица во главе гвардейских полков выступила в Петербург и по дороге получила письменное отречение Петра от престола. Переворот, таким образом, совершился практически бескровно: трусость и слабоволие Петра Федоровича оказались беспрецедентными. Корона упала в руки Екатерине, точно перезревшее яблоко.

Сам переворот описан в сотнях (если не в тысячах) исторических трудов, мемуаров, романов. Детали разнятся, но смысл один: опасаясь, что у свергнутого и отрекшегося императора, в конце концов, найдутся умные советчики и сподвижники, сторонники Екатерины убили Петра Федоровича за ужином в Ропшинском дворце. Письмо об этом, собственноручно написанное одним из убийц, Алексеем Орловым, сохранилось в копии:

«Урод наш очень занемог, и охватила его нечаенная колика, и я опасен, чтоб он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасуюсь, чтоб не ожил ... Боюсь гнева вашего величества, чтоб вы чего на нас неистоваго подумать не изволили и чтоб мы не

были притчиною смерти злодея вашего ... он сам теперь так болен, што не думаю, штоб он дожил до вечера и почти совсем уже в беспмятстве, о чем и вся команда здешняя знает и молит бога, штоб он скорей с наших рук убрался».

Но было еще одно послание, написанное явно в порыве страха от содеянного:

«Матушка, его нет на свете, но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя. Но, государыня, свершилась беда: мы были пьяны, и он тоже, он заспорил с князь Федором [Барятинским]; не успели мы рознять, а его уже не стало...»

Екатерина, получив его, залилась слезами и сказала:

— Слава моя погибла! Никогда потомство не простит мне этого невольного преступления.

Екатерине II, с политической точки зрения, была невыгодна слишком ранняя смерть Петра. Переворот, произошедший при полной поддержке гвардии, дворянства и высших чинов империи, достаточно надежно ограждал ее от посягательств на власть со стороны супруга и исключал возможность формирования какой бы то ни было оппозиции. Так что Орловы не зря опасались высочайшего гнева.

Следует отметить и ту роль, которую сыграла в захвате власти Екатериной Англия. Ничего нового в этом, впрочем, не было: Елизавета взшла на трон, получив моральную и финансовую поддержку французов, а Екатерина — англичан. Разница заключалась в том, что Елизавета в канун переворота колебалась, страхась провала заговора и пострижения в монастырь. А Екатерина боялась только одного — не оправдать чужих надежд.

Как ни странно, ни один русский историк не счел предосудительным известный всем факт участия в заговоре англичан, ибо в перевороте больше всех была заинтересована сама Россия. Устранение от власти Петра III объективно отвечало русским национальным интересам.

Екатерина была тонким психологом и прекрасным знатоком людей, умело подбирала себе помощников, не боясь людей ярких и талантливых. Именно поэтому екатерининское время отмечено появлением целой плея-

ды выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей, художников, музыкантов. В общении с подданными императрица была сдержанна, терпелива, тактична. По ее собственному признанию, она не обладала творческим умом, но хорошо улавливала всякую дельную мысль и использовала ее в своих целях.

А теперь — чисто статистический абзац.

В период ее тридцатипятилетнего правления значительно увеличилась государственная территория России. Из 50 губерний 11 были приобретены в годы ее царствования. Население страны увеличилось с 19 до 34 миллионов человек. Сумма государственных доходов выросла с 16 до 68 миллионов рублей (население увеличилось — вдвое, а доходы — более чем в четыре раза). Были построены 144 новых города (более 4 городов в год на протяжении всего царствования), издано более 200 законодательных актов. Почти вдвое увеличилась армия, количество кораблей российского флота выросло с 20 до 67 линейных кораблей, не считая других судов. Армией и флотом было одержано 78 блестящих побед, упрочивших международный авторитет России. Слова «Россия» и «русские» произносились с большим уважением прежде всего императрицей, всю жизнь стремившейся доказать исключительность народа, которым она руководила волею судьбы.

Так что приставку «Великая» к своему имени Екатерина честно заслужила, сделав для России много больше, чем все императоры и императрицы, побывавшие на российском престоле после смерти Петра — тоже Великого.

Что же касается личной жизни, в начале императрица вела себя очень сдержанно. Возможно потому, что ее чувственность еще не пробудилась, или же ее сковывали моральные принципы, привитые воспитанием.

в супружестве больше одиннадцати лет. И если бы не бесконечные измены и, мягко говоря, разгульный образ жизни графа Орлова, прожила бы, возможно, до конца своей или его жизни. Но Екатерина, к тому же, придавала огромное значение государственным делам, неурядицы в ее личной жизни мешали этому, она нуждалась не только в сожителе, но и в помощнике-единомышленнике. И таким стал постепенно вошедший в ее жизнь Григорий Потемкин — сначала

Екатерина была тонким психологом и прекрасным знатоком людей, умело подбирая себе помощников, не боясь людей ярких и талантливых. Именно поэтому екатерининские времена влиятельно повлияли целой плеядой выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей, судей, музыкантов.

Но, так или иначе, к тридцати годам женщина в ней начала властно заявлять о себе. Она уже не могла жить без любви, и сохранила эту потребность до последнего своего часа.

К сорока трем годам «любовный список» Екатерины состоял из четырех мужчин: законного мужа, Сергея Салтыкова, Станислава Понятовского и Григория Орлова, причем с последним она прожила в фактическом

возлюбленный, потом — морганатический супруг и до конца жизни — самый деятельный и верный помощник.

По своей природе она не могла стать аскетом, но... так ли уж много в ее жизни было радостей?

Императрица просыпалась обычно в шесть часов утра, обтирала лицо и шею льдом, пила в кабинете крепчайший кофе со сливками и печеньем и садилась до девяти часов

за работу. Затем возвращалась в спальню и принимала докладчиков — до обеда. На обед в будни, продолжавшийся около часа, приглашалось человек двенадцать. Любимым блюдом была вареная говядина с солеными огурцами, а в качестве напитка употреблялся смородиновый морс. В последние годы жизни Екатерина выпивала рюмку мадеры или рейнвейна. На десерт предпочтение отдавалось яблокам и вишням. В будние дни императрица носила простое платье и не надевала драгоценностей.

Рабочий день заканчивался в четыре часа, и наступало время отдыха. Императрица принималась за рукоделие, а один из секретарей в это время читал ей вслух. Екатерина мастерски вышивала и вязала. Окончив чтение, переходила в Эрмитаж, где точила из кости, дерева, янтаря, переводила на стекла антики, гравировала, играла на бильярде.

К вечеру начинались приемы, а в десять часов она удалялась во внутренние покои. Ужин подавался только в парадных случаях, но и тогда императрица садилась за стол лишь для виду. Вернувшись к себе, она уходила в спальню, выпивала большой стакан кипяченой воды и ложилась в постель. Одна? Нет, как правило, с любовником: прожив более десяти лет в гармоничном и счастливом союзе с Потемкиным, императрица, разменяв шестой десяток,

оказалась в положении многих и многих стареющих... мужчин. «Седина в бороду — бес в ребро», говорят в таких случаях ...

Но и эту сторону жизни Екатерина решила подчинить своим правилам. Она создала институт фаворитизма, в котором молодые красивые мужчины состоят при государыне с одной целью — обеспечить ее комфортное существование, необходимый жизненный тонус, с тем, чтобы

императрица могла более плодотворно трудиться на пользу своему государству. За службу молодые люди получали вознаграждение, но должны были подчиняться определенным правилам: они не имели права покидать свои покои во дворце без разрешения императрицы, им запрещалось без ее ведома принимать приглашения, все свое время они должны были посвящать только государыне.

Если фаворит переставал интересовать императрицу, она давала отставку без церемоний. Нового претендента вызывали во дворец и подвергали испытанию на соответствие в выполнении прямых интимных обязанностей фаворита императрицы...

А вот некоторые документальные факты о деятельности Екатерины как главы государства.

щество благородных девиц, коммерческое училище и др.), имевших целью создать «новую породу людей». При Екатерине II была проведена школьная реформа, появились первые благотворительные учреждения.

Особенное значение имело издание «Наказа», в основу которого легли сочинения самых прогрессивных философов того времени. Теория

В последние годы жизни Екатерина все больше жила мыслями и заботами о своих внуках и наследниках. Все сложные отношения с сыном Павлом так и не смогли уладиться, поэтому она собиралась сделать наследником престола старшего внука Александра. Женить его и подготовить манифест о передаче власти успела, но... скоропостижно скончалась в возрасте шестидесяти семи лет.

С 1760-х гг. Санкт-Петербургской академией наук были организованы экспедиции с целью систематического изучения страны, особенно Урала, Приуралья, Алтая, Среднего и Нижнего Поволжья. Среди просветительных мер, в которых императрица хотела быть на уровне века, — создание воспитательных домов и женских институтов (Смольный институт, 1764, Московский воспитательный дом, 1764, и др.), а также других учреждений (Об-

словной монархии, закономерной монархии, теория разделения властей, учение о хранилище законов — все это содержится в «Наказе», провозглашавшем принцип религиозной терпимости, осуждение пыток и другие прогрессивные идеи.

В апреле 1785 года были изданы две грамоты: «Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства» и «Жалованная грамота городам». Императрица на-

звала их венцом своей деятельности, а историки считают венцом «продворянской политики» царей XVIII века. Не зря дворянство впоследствии вспоминало век Екатерины как «золотой». Но у этой медали, разумеется, были две стороны: как только наследники Екатерины попытались свести «дворянские вольности» к разумным пределам, дворянство стало плести интриги против самодержавия, венцом которых были события на Сенатской площади.

За время царствования Екатерины II был принят ряд законов, ухудшавших положение крестьян:

- Указ 1763 года возлагал содержание войсковых команд, присланных на подавление крестьянских выступлений, на самих крестьян.

- По указу 1765 года за открытое неповиновение помещик мог отправить крестьянина не только в ссылку, но и на каторгу, причем срок каторжных работ устанавливался им самим; помещикам предоставлялось и право в любое время вернуть сосланного с каторги.

- Указ 1767 года запрещал крестьянам жаловаться на своего барина; ослушникам грозила ссылка в Нерчинск (но обращаться в суд они могли).

- В 1783 г. крепостное право было введено в Малороссии (Левобережная Украина и российское Черноземье).

- В 1796 г. крепостное право было введено в Новороссии (Дон, Северный Кавказ).

- После разделов Речи Посполитой был ужесточен крепостнический режим

на территориях, отошедших к Российской империи (Правобережная Украина, Белоруссия, Литва, Польша).

Справедливости ради надо отметить, что за время царствования Екатерины была совершена только одна казнь — предводителя крестьянского восстания Емельяна Пугачева.

В последние годы жизни Екатерина все больше и больше жила мыслями и заботами о своих внуках и наследниках. Ее сложные отношения с сыном Павлом так и не смогли улучшиться, поэтому она вознамерилась сделать наследником престола старшего внука — Александра, в обход Павла Петровича.

Женить Александра и подготовить проект манифеста о передаче ему власти и короны императрица успела, но... скорострительно скончалась от апоплексического удара в возрасте шестидесяти семи лет 6 ноября 1796 года.

Задолго до кончины Екатерина составила эпитафию для своего будущего надгробия:

«Здесь покоится Екатерина Вторая. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. В четырнадцать лет она приняла тройное решение: понравиться своему супругу, Елизавете и народу. Она не упустила ничего, чтобы добиться в этом отношении успеха. Восемнадцать лет, исполненных скуки и одиночества, побудили ее прочесть мно-

го книг. Взойдя на российский престол, она приложила все старания к тому, чтобы дать своим подданным счастье, свободу и материальное благополучие. Она легко прощала и никого не ненавидела. Она была снисходительна, любила жизнь, отличалась веселостью нрава, была истинной республиканкой по своим убеждениям и обладала добрым сердцем. Она имела друзей. Работа давалась ей легко. Ей нравились светские развлечения и искусства».

Эпитафия осталась на бумаге. Павел приказал похоронить мать одновременно с перезахоронением праха своего обожаемого отца, превратив траурную церемонию в трагикомедию.

К. Валишевский воспел Екатерину словами, достойными античной оды:

«Образ "Северной Семирамиды" сиял во второй половине восемнадцатого столетия и на пороге девятнадцатого перешел в предания потомков, не только как чудесное воплощение могущества, величия и торжествующего счастья, но также очаровательной женственности. В глазах всех или почти всех она была не только величественной, царственной и грозной: она была, в то же время, и обворожительной и прекрасной, даже среди записных красавиц. Это была настоящая царица, как по праву своего геня, так и по праву красоты».

Здесь и поставим точку. Трудно кратко писать о женщине, воплотившей в себе целую Эпоху... □

Евгения
Гордиенко

ОХОТНИК

За

Знаниями

Много ли вы знаете названий пород животных? Попробуйте перечислить и, будьте уверены, на третьем десятке вы задумаетесь, а на четвертом признаете свое поражение. А вот Альфред Брэм, многотомное издание книги которого «Жизнь животных» до сих пор стоит во многих домашних библиотеках, не только знал несколько тысяч наименований зверей, птиц и насекомых, но и описывал их внешность, привычки, повадки...

Когда в школе у меня возникала необходимость написать доклад по биологии о каком-либо животном, птице или насекомом, я точно знала, что «в Брэме» будет вся необходимая информация

Отец юного Альфреда, деревенский пастор в германском герцогстве Саксен-Веймар, был известен по всей Европе, так как собирал шкурки различных животных. В его коллекции насчитывалось более девяти тысяч экземпляров. Многие ученые Европы даже присылали Христиану-Людвигу Брэму шкурки для определения вида животного и его описания.

Сыновья пастора, Альфред и Оскар, также не оставались в стороне от отцовского увлечения. Они перечитали множество книг, посвященных флоре и фауне, ходили вместе с отцом в лес и уже в юном возрасте отлично разбирались в разновидностях птиц, обитавших в окрестных землях.

Разумеется, библиотека семейства Брэмов не ограничивалась одними лишь книгами по зоологии. Шиллер и Гете, богословские труды, работы по математике и философии — все это также занимало детей. Были у них и другие таланты — Альфред отлично рассказывал истории, прекрасно пел и даже подумывал о том, не стать ли ему актером или певцом.

Однако он не избрал себе этой карьеры, не стал учиться и зоологии, как можно было ожидать. Альфред выбрал архитектуру и в 1843 году (а родился он в 1829) поступил в университет Альтенбурга. Изучая архитектуру, юный Брэм, тем не менее, не бросал своего увлечения зоологией и вскоре стал довольно известен именно благодаря этому своему хобби.

Узнал о нем и богатый любитель путешествий и природы — барон

Мюллер из Вюртемберга. В 1847 году барон и пригласил Брэма отправиться с ним в путешествие по Африке, чтобы изучить местную фауну. Брэм с восторгом согласился. Было запланировано охотиться на животных с целью добычи шкур, а также приручать не самых диких животных, чтобы изучить их повадки.

Путешествие, правда, началось с неприятностей: и Брэм, и Мюллер, прибыв в Каир, сразу слегли от солнечного удара, а, едва оправившись, попали в Каирское землетрясение 1847 года...

Но вскоре все эти ужасы остались позади, и они смогли приступить к выполнению намеченного плана. Штаб-квартира экспедиции находилась в Хартуме. Брэм был отличным охотником, он держал в руках оружие с 8 лет, поэтому охота шла настолько удачно, что удалось даже открыть в Хартуме зверинец, куда доставляли прирученных животных.

Однако через некоторое время между компаньонами начались трения. Мюллер считал, что Брэм для его коллекции добывает слишком мало зверей, и тот ужасно оскорбился: он, рискуя жизнью, страдая от лихорадки, охотился в африканских лесах, а в ответ получил черную неблагодарность. Конечно, общая цель удерживала Мюллера и Брэма вместе, но отношения стали натянутыми.

Собрав достаточно, по его мнению, добычи, Мюллер в январе 1849 года вернулся обратно в Европу. Брэм же остался в Африке, чтобы

предпринять вторую экспедицию (правда, тоже на деньги Мюллера, которому поступали и все собранные во второй экспедиции экземпляры животных).

Вскоре к Альфреду присоединился и его старший брат Оскар, и в 1850 году они вместе отправились исследовать местечко Вади-Гальф. Оскара, как ученого-энтомолога, больше интересовали насекомые, Альфреда — животные. Однако эта экспедиция закончилась трагично — купаясь в реке, Оскар Брэм утонул. Альфред был безутешен — он очень любил брата.

Беда, как известно, не приходит одна. Вернувшись в Хартум, Брэм получил письмо от Мюллера, где сообщалось, что финансовых вложений в экспедицию больше не будет, так как Мюллер разорен...

Альфред оказался в отчаянном положении — в чужой стране, без денег, с огромным количеством диких и прирученных животных, которых тоже надо было кормить и содержать.

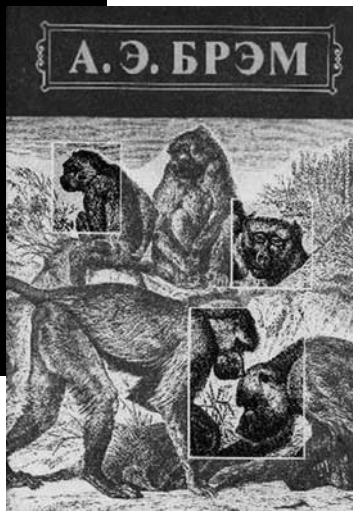
На помощь, как ни удивительно, пришли местные купцы, проникшиеся уважением к Брэму, и губернатор. Вскоре появился и немецкий купец, с помощью которого удалось организовать перевозку животных. Часть найденного и накопленного богатства пришлось распродать в Вене, однако кое-что осталось и Брэму. Главное же, что он приобрел в экспедиции, — бесценные знания, легшие позже в основу знаменитой «Жизни животных». В 1852 году

Альфред Брэм вернулся из Африки домой.

В течение следующих десяти лет он занимался в основном литературной деятельностью, не забывая, однако, и о путешествиях. Вместе с герцогом Эрнстом Саксен-Кобургским совершил путешествие в Абиссинию, которую называл «Африканской Швейцарией», и Египет. Любопытно, что в эту поездку Альфред взял с собой молодую жену, однако нигде не указывается имя этой достойной женщины, которая не побоялась в середине девятнадцатого столетия покинуть благополучную Европу и отправиться за мужем на загадочный «Черный континент».

Будет, наверное, неправильным сказать, что Брэм больше интересовался зоологией, чем своей личной жизнью. Раз уж он женился, обзавелся детьми, наверняка, эти события были значимы в его жизни. Но, увы, о них нигде не упоминается. Все свое время Брэм посвящал работе, поэтому о нем мы знаем в основном благодаря его научным трудам.

Первый том «Иллюстрированной жизни животных» появился в 1863 году. Сейчас трудно понять, какой титанический труд проделал Альфред Брэм, умно, занимательно и просто описав жизнь и повадки множества животных. Достаточно только сказать, что книги, заявляющей в своем названии изучение исключительно животных, до сих пор не было. К 1869 году вышел уже шестой

том. Разумеется, Брэму помогали ученые, иллюстраторы, но все равно — большую часть этой работы выполнял он сам.

Видя в Брэме человека увлеченного, ему не раз предлагали должности, так или иначе связанные с заботой о животных, с популяризацией их среди народа. Был Брэм и директором гамбургского зоологического сада, и устроителем берлинского Аквариума. В обоих местах он работал с присущим ему усердием, старался вводить всевозможные новшества, однако с коллегами уживался плохо, поэтому быстро снова оставался без работы...

С 1872-го по 1876 год он писал и многократно дорабатывал книгу «Птицы в неволе», ставшую настольной для орнитологов-любителей, взялся за переработку «Жизни жи-

вотных» и дополнил ее множеством новых сведений.

В 1876 году он на средства русского промышленника Сибирякова предпринял путешествие по Сибири, Туркестану, Алатау. Через несколько лет побывал и в Северной Америке, правда, уже не с исследовательской целью — Брэма пригласили читать лекции.

Именно в это время радость и горе шли рядом с Брэмом рука об руку.

С одной стороны, он получает звание профессора во множестве университетов, на него сыплются награды и премии, его приглашают читать лекции по всему миру, он с удовольствием посещает научные семинары и всевозможные светские мероприятия, где с легкостью становится душой общества. А с другой — сначала теряет мать, потом жену, а во время поездки по Америке умирает младший сын Брэма. Это горе окончательно забирает силы ученого. Из Америки он вернулся больным и сломленным, а в 1884 году скончался.

Через 6 лет после смерти Брэма, в 1890 году, вышло третье издание «Жизни животных», дополненное немецким натуралистом Пехуэль-Леше. Эта книга и по сей день остается одной из самых интересных среди книг о животном мире, но, вместе с тем, она удивительно проста — читать ее можно в любом возрасте. Не поздно начать и прямо сейчас... □

Высоцкий умер в 1980 году, а интерес к замечательному поэту и артисту не угасает более трех десятилетий. Значительным культурным событием стало недавнее появление на экранах первого художественного фильма, посвященного поэту: «Владимир Высоцкий. Спасибо, что живой». В последнее время о нем написаны сотни статей, издается его десяти томник, а число публикаций все растет...

БИБЛИОТЕКА

Владимира Высоцкого

Евгений
Гик

В 1973 году я познакомился с человеком, обладавшим тогда почти неограниченными возможностями. Действительно, главный администратор Театра на Таганке Валерий Янклович — а речь пока идет о нем — был всемогущей фигурой: Герои Советского Союза и Социалистического Труда стояли в очереди, чтобы заглянуть к нему в окошко и вымолить пару билетов на «Гамлета» (главную роль играл Высоцкий) или «Мастера и Маргариту». И вот, благодаря удачному стечению обстоятельств, мне удалось войти к нему в доверие и добиться почти невозможного — ежедневно на мое имя, словно какому-нибудь VIPу, в таганской брони резервировалось два билета на текущий спектакль. А в дни премьеры я мог даже привести с собой десяток приятелей и приятельниц.

Свободное посещение Театра на Таганке было огромной привилегией, и я использовал ее на сто процентов. Могу признаться, что приглашение понравившейся девушке посетить спектакль в популярном театре действовало почти безотказно... И порой мне казалось, что я уже достиг вершины «власти». Но вскоре выяснилось, что истинная «власть» ждет меня впереди. Однажды Янклович спросил, не могу ли я провести в своем НИИ концерт Владимира Высоцкого. Я лишился дара речи. О том, чтобы посетить сольный концерт Высоцкого, к тому же, самому его организовать, можно было только мечтать.

У меня началась новая жизнь, наконец-то, я понял, что не зря получаю кандидатскую надбавку. Предстояло договориться о концерте с месткомом и заручиться поддержкой парткома. Затем необходимо было решить проблему зала, напечатать билеты и так далее. Короче говоря, все как в пьесе Марка Розовского «Концерт Высоцкого в НИИ». И представьте себе мой триумф, когда все было готово, и в моих руках сосредоточилось более 400 (!) билетов на Высоцкого, которые я мог раздавать по собственному усмотрению...

Высоцкий приехал, дал незабываемый концерт и уехал, а я в своем НИИ превратился чуть ли не в национального героя. Начальство больше не интересовало мои научные результаты, оно хотело только знать, когда снова встретится с любимым артистом. Спустя несколько недель я провел второй концерт Владимира Семеновича, затем третий. Напомню, что Высоцкому запрещалось давать платные концерты — не было необходимой тарификации, и поэтому его выступления назывались «шефскими», а конверт с гонораром тайно вручался Янкловичу, менеджеру артиста.

Вскоре слава моя вышла далеко за пределы института. Мне звонили десятки людей из разных мест, упрашивая провести у них концерт Высоцкого. Так, незаметно, я сам превратился в мини-Янкловича, и хотя организатор из меня никудышный,

пришлось развернуть кипучую деятельность. Случалось, что Валерий лишь согласовывал с Высоцким дату выступления, сообщал ее мне, а на концерт даже не приезжал. В такие счастливые дни я сам, на зависть всем поклонникам барда, нес гитару Высоцкого, которую вручал ему прямо перед выходом на сцену...

Не думаю, что у Высоцкого было много близких друзей. Но когда всеобщего любимца не стало, их объявилось огромное множество. Велик

либо к театру, либо прямо к дому на Малой Грузинской, иногда поднимался в квартиру. Затем артист садился в мои «Жигули» или заводил свой «мерседес», и мы отправлялись на концерт. На хвосте у нас обычно сидело две-три машины — люди откуда-то узнавали о выступлении Володи и поджидали его во дворе. Они преследовали нас до места назначения и уверенно проходили в зал. Этот трюк им всегда удавался: я был уверен, что крутые ребята при-

был соблазн уподобиться этим людям и влиться в толпу «друзей», но удержусь от этого. Хотя я и провел с Высоцким десятки вечеров, все эти встречи были скорее деловыми, протекали при одних и тех же обстоятельствах. В определенный день и час я подъезжал к нему на машине —

ехали вместе с Высоцким, а он — что со мной... После концерта я отвозил Владимира домой или в ресторан ВТО. Конечно, если артист приезжал на своей машине, то эскорт не требовался. Иногда мы виделись и на премьерах «Таганки», например, хорошо помню, что

«Мастера и Маргариту» первый раз смотрели вместе.

Надо сказать, что не все концерты протекали гладко. Так, однажды мы с Янкловичем подъехали за Высоцким на «Мосфильм». Валерий вышел за ним на минутку, но вернулся с Владимиром только через час, съемки неожиданно затянулись. В результате, мы примчались в МИЭМ — концерт в тот день проходил в этом институте — только в 14.20, с сильным опозданием. А на 15.00 в аудитории уже было назначено партийное собрание. О его переносе не могло быть и речи (хорошо еще, что партком вообще разрешил провести «шефский» концерт). Однако Высоцкий взял такой темп, пел с таким азартом, что и в цейтноте успел выполнить свою программу — ни один человек не покинул зал разочарованным.

А в другой раз — дело происходило на юридическом факультете МГУ — Высоцкий вдруг вообще не приехал. Впрочем, лучше об этом не вспоминать, ибо в тот день моя жизнь висела на волоске. Оказалось, что Янклович ошибся и что-то напутал, но, слава Богу, спустя два дня обещанный концерт состоялся.

Бывали случаи, когда в один день проводилось сразу два выступления — Высоцкий работал на износ. Иногда он сетовал, что в театре у него смехотворная ставка, гонорары за пластинки мизерные, и выручают только концерты. Впрочем, не это было главной темой разговоров во время наших мимолетных встреч.

Чаще всего певец рассказывал о том, как возник у него замысел той или иной песни, или делился впечатлениями о своей последней заграничной поездке. Ведь иногда он только накануне возвращался из Парижа, один или с Мариной Влади, а уже на следующий день был назначен концерт.

В начале 1980-го выступления давались Высоцкому с большим трудом. Кроме всего прочего, он еще подхватил какую-то инфекцию, и у него сильно болела нога, поэтому перед каждым выходом на сцену и после концерта Янклович делал Володе перевязку.

А в середине июля, за две недели до смерти Высоцкого, мне позвонила Людмила Сигаева из Московского НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Габричевского. Хотя я не был знаком с этой девушкой, легко догадался, какая последует просьба. Я, как обычно, связался с Янкловичем, и дело закрутилось. И вот 14 июля 1980 года состоялся очередной концерт. Хотя Высоцкий чувствовал себя неважно, но был в ударе — читал стихи, рассказывал о своих песнях, пел с необычайной энергией. Успех был неимоверный. А атмосфера напомнила мне спектакль «Вишневый сад» на Таганке — все было белым-бело. Концерт проходил в служебное время, и сотрудники института, медики, которых собралось в два раза больше, чем вмещал зал, явились в рабочей одежде — белых халатах.

На этом выступлении Высоцкий впервые исполнил песню «Грусть

моя, тоска моя», о чем объявил сам. Видимо, это было последнее, что он успел написать. Во всяком случае, песня завершает многие его сборники. А концерт этот, как оказалось, к великому сожалению, был последним в Москве — 25 июля Владимира Высоцкого не стало. Выступление это упомянуто во многих книгах, посвященных поэту. А его самый последний концерт в жизни, уже в подмосковном Калининграде, в Подлипках, состоялся через день — 16 июля (через два дня, 18 июля, прошел и последний спектакль «Гамлет», самый знаменитый с его участием).

Конечно, я был благодарен Янкловичу за то, что он сделал меня «своим человеком» на Таганке, и что в течение нескольких лет я мог присутствовать на концертах любимого артиста и поэта. Но и я не остался перед ним в долгу. В 1979 году, по просьбе моей американской знакомой Барбары Немчек, я привел ее на один из таганских спектаклей, заодно познакомил с главным администратором. И надо сказать, больше в моей поддержке она не нуждалась. А в скором времени Барбара и Валерий поженились... Регистрация брака советского гражданина и американки могла затянуться на неопределенный срок, но вмешательство Володи быстро решило дело. А спустя еще несколько месяцев, когда Высоцкий умер, Янклович улетел с Барбарой в США. И, как выяснилось, правильно сделал. Сразу после смерти артиста начались гонения на тех, кто был замешан в его

«шефских» выступлениях, кое-кто даже получил срок... А когда через год, расставшись с Барбарой, Янклович вернулся в Москву, все уже улеглось, успокоилось.

Осталось рассказать главное — что, собственно, послужило поводом для написания этих заметок. До поры до времени Высоцкий, кажется, рассматривал меня как менеджера мелкого масштаба, кем-то вроде замдиректора Дома культуры. И когда в 1976 году я подарил ему свою первую книжку «Математика на шахматной доске», он был искренне удивлен. От человека, который так ловко носил его гитару, он никак не ожидал, что он, то есть я, имеет ученую степень и, к тому же, шахматный мастер.

Кстати, общаясь с Володей, я не раз имел возможность взять у него шахматное интервью, тем более, что знал от Станислава Говорухина, как однажды режиссер давал ему шахматные уроки, которые пригодились Высоцкому при работе над песней, посвященной его «матчу» с Фишером.

А на подаренной поэту книге я сделал следующую надпись:

Владимиру Высоцкому, ученому и шахматисту (автору песен «Товарищи ученые» и «Честь шахматной короны») с глубоким уважением и восхищением от автора. Ноябрь 1976. XX век. Евгений Гик.

С той поры минула вечность, и, конечно, я не помнил, какие слова написал на подаренной Володе кни-

ге. Но однажды, в начале девяностых, мне позвонила незнакомая девушка, представилась Ларисой Симаковой, одной из активисток Клуба поклонников Высоцкого.

— Не расскажете что-нибудь о концертах нашего кумира? — спросила она.

— С удовольствием. Но как вам удалось меня разыскать? — удивился я.

— Благодаря книжке «Математика на шахматной доске», которая имеется в библиотеке Высоцкого.

— Только одной? — невольно вырвалось у меня. — Ведь в 1979-м я успел подарить Володе и свою следующую книгу — «Шахматные досуги».

— После смерти Высоцкого, — объяснила Лариса, — в его доме перебивало несчетное количество людей, и пропало много книг, не только ваша.

— А как вы узнали, что в библиотеку попала моя книга? — я решил удовлетворить свое любопытство до конца.

— Список всех книг, подаренных Высоцкому с автографами их авторов, опубликован в одном из номеров «Ваганта» — вестника, посвященного поэту. Просматривая этот список, я и натолкнулась на ваше имя.

Нетрудно догадаться, что уже на следующий день я разыскал необходимый выпуск «Ваганта». И в самом деле, в № 1 за 1992 год приведен список всех 109 книг, подаренных Высоцкому и сохранившихся

в его библиотеке. Вот что написано в предисловии:

Библиотека Высоцкого невелика: не более тысячи томов. Не имея до 1975 года собственной квартиры, он начал собирать книги только после переезда в дом на Малой Грузинской, да и потом коллекцио-

нирование книг не носило у Володи систематического характера. Кроме того, некоторые гости пользовались известной всем щедростью хозяина дома, и, бывало, издания исчезали с полок без его ведома...

Среди книг, подаренных Высоцкому, сотня от соотечественников, еще на девяти стоят автографы зарубежных друзей — М. Шемякина, С. Лема и других. Все дарственные надписи воспроизведены в авторской пунктуации.

Среди авторов книг немало известных поэтов и писателей (многие из них, увы, тоже уже ушли из жизни): Ф. Абрамов, А. Адамович, П. Антокольский, Б. Ахмадулина, братья Вайнеры, А. Вознесенский (восемь книг — абсолютный рекорд!), Е. Евтушенко, А. Межиров, К. Симонов, братья Стругацкие, Ю. Трифонов. Конечно, автору этих строк приятно было обнаружить в списке и свое имя — между Вознесенским и Евтушенко (имена были расположены по алфавиту). Других шахматных книг, кроме той, что значилась под № 36, в библиотеке поэта не оказалось...

Вот надписи, сделанные Высоцкому тремя поэтами-шестидесятниками, лидерами советской поэзии в течение многих десятилетий.

Б. Ахмадулина на книге «Стихи»: *«Володя, как я люблю тебя! Как я соскучилась! Как я счастлива, что — ты! Марина, моя нежность к тебе, мое безмерное восхищение — как объяснить? Люблю. Целую. Белла».*

А. Вознесенский на книге «Антимиры»: *«Володя, милый, спасибо за Ваш талант, подлинность, Вашу распахнутость — страшно за Вашу незащищенность в этом мире. Андрей Вознесенский».*

Е. Евтушенко на книге «Идут белые снеги»: *«Марине и Володе, чтобы даже разлучаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословлена Богом. Ради него не расставайтесь. Я буду мыть тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Жена Евтушенко».*

P.S. Наличие шахматной книги в библиотеке Высоцкого — не столь уж важный штрих в его биографии, скорее, приятное воспоминание для автора этого эссе. Но вот год назад, 25 января 2011-го, в очередной день рождения поэта, в Музее Высоцкого на Таганке открылась новая экспозиция, она была посвящена теме «Спорт в жизни Высоцкого», причем один из уголков выставки был целиком отдан шахматам. И тут я неожиданно обнаружил под стеклом знакомую книгу «Математика на шахматной доске» с надписью, журнал с интервью, взятым мною у Михаила Таля, и также подаренный Владимиру Семеновичу, и, наконец, мое письмо ему, в котором я провожу параллель между двумя гениями — Высоцким и Талем. Поразительно! Оказывается, поэт при жизни хранил все материалы, и сейчас, тридцать лет спустя, эти «вещественные доказательства», к счастью, не пропали ...

Владимир Высоцкий

ГОРНАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
теперь — наверх!

Ну вот, сорвался в пропасть
страх

Навек, навек.

Для остановки нет причин —

Иду, скользя...

И в мире нет таких вершин,

Что взять нельзя!

Среди нехоженых путей

Один путь — мой!

Среди не взятых рубежей

Один — за мной!

А имена тех, кто здесь лег,

Снега таят...

Среди не пройденных дорог

Одна — моя!

Здесь голубым сияньем льдов
весь склон облит,

И тайну чьих-нибудь следов
гранит хранит...

А я гляжу в свою мечту —
поверх голов,

И свято верю в чистоту —
снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
мне не забыть,

Что здесь сомнения я смог
в себе убить.

В тот день шептала мне вода:

«Удач — всегда!..»

А день, какой был день тогда?

Ах да — среда!..

*** * ***

Оплавляются свечи

На старинный паркет.

Дождь стекает на плечи

Серебром с эполет.

Как в агонии бродит

Золотое вино.

Пусть былое уходит,

Что придет — все равно.

И, в предсмертном томленьи

Озираясь назад,

Убегают олени,

Нарываясь на залп.

Кто-то дуло наводит

На невинную грудь.

Пусть былое уходит,

Пусть придет что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,

Веселясь, наугад

Мечет острые стрелы

В воспаленный закат.

Слышно в буре мелодий

Повторение нот.

Все былое уходит.

Пусть придет, что придет.

О ЗНАКАХ ЗОДИАКА

Неправда, над нами не бездна, не мрак —
Каталог наград и возмездий.

Любуемся мы на ночной зодиак,
На вечное танго созвездий.

Глядим, запрокинули головы вверх,
В безмолвие, тайну и вечность, —
Там трассы судеб и мгновенный наш век
Отмечены в виде невидимых вех,
Что могут хранить и беречь нас.

Горячий нектар в холода февралей —
Как сладкий елей вместо грога —
Льет звездную воду чужак Водолей
В бездонную пасть Козерога.

Вселенский поток и извилист и крут,
Окрашен то ртутью, то кровью,
Но, вырвавшись мартовской мглой из пут,
Могучие Рыбы на нерест плывут
По Млечным протокам — к верховью.

Декабрьский Стрелец отстрелялся вконец,
Он мается, копыя ломая, —
И может без страха резвиться Телец
На светлых урочищах мая.

Из августа изголодавшийся Лев
Глядит на Овена в апреле.
В июнь к Близнецам свои руки воздев,
Нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

Лучи световые пробилась сквозь мрак,
Как нить Ариадны, конкретны,
Но — и Скорпион, и таинственный Рак
От нас далеки и безвредны.

На свой зодиак человек не роптал.
Да звездам страшна ли опала?!
Он эти созвездия с неба достал,
Оправил он их в драгоценный металл —
И тайна доступно стала. □

СКОРБЯЩИЙ

АНГЕЛ

Однажды, в мае 2003 года, в адрес министра культуры Российской Федерации поступило обращение председателя Комитета по культуре администрации Санкт-Петербурга о выделении 1 300 000 рублей на приобретение старого бронзового надгробия с могилы графа Аракчеева.

В письме кратко излагалось, что надгробие представляет собой бронзовую фигуру обнаженного крылатого ангела, держащего в руках картуш с изображением герба графа Аракчеева, выполненную выдающимся мастером русской скульптуры Иваном Петровичем Мартосом

* Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств, профессор Российского государственного университета, член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Анатолий Иванович Вилков более двадцати лет работал в центральных органах государственной власти в сфере сохранения культурно-исторического наследия и внес заметный вклад в поиск и возвращение культурно-исторических ценностей, похищенных или незаконно вывезенных из России. Публикуемый очерк, с разрешения автора, взят из книги А.И. Вилкова «Очерки культурных ценностей современной России», выпущенной издательством «Пашков дом».

Надгробие было заказано самим Аракчеевым в 1825 году и установлено еще при его жизни в соборе Андрея Первозванного в имени Грузино под Новгородом.

В годы Великой Отечественной войны усадьба была разрушена, а скульптура бронзового ангела считалась безвозвратно утраченной.

Но вот несколько лет назад стало известно, что надгробие Аракчеева сохранилось и находится в частном собрании. Владелец готов продать скульптуру скорбящего ангела за 40 тысяч долларов США для Государственного музея городской скульптуры Санкт-Петербурга.

Российское министерство культуры отказалось выделять такую сумму, бюджет трещал по швам.

Вместе с тем, эта ситуация заинтересовала Департамент по сохранению культурных ценностей с правовой точки зрения. Требовалось установить, при каких обстоятельствах право собственности на это уникальное произведение Мартоса возникло у нынешнего владельца.

За свою жизнь скульптор создал сравнительно небольшое количество камерных работ, и все они находятся в экспозициях Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея и Государственного музея городской скульптуры в Санкт-Петербурге.

В большей степени Мартос известен как монументалист, снискавший славу как автор памятника Минину и Пожарскому в Москве. Основными его работами последнего пе-

риода стали памятники официально-го характера: колоссальный бюст Александра I для Биржи в Санкт-Петербурге, памятник герцогу Ришелье, правителю Новороссии, памятник Александру I в Таганроге, а также ряд незавершенных работ.

Скульптура скорбящего ангела мало известна в связи с ее нахождением в соборе аракчеевского имени, а после войны и вовсе считалась утраченной. Единственным упоминанием о ней была гравюра Е. Гейтмана, опубликованная в одном довоенном издании.

В этой связи было решено обратиться в ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области с просьбой — установить владельца скульптуры и принять меры по ее изъятию в пользу государства.

Проверка ГУВД была проведена оперативно и четко, но в ответе отмечалось, что причин для принятия мер по изъятию не усматривается, так как в действиях владельца скульптуры нет признаков состава преступлений, предусмотренных уголовным законодательством России.

Кроме того, сообщалось, что владельцем скульптуры является Иванова Елена Юрьевна, уроженка города Чудово Новгородской области, проживающая в Санкт-Петербурге. Не менее важным было сообщение, что она числилась помощником одного из депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Иванова подтвердила факт владения скульптурой, но отказалась выдать ее добровольно.

Ситуация становилась все более интригующей.

Тогда я обратился к генеральному директору Новгородского государственного объединенного музея-заповедника Николаю Гриневу, которого хорошо знал как инициативного и творческого человека.

Коренной новгородец, историк по образованию, Николай Николаевич возглавил Новгородский музей-заповедник в самые сложные годы, когда многие из музеев страны закрывались. Благодаря грамотному руководству, музей не только выстоял, но и начал успешно развиваться, и, конечно, директор должен был знать о захоронении графа Аракчеева.

Вот что он сообщил.

Склеп с останками графа был разорен во время несанкционированных раскопок в 60-е годы XX века. Из могилы были похищены золотые позументы мундира и личные вещи графа.

В развалинах было найдено и надгробие с могилы Аракчеева — «Скорбящий ангел». Это надгробие приобрел не кто-нибудь, а сам председатель Чудовского районного суда Юрий Иванов за ящик водки.

Когда музей попросил его продать надгробие за умеренную плату, то получил отказ. Более того, владелец заявил, что, в связи с повышенным интересом, он перевез его в Санкт-Петербург на квартиру своей дочери Елены, которая в те годы работала в городской администрации.

Дирекция музея посетила Иванову в Санкт-Петербурге, где она проживала в маленькой комнатке ком-

мунальной квартиры. Обстановку ее комнаты составляли кровать, журнальный столик, стул и надгробие с могилы графа Аракчеева.

На все уговоры и объяснения, что надгробие является государственной собственностью, подлежит возврату государству, что музей мог бы компенсировать затраты на перевозку и хранение памятника, Иванова отвечала одно — надгробие она хочет продать, а на вырученные деньги купить квартиру.

Как известно, видный деятель эпохи императора Александра Первого, военачальник, усовершенствовавший русскую артиллерию, внесший огромный вклад в победу над наполеоновскими войсками в 1812 году, свои последние годы провел, уединившись в собственном имении Грузино, подаренном ему Павлом Первым.

Усадьба, построенная Аракчеевым в 1796 году, ознаменовала самый яркий период в истории русской усадьбы во времена ее максимального расцвета и являлась лучшим образцом для своего времени.

Граф Аракчеев был глубоко верующим человеком. При устройстве своего имения в 1805 году, на месте старой деревянной церкви, он заложил новый каменный собор во имя святого апостола Андрея Первозванного.

В России это был единственный собор в помещичьей усадьбе.

Церковь была квадратной, с массивным куполом, а на западной и восточной сторонах имела портики с шестью колоннами. В храме было три придела, главный из которых

посвящен апостолу Андрею Первозванному. Его украшали Царские серебряные врата и богатый золоченый серебряный иконостас.

По обилию декора и красоте отделки он превосходил иконостасы многих столичных церквей.

Левый придел был освящен в честь апостолов Петра и Павла. Он имел оригинальный иконостас в виде римского круглого храма с десятью колоннами. В этом приделе стоял памятник императору Павлу I, у подножия которого и был похоронен Аракчеев.

Иконостас правого придела, освященный в честь святителей Петра, Алексея и Ионы, был двухъярусный и составлен из икон XVII века, а у клироса установлен памятник офицерам и воинам полка графа Аракчеева, погибшим в сражениях 1812–1824 годов.

После революции владение Аракчеева Грузино Чудовского района Новгородской области было национализировано. Все здания и сооружения, а также предметы, находившиеся в храме Андрея Первозванного имения Грузино, стали государственной собственностью.

Несанкционированные раскопки на руинах карались в соответствии со статьями УК РСФСР. Всякий, кто находил клад, должен был оповестить об этом органы милиции.

Мог ли не знать об этом народный судья Юрий Иванов? Могло ли бронзовое надгробие стать его собственностью на законных основаниях?

Сегодня памятник местного значения «Имение графа А.А. Аракчеева «Грузино» находится на балансе

Управления госконтроля, охраны и использования памятников истории и культуры Новгородской области, оно и должно дать ответ на эти вопросы.

2009 год стал дважды юбилейным для исторического деятеля, российского монархиста графа Аракчеева. В мае исполнилось 175 лет со дня его смерти, а в сентябре — 240 лет со дня рождения.

По инициативе Новгородского музея-заповедника и договоренности с администрацией Чудовского района Новгородской области на месте разрушенного собора Андрея Первозванного начали проводиться раскопки. Были найдены и тщательно собраны костные останки графа и его супруги, прошедшие антропологическую экспертизу.

Появилась реальная возможность восстановить место захоронения выдающегося государственного, военного и политического деятеля России начала XIX века графа Аракчеева.

Жители Грузино уверены, что останки должны вернуться на Волхов. В связи с обращением ряда общественных организаций города Чудово администрация Новгородской области приняла решение о перезахоронении останков графа Аракчеева на территории его бывшей усадьбы в Грузино, а также об установке на этом месте памятника или памятного знака.

Возвращение надгробия работы выдающегося российского скульптора Ивана Мартоса становится еще актуальнее. Но не менее актуально звучит вопрос: о чем скорбит бронзовый ангел? □

Денис Логинов

проклятие

Анжелики

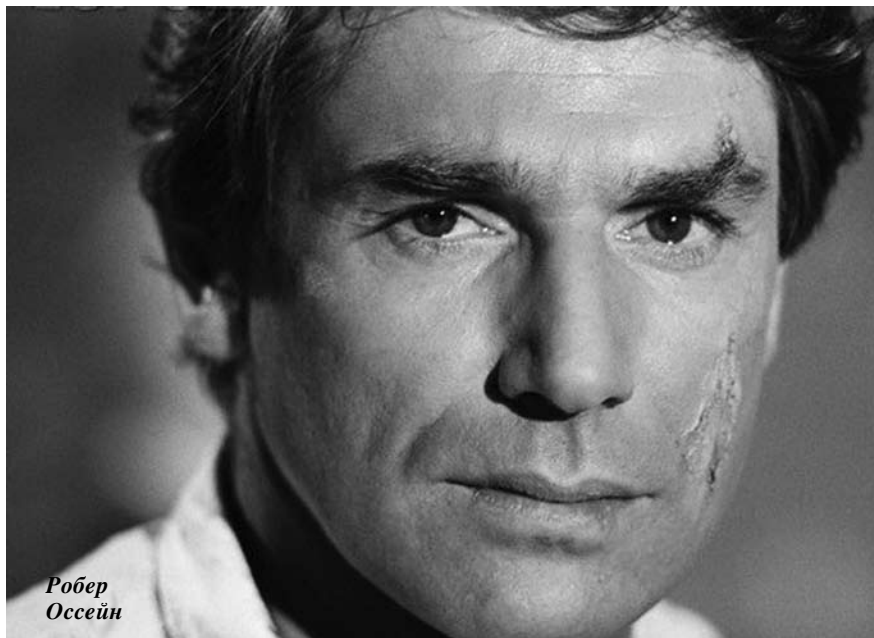

*Мишель
Мерсье*

Многие, конечно, помнят тот день — почти полвека тому назад — когда на советских экранах один за другим появились два удивительных, ни на что другое не похожих фильма: «Анжелика — маркиза ангелов» и «Анжелика и король» — эталон французских костюмированных художественных фильмов, с потрясающей красавицей в главной роли

и русские корни

де Пейрака графа

*Робер
Оссейн*

Мишель Мерсье... Ею грезили, о ней мечтали, ей подражали. И наивно полагали, что у такой необыкновенной женщины и жизнь, конечно же, сплошной праздник. Увы! Чем прекраснее и счастливее были

ее героини на экране, тем трагичнее становилась ее личная жизнь, о которой, правда, мало кто знал.

Мишель Мерсье — это псевдоним, на самом деле старшую дочь прелестного фармацевта из Ниццы

звали Жоселин. Но первый же режиссер, обративший внимание на красивую девушку, предложил ей сменить имя — для благозвучия. Пару лет спустя ее собственные родители уже не помнили, как окрестили дочь, и звали ее Мишель.

Мерсье и сама не заметила, как стала актрисой. Весной 1957 года она прогуливалась с отцом в городском саду, где ее заметили два господина — режиссер Дени де ла Пателльер и сценарист Мишель Одиар. Оба сразу поняли, что именно она и нужна им на комедийную роль в картине «Поворот ручки».

Мишель (тогда еще Жоселин) уже пробовала себя в качестве балерины и даже успешно выступала на концертах своей балетной школы. Но балерины из нее так и не вышло: воспитанная в строгой католической семье, девушка не могла ради карьеры переступить через некоторые принципы.

После «Поворота ручки» Мишель больше никогда не испытывала недостатка в предложениях сниматься. Ее яркая, чувственная красота, редкая фотогеничность и умение естественно держаться в кадре притягивали режиссеров и продюсеров, словно магнит. Однако, как ни странно, наибольшую известность Мишель приобрела в Италии, где стала «французской киноактрисой номер один».

А еще ей страстно хотелось устроить свою жизнь, создать семью, иметь детей. В это было трудно поверить, но признанная красавица хоть и кокетничала, но хранила невинность для своего будущего су-

пруга, ни минуты не сомневаясь в том, что он у нее будет первым и единственным.

Судьба, однако, распорядилась иначе. Первым серьезным претендентом на руку Мишель оказался... иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви. Занятый поисками новой молодой жены, шах увидел фотографию мадемуазель Мерсье в одной из итальянских газет и с первого взгляда понял — вот он, подарок судьбы. Мишель в это время была занята на съемках итальянского фильма «Ночи Лукреции Борджиа». И вот в Риме ее представили шаху на специально устроенном для этого приеме.

Смотрины не задались. Мишель до того смутилась под оценивающим и откровенно похотливым взглядом Его величества, что совсем растерялась и не знала, что сказать и как себя вести, в общем, впала в какой-то ступор. А потом долго лила слезы на подушку в номере скромного отеля. Зачем ей какой-то шах с его пугающим блеском в глазах? Неужели она дала повод так на нее смотреть? Кого они все в ней видят? За кого принимают?

«Эту девушку, несомненно, поцеловала богиня любви, только она сама этого не понимает. У нее впереди — большое будущее!» — так отозвался шах о Мишель Мерсье. Вопреки опасениям Мишель, он принял ее именно за ту, кем она была — природную и талантливую актрису, наделенную к тому же необычайной красотой. Вот только на роль шахини, увы, она не подходила...

Кадр из к/ф
«Анжелика»

Любая другая на ее месте гордилась бы своей красотой, однако после истории с шахом у Мишель появился... огромный комплекс неполноценности. Когда ее пригласили в Голливуд на кинопробы с самим Элвисом Пресли, Мишель появилась на пышном приеме в глухом, не оставляющем пространства воображению черном платье, со скромной прической и без всякой косметики. И все равно Мерсье то и дело ловила на себе восхищенные взгляды мужчин.

Голливудская карьера не состоялась по тем же причинам, что и карьера балерины. Мадемуазель Мерсье вернулась в Париж и... стремительно вышла замуж за первого же челове-

ка, сделавшего ей официальное предложение: малоизвестного режиссера Анри Девилье. В тесной квартирке на острове Миньо она усердно начала вить свое семейное гнездышко. Больше всего ее заботило, чтобы у них с мужем было «все как у людей». Две овчарки, служанка, картины по стенам, вазы, безделушки...

В то же время Мишель много снималась, к сожалению, в не слишком удачных картинах. Самой любимой ее ролью в тот период была роль девицы легкого поведения в фильме «Стреляйте в пианиста». В перерывах между поливкой фикусов и приготовлением спагетти она с головой уходила в любимую работу. Муж откровенно недоумевал:

*Мишель
Мерсье*

— Ну, и талант у тебя! Днем играешь проститутку, вечером — сама добродетель. Где же настоящая ты? На ком я, собственно, женился?

Его раздражение можно было понять: женившись на одной из самых обольстительных женщин своего времени, он не ожидал, что его жена окажется невинной и неискушенной девушкой, прилежной домохозяйкой и очень плохой любовницей. В постели Мишель была скованна, скучна, покладиста и словно сама себя боялась. Анри ждал от нее кокетства, страсти, капризов, безумств — ничего подобного. А, между тем, в этой женщине явно таилась эротическая сила вулкана, хотя пока не сверкнуло даже искры.

В начале шестидесятых Мишель Мерсье получила свой первый в жизни приз — за лучшую женскую

роль в картине «Рычащие годы». Ее карьера явно шла в гору. А солнечным утром 1963 года — они с мужем как раз пили утренний кофе — в квартире раздался телефонный звонок. Мишель пригласили на пробы картины «Анжелика».

Она только что прочла знаменитый роман и буквально заболела им:

«Анжелика вызвала во мне бурю восторга. Я чувствовала ее всеми фибрами души».

Авторы романа, Анн и Серж Голлон, едва увидев Мишель, в один голос воскликнули:

— Это она! Это наша Анжелика!

Разумеется, роль досталась именно ей, пришлось только изменить цвет волос, поскольку Мишель была брюнеткой. Но впечатление создавалось такое, что она родилась с этой золотистой львиной гривой, подчер-

кивающей нежный цвет лица и красоту глаз цвета меда.

Первые два фильма — «Анжелика — маркиза ангелов» и «Великолепная Анжелика» — снимались одновременно. Утром Мишель играла взрослую женщину и мать, а вечером — героиню, которой всего семнадцать. Впервые в жизни ей было не до семьи и не до хозяйства. Она была одержима Анжеликой — иногда это даже ее пугало.

Во время триумфальной премьеры фильма в «Мулен Руж» в декабре 1964 года Мишель стояла на сцене, утопая в цветах. Но улыбка у нее была вымученная, а в глазах затаилось отчаяние. Триумф жены странно подействовал на Анри, его словно подменили: он забросил свою работу и на неделю ушел в запой. А накануне премьеры с ним случился настоящий эпилептический припадок, но...

Осмотревший Анри врач заявил, что припадок — чистой воды симуляция. Мишель потребовала от мужа объяснений, но в ответ услышала какой-то бред:

— Увидишь, вместе с коньяком я скоро начну глотать валиум, барбитураты и очень скоро сойду с ума. И ты никогда меня не оставишь — по закону нельзя развестись с сумасшедшим!

С ним случилось то, что отныне будет, так или иначе, происходить со всеми ее мужчинами: в образе Анжелики Мишель стала символом красоты и чувственности, объектом вожделения. Отныне никакие клятвы и доводы здравого смысла не

могли пересилить совершенно безумную ревность, целиком захватившую несчастного.

В конце концов Анри действительно сошел с ума и попытался подстроить своей супруге автомобильную катастрофу. Мишель уцелела чудом, а ее муж оказался в психиатрической клинике. Правда, и сама Мишель была на грани нервного расстройства. Она была уверена — всему виной ее внешность: Анри уже не первый, кто не желает видеть ничего, кроме ее необыкновенной красоты.

Но настоящие беды только начались. Следующий роман Мишель (на сей раз с безумно влюбленным в нее художником) закончился еще более драматично. Она ни разу не изменила возлюбленному, ни разу не дала повода для подозрений. Но и тот отказывался этому верить, из-

*Кадр из к/ф
«Анжелика»*

водя себя и ее сумасшедшей ревностью.

Мишель почувствовала недоброе, когда он показал ей одну из своих новых работ: разрезанный на кусочки и наклеенный на старое квадратное зеркало фотопортрет Мишель. Странная фантазмагорическая аллегория... А через несколько дней он с необъяснимой яростью набросился на Мерсье. Удар пришелся в лицо, перстень с печаткой разбил нос, рассек щеку — кровь заливала ей глаза, и она была похожа на ту самую фотографию...

Двойной перелом носа, долгие месяцы в больнице, несколько пластических операций. Когда Мишель увидела себя в зеркале, ей стало страшно — кровоподтеки, распух-

шие губы, синяки под глазами... И отчаянная, помимо ее собственной воли прорвавшаяся мольба:

— Я хочу быть Анжеликой, я — Анжелика! Господи, сделай меня опять такой, как Анжелика!

Природа французской Ривьеры, воздух и морские купания подействовали благотворно — Мишель снова стала той, к чьим ногам готовы были пасть все мужчины Европы. И опять, глядя на нее, любой мог побиться об заклад, что в спальне такой женщины поклонники меняются не реже, чем цветы в вазах. А она всего лишь смогла развестись с мужем, да и то при условии выплаты ему солидного ежегодного содержания. Какие уж там романы!

В 1969 году, к неопишуемой радости своих родителей, Мишель вышла замуж за давнего друга семьи, предпринимателя и весьма перспективного политика Алена Рено. Кстати, в отличие от ее прежних мужчин, Ален убеждал Мишель не бросать работу. И хотя она бесконечно устала с юных лет жить в режиме проб, ранних пробуждений, утомительных съемок, ночевок в осточертевших отелях, ей было приятно, что на сей раз в ней видят не только красивую оболочку, но, кажется, и душу...

Прозрение оказалось болезненным. Два года спустя Мишель пришлось признаться самой себе: она глубоко и безнадежно несчастна. Ни слава, ни восхищение поклонников, ни обеды и ужины с политической элитой страны, ни привязанность к мужу не согревают ее сердце по-настоящему. А роль идеальной жены, которую она снова так старательно играла, давно уже стала только маской. По-настоящему она оживала лишь во время съемок очередной серии «Анжелики».

Версаль, Средиземное море, павильоны с декорациями средневекового Парижа... Мишель переодевалась то в роскошное придворное платье, то в костюм восточной одалиски, то в лохмотья отчаявшейся вдовы колдуна Пейрака. Остальные актеры обожали ее, она со всеми была равна и доброжелательна, как и ее героиня. Но гасли юпитеры — и снова Мишель проводила вечер одна в пустой квартире: у мужа бесконечные деловые встречи, поездки...

А потом произошло неизбежное: Мишель встретила другого мужчину. Точнее, он спас ее, когда после двух часов съемок в холодной воде режиссер забыл об актрисе и отплыл к берегу. Очнувшись она уже на берегу и увидела склонившегося над ней красивого молодого человека. Ее спасителем оказался режиссер Питер Коллинсон. Их потянуло друг к другу, как магнитом, но...

Но, как и раньше, обнаружив в себе подобные желания, Мишель смертельно их испугалась, к тому же, она была замужем. Питер ежедневно приходил на съемки и издали наблюдал за ней. За эти дни они разговаривали едва ли больше пары минут. Но с того дня Питер, ее ангел-спаситель, стал часто снится Мишель, и почему-то всегда звал ее улететь с ним.

Когда ей предложили роль в картине Питера Коллинсона «Драчуны», она не сомневалась — надо отказываться. Питер даже во сне стал угрозой ее супружеской добродетели. Но на сей раз «надо», сказанное самой себе, не сработало. Съемки «Драчунов» происходили в Турции, от съемочной площадки до гостиницы — несколько километров по дороге, вьющейся между скалой и пропастью. Только здесь, в этом диком месте, едва ли не впервые в жизни она почувствовала себя почти свободной. «Никогда у меня не было таких отношений с режиссером. Ни единой ссоры. Он нежен, такая нежность редко встречается у мужчин. Я чувствую, что его влечет ко мне — и не могу ЭТОМУ сопротивляться».

Однажды Питер пригласил Мишель на прогулку в горы и там признался ей в любви. Все произошло спонтанно. Но она и не подозревала, что способна испытывать такое наслаждение — до экстаза, до полного изнурения. И вот это случилось...

Наутро она проснулась растерянной и разбитой. Сказалась больной и не вышла на съемки: перед глазами поочередно вставали то нежная улыбка Питера, то разъяренное лицо Алена. Ее сознание словно бы раздвоилось — одна Мишель пребывала в любовном восторге, другая дрожала от стыда и страха. И между ними лежала непреодолимая пропасть...

В тот же день Питер задал Мишель вопрос, который она уже не раз слышала во сне:

— Ты улетишь со мной?

Он умолял ее бросить мужа и улететь в Лондон. Но Мишель ответила категорическим отказом, за что потом будет терзать себя сожалениями долгие месяцы. Ален так и не прилетел в Италию, зато, вернувшись в Париж, она обнаружила неопровержимые доказательства того, что муж давно уже ей изменял. Развод состоялся быстро, и о нем Мишель никогда не жалела.

В тридцать шесть лет Мишель Мерсье осталась одна и чувствовала себя абсолютно опустошенной. Съемочные площадки она больше не могла видеть. Когда по телевизору шла ее «Анжелика», она испытывала настоящие страдания, глядя на счастливое лицо своей героини. Невольно приходили мысли о том, что судьба

обошлась с ней несправедливо, наделив красотой и обделив счастьем.

Более того, убедила себя, что приносит несчастье другим. Поэтому когда давний поклонник Мишель Адриан осмелился, наконец, признаться ей в любви, она сначала ничего ему не ответила. Но он сказал:

— Ты обязательно принесешь мне счастье! — и она ему поверила, ей так этого хотелось!

Адриан был богатым бизнесменом, вдовцом, и один воспитывал двоих сыновей — двенадцатилетнего Патрика и девятилетнего Бенджамина. Дети сразу же приняли Мишель как родную.

«Сразу после школы они бежали ко мне. Ради этого момента я была готова сидеть дома целый день. Бенджамин кричит снизу: "Это мы!", бросается ко мне, забирается на колени. Патрик тоже тут как тут. Эти дети могли бы быть моими».

Они не стали ее, как не суждено было ей самой стать законной женой Адриана, хотя почти два года Мишель не снималась в кино, следовала за ним по всему миру, вращалась в высших кругах строительного и нефтяного бизнеса, мировой финансовой элиты. Уже был назначен день свадьбы, когда у Адриана первый раз случился приступ головокружения. А вслед за этим последовал страшный диагноз врачей: злокачественная опухоль мозга.

Мишель едва не наложила на себя руки: все повторялось — она приносила мужчинам только боль и страдания. Адриан сгорел за два месяца

ца... До последней секунды он держал ее за руку и просил:

— Только не бросай меня.

Она осталась верна его памяти. Кроме этого, в ее жизни уже ничего ценного не было.

Но и сегодня, на восьмом десятке лет, Анжелика по-прежнему обворожительна. Она продолжает появляться на кинофестивалях с ретроспективами фильмов об Анжелике. В 2006 году правительство Франции вручило актрисе Орден литературы и искусства.

Рассказав об Анжелике, невозможно промолчать о ее великой любви — графе де Пейраке.

Великолепный граф Тулузский, Жофрей де Пейрак, супруг прекрасной Анжелики, потрясал воображение тех женщин, которым сейчас уже далеко за... Впрочем, это неважно, поклонницы Великого Хромого до сих пор молоды (не только душой) и по-прежнему обожают его.

Так что же это за феномен такой, над которым не властны ни годы, ни мода? Неужели, правда, что подобный актер мог появиться только во Франции, что именно француз — хрустальная мечта девушек и женщин всех времен и народов?

Не совсем. Робер Оссейн родился 30 декабря 1927 года. Только настоящее его имя — Роберт Аминович Хусейнов, его отец попал в Европу из дореволюционного еще Самарканда в 1911 году, когда в числе одиннадцати юношей был отправлен на учебу в Германию, где сначала

поступил в университет на медицинский факультет, а затем серьезно увлекся музыкой.

Хусейнов остался в Германии, стал известным композитором — Андре Оссейном, и женился на красавице Анне Мневской — дочери русского эмигранта-банкира. Так что в жилах «самого французского актера», на самом деле, нет ни капли французской крови. А вот слияние восточной и славянской кровей и породили неотразимое и практически необъяснимое обаяние этого человека.

С приходом нацистов в 1933 году Оссейна и его семью выдворили за пределы Германии, и они переехали во Францию. С тех пор Робер и считает себя французом... русского происхождения, о чем говорит практически во всех своих интервью.

В девятнадцать лет Робер, окончив курс обучения, пришел в театр «Гран Гиньоль». Здесь он брал уроки у светила драматической педагогики, а талант дал ему уникальную способность мгновенно впитывать в себя другую культуру.

Парижу он обязан живостью ума, безошибочностью вкуса и чувством современности. Но все остальное — врожденное. Хотя...

В 1955 году Робер женился на Марине Влади (Поляковой), родившей ему двух сыновей: Игоря и Петра.

«Когда я впервые увидел Марину, она была совсем ребенком, — вспоминает Оссейн. — Я хорошо знал ее старших сестер, уважал их ум и такт... Марину же впервые увидел, когда ей исполнилось пятнад-

*Робер Оссейн
с первой женой —
Мариной Влади*

цать лет, но уже тогда она — балерина парижской «Опера» — была очень красива! Беленькая, розовая, острая на язычок! Я был старше на десять лет, но при ней робел, словно мальчишка.

Моя гримуборная в театре перестрела ее фотографиями. Я готов был на что угодно, лишь бы обратить на себя ее внимание. Я предложил Марине главную роль в моем первом самостоятельном фильме по пьесе моего друга Фредерика Дара «Негодяи идут в ад». Был несомненный успех, а затем нас пригласили сняться в «Преступлении и наказании». Марина играла «французскую Соню Мармеладову» — Лили Марселен, а я — «французского Раскольникова» — Рене Брюнеля ...»

Практически, русская жена. И какая! Марина Влади стала легендой еще при жизни, все ее мужчины, безусловно, были личностями.

В 1967 Робер Оссейн снял картину «Я убил Распутина», правда, с изрядной долей «клюквы». Но это сно-

ва была дань памяти России, стране, которую он тогда еще не видел, но уже любил. Всегда любил.

И происхождение, и близость к семье Поляковых — причина постоянного интереса Оссейна к истории и культуре России. Долгая дружба связывала его с Роже Вадимом (Племянниковым). Опять Россия!

«По большому счету, я никогда не переставал считать себя эмигрантом во Франции», — как-то признался Робер.

В беседе с Эльдаром Рязановым знаменитый француз поведал о своих гастрономических пристрастиях — «ржаной хлеб и соленые огурцы — мое любимое лакомство».

Думаю, что поклонницы графа де Пейрака и не догадываются о том, что их идеал — русский, с типично

русскими вкусами и пристрастиями. Та самая «загадочная славянская душа», да еще с восточным орнаментом. Перед таким «коктейлем» устоять практически невозможно.

Тем не менее, французские зрители долгое время считали, что у Оссейна — отрицательное обаяние. Этому способствовала и манера игры, и внешность — плечистый верзил с крупными чертами лица и тяжелым взглядом глубоко посаженных темных глаз.

Робер частенько играл опасных типов, персонажей с «двойным дном», преступников, а то и просто откровенных садистов, подобных герою криминально-психологической драмы «Вампир из Дюссельдорфа».

Даже став режиссером, он не оставлял себе положительных ролей, похоже, ему и в театре, и в кино нравилось примерять демонические маски. Но, несмотря на такое «увлечение», фильмы Оссейна всегда бы-

ли явлением в западном кинематографе. О значимости его кинорежиссерского творчества свидетельствуют имена выдающихся актеров, снимавшихся в его фильмах и играющих в его театре, — Мишель Морган, Жан Габен, Лино Вентура, Софи Лорен, Марина Влади, Мишель Мерсье, Жан-Поль Бельмондо.

Как театральный режиссер он проявил себя глубоким философом, исследующим смысл человеческой природы через игру. Оссейн выдвинул не театральную систему, а скорее, теорию театра, и рассматривать ее надо, пожалуй, в метафизическом измерении, а не в конкретно практическом. Театр Оссейна впитал в себя многие теории XX века: сюрреалистический театр, театр жестокости, экзистенциальный театр, театр абсурда, эстетику постмодернизма.

Для нас же Робер Оссейн был и остается блистательным и победоносным графом де Пейраком в сериале об Анжелике. Впрочем, он и сам считает эту роль своим наибольшим актерским успехом.

Между прочим, мало кто знает, что роль Анжелики предназначалась вначале главной на тот момент блондинке Франции — Брижит Бардо. Однако она категорически отказалась, о чем впоследствии очень жалела. На роль маркизы ангелов пробовались Катрин Денев, Джейн Фонда, Моника Витти, Мирей Дарк. Победу в гонке одержала... Марина Влади, однако за несколько недель до начала съемок актрису переманили в дру-

гой фильм. И вот тогда появилась Мишель Мерсье...

Если с исполнительницей главной роли пришлось долго мучиться, то на главную мужскую роль сразу утвердили Робера Оссейна. Искалеченный, но невообразимо притягательный Жоффрей де Пейрак нарушил некоторое однообразие отрицательных персонажей Оссейна.

Робер Оссейн, между прочим, наотрез отказался носить горб, которым наградили Жоффрея де Пейрака авторы романа. Вместе с горбом Жоффрей сбросил с десяток лет. И даже шрам, который каждое утро сооружали на щеке Оссейна гримеры, казалось, добавлял ему шарма. Он так свыкся с этим украшением, что периодически забывал его смыть по окончании рабочего дня и пугал своей мужественной внешностью официанток в местных ресторанах. И каждый раз был готов поведать новую историю увечья — о схватке с крокодилом в водах Амазонки, драке с опасным преступником и даже происках инопланетян.

Но, на самом деле, Робер Оссейн был всегда, главным образом, театральным человеком. С 1970-го по 1979 год он возглавлял Национальный Народный театр в Реймсе, потом в Париже ставил свои эпопеи с огромными массовками: «Дантон и Робеспьер», «Человек по имени Иисус», «Собор Парижской Богоматери», и был в числе первых, кто попытался превратить во Франции театр в явление демократичное и одновременно духовное. Что это — возвращение к традициям площад-

ных зрелищ? Или катарсис — душевное очищение через сопереживание, сочувствие?

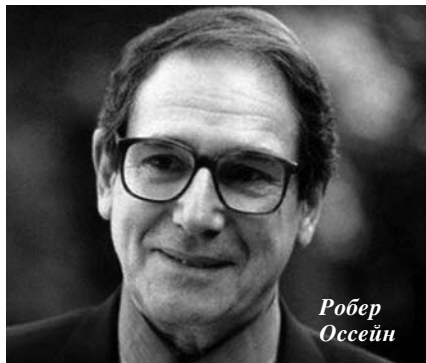
На спектаклях Оссейна плачут и взрываются хохотом, исповедуются и скорбят... Его актерам устраивают настоящие овации. Пять минут, десять, сорок!.. Стоя!.. Надо знать, как скупа на аплодисменты парижская театральная публика, чтобы представить себе реакцию людей на театр Робера Оссейна.

«Народным режиссером республики» назвала его как-то одна журналистка. И это действительно так: около 500 тысяч зрителей аплодировали «Дантону и Робеспьеру», столько же — «Отверженным», около 700 тысяч — «Человеку по имени Иисус». Каждый десятый парижанин и каждый сотый француз побывал на спектакле «Дело лионского курьера»!

И всегда на его спектаклях полный аншлаг. Ни одного пустого места не было в зале во время ста спектаклей «Дамы с камелиями» по пьесе Александра Дюма-сына с Изабель Аджани в главной роли.

Недавно Робер Оссейн вернулся к «Преступлению и наказанию», на сей раз с Франсисом Юстером в главной роли. Франсис — тоже потомок русских эмигрантов, «русскость» у него не только в крови, но и в душе, в самой его сути.

«Достоевский в Париже — это возврат к моим русским корням. Если хотите, возврат к далекому Отечеству, тоску по которому я впитал с молоком матери... Почему я выбрал для постановки именно «Преступление и наказание»? Мне кажется, что это произ-

*Робер
Осейн*

*Мишель
Мерсье*

ведение проще других по восприятию для современной публики.

Полвека спустя я вновь обратился к великому Достоевскому. Неужто моя жизнь уже сделала полный оборот? Мне ведь так не хочется осознать, что всему на свете пришла пора возвращаться на круги своя!..

Впрочем, для меня раскольниковский Санкт-Петербург, воплощенный на парижской сцене, — это только начало возвращения к корням. Буду жив, обязательно поставлю спектакль и по «Братьям Карамазовым»... Почему бы не сделать его в России? Хоть завтра готов поехать работать в Москву. Давайте сделаем совместную, франко-российскую постановку! Непременно по Достоевскому, да?!.. Или «Войну и мир» — огромный мегаспектакль на много часов?!

Меня мучит ностальгия по большому пространству — по необъятной заснеженной степи, по бескрайним лесам без неизбежных для Европы тщательно заасфальтированных дорог... Отсюда, наверное, и мое пристрастие к большим спек-

таклям: огромная сцена, множество актеров, изобилие декораций!.. »

Робер Осейн выпустил в свет книгу «Ностальгия» — автобиографию, в которой приоткрывает мир своих чувств и ностальгических переживаний. Вслед за ней вышел его сборник эссе «Свет и тьма», где автор философски размышляет о месте художника в обществе, о великом смысле его искусства и обреченности на одиночество. Он написал две книги мемуаров «Слепой часовой» и «Кочевники без племен».

«Кому, как не нам, вечным кочевникам, рисковать в столь опасном ремесле, как кино и театр», — сказал однажды Робер Осейн.

Кто знает, может, в этих словах скрывается ключ к пониманию если не всей его жизни, то очень многого в ней?

В сегодняшнем Робере Осейне трудновато узнать Жоффрея де Пейрака — годы идут. Он уже не появляется на киноэкране, редко выступает в театре. Живет с третьей женой — актрисой Кандис Пату, и — продолжает мечтать... ▢

Бедность

Жил я, товарищи, в громадном доме. Дом весь шел под керосином. У кого коптилка, у кого небольшая лампочка, у кого и нет ничего — поповской свечкой светится. Беда прямо!

А тут проводить свет стали.

Первым провел уполномоченный. Ну, провел и провел. Мужчина он тихий, вида не показывает. Но ходит все-таки странно и все время задумчиво сморкается.

Но вида еще не показывает.

А тут дорогая наша хозяйюшка Елизавета Игнатьевна Прохорова приходит раз и предлагает квартиру осветить.

— Все, — говорит, — проводят. Сам уполномоченный провел.

Что ж! Стали и мы проводить.

Провели, осветили — батюшки-светы! Кругом гниль и гнусь.

То, бывало, утром на работу уйдешь, вечером явишься, чай попьешь и спать. И ничего такого при керосине не видно было. А теперича зажгли, смотрим, тут туфля чья-то рваная валяется, тут обойки отодраны и клоч-

ком торчат, тут клоп рысью бежит — от света спасается, тут тряпица неизвестно какая, тут окурочок, тут блоха резвится...

Батюшки-светы! Хоть караул кричи. Смотреть на такое зрелище грустно.

Канаве, например, такое в нашей комнате стояло. Я думал, ничего себе канаве — хорошее канаве. Сидел часто на нем по вечерам. А теперича зажег электричество — батюшки-светы! Ну и ну! Ну и канаве! Все торчит, все висит, все изнутри лезет. Не могу сесть на такое канаве — душа протестует.

Ну, думаю, не богато я живу. Противно на все глядеть. Работа из рук падает.

Вижу, и хозяйшечка Елизавета Игнатьевна ходит грустная, шуршит у себя на кухне, прибирается.

— Чего, — спрашиваю, — возитесь, хозяйшечка?

А она рукой машет.

— Я, — говорит, — милый человек, и не думала, что так бедновато живу.

Взглянул я на хозяйкино барахлишко — действительно, думаю, не густо: гниль и гнусь, и тряпицы разные. И все это светлым светом залито и в глаза бросается.

Стал я приходить домой вроде как скучный.

Приду, свет зажгу, полюбуюсь на лампочку и ткнусь в койку.

После раздумал, получку получил, купил мелу, развел и приступил к работе. Обойки отодрал, клопов выбил, паутинки смел, канаве убрал, выкрасил — душа поет и радуется.

Но хоть и получилось хорошо, но не дуже. Зря я, братишечки, деньги ухлопал — отрезала хозяйка провода.

— Больно, — говорит, — бедновато выходит при свете-то. Чего этакую бедность освещать, клопам на смех?

Я уж и просил, и доводы приводил — никак.

— Съезжай, — говорит, — с квартиры. Не желаю я со светом жить. Нет у меня денег ремонты ремонтировать.

А легко ли съезжать, если я на ремонт уйму денег ухлопал? Так и покорился.

Так что, братцы, и свет хорошо, да и со светом плохо.

Аристократка

Григорий Иванович шумно вздохнул, вытер подбородок рукавом и начал рассказывать:

— Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

А в свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ней и в театр водил. В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.

— Откуда, — говорю, — ты, гражданка? Из какого номера?

— Я, — говорит, — из седьмого.

— Пожалуйста, — говорю, — живите.

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. Бывало, приду как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

— Да, — отвечает, — действует.

И сама кутается в платок, и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц — привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше — больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать — не знаю, и перед народом совестно.

Ну, а раз она мне и говорит:

— Что вы меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно, — говорю.

И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я — на Васькин. Сижу на верхотурье и ни хрена не вижу. А ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел, гляжу — антракт, а она в антракте ходит.

— Здравствуйте, — говорю.

— Здравствуйте.

— Интересно, действует ли тут водопровод?

— Не знаю, — говорит.

И сама в буфет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные.

А я этаким гусем, этаким буржуем нерезаным вьюсь вокруг нее и предлагаю:

— Ежели, — говорю, — вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси, — говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое, что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег — с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крикнул. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах.

Я хожу вокруг нее, что тот петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берет третье.

Я говорю:

— Натощак — не много ли? Может вытошнить.

А она:

— Нет, — говорит, — мы привыкшие.

И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи, — говорю, — взад!

А она испужалась. Открыла рот, а во рте зуб блестит.

А мне будто попала вожжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи, — говорю, — к чертовой матери!

Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные?

А хозяин держится индифферентно — Ваньку валяет.

— С вас, — говорит, — за скушанные четыре штуки столько-то.

— Как, за четыре?! Когда четвертое в блюде находится.

— Нету, — отвечает, хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

— Как, — говорю, — надкус, помилуйте! Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индифферентно — перед рожей руками крутит.

Ну, народ, конечно, собрался. Эксперты.

Одни говорят — надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы, — всякое барахло, конечно, на пол вывалилось, — народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал — в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушайте, — говорю. — гражданка. Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать.

А тут какой-то дядька ввязался.

— Давай, — говорит, — я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

А у дома она мне и говорит своим буржуйским тоном:

— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездют с дамами.

А я говорю:

— Не в деньгах, гражданка, счастье. Извините за выражение.

Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

ПУШКИН

Девяносто лет назад убили на дуэли Александра Сергеевича Пушкина.

Вся Россия, можно сказать, горюет и слезы льет в эту прискорбную годовщину. Но, между прочим, больше всех горюет и убивается Иван Федорович Головкин.

Этот милый человек при одном только слове — Пушкин — ужасно вздрагивает и глядит в пространство.

И как же ему не глядеть в пространство, если обнаружилась такая, можно сказать, печальная сторона жизни гениального поэта.

В 1921 году приехал из армии в родной свой городок Иван Федорович Головкин. А тут как раз нэп начался, и жизнь ключом забила. А наш приятель Головкин, несмотря на это, безуспешно ходит по городу. Помещения не имеет. И спит у знакомых. На собачьей подстилке. В передней комнате.

Ну и, конечно, настроен через это скептически.

Наконец он все-таки словчился и нашел помещение. Или он въездные заплатил, или вообще фортуна к нему обернулась, но только нашел.

Комната маленькая. Два окна. Пол, конечно. Потолок. Это все есть, ничего против не скажешь.

И очень любовно устроился там Головкин. На шпалеры разорился — оклеил. Гвозди куда надо приколотил, чтоб уютней выглядело. И живет, как падишах.

А время идет. И на восемьдесят девятой годовщине со дня смерти нашего дорого поэта Пушкина поднялись в квартире разговоры. Пушкин, дескать. Писатель. Жил, дескать, в свое время в этом помещении, осчастливил жил-площадь своим нестерпимым гением. Не худо бы в силу этого какую-нибудь досточку приклепать с полным обозначением и в назидание потомству.

Иван Федорович тоже сдуру участие принял в этой дощечке на свою голову.

Только вдруг в квартире ропот происходит. Дамы мечутся. Кастрюльки чистят, углы подметают.

Комиссия приходит из пяти человек. Помещение осматривает.

Увидела комиссия разную домашнюю требуху в квартире — кастрюли и пиджаки — и горько так вздохнула.

— Тут, — говорит, — когда-то Александр Сергеевич Пушкин жил. Две недели гостил у своего приятеля. И что же мы здесь видим спустя столетие? Мы видим, что в данной квартире форменное безобразие наблюдается. Вон метла стоит. Вон брюки висят — подтяжки по стенам развешаются. Ведь это же прямо оскорбительно для памяти гения!

Ну, одним словом, через три недели выселили всех жильцов из этого помещения.

Головкин очень ругался. Крыл суровую пушкинскую эпоху и в особенности Николая Первого. Однако и своим от Головкина крепко досталось — за чем, дескать, нет квартир и жить негде.

Он выражал свое особое мнение открыто, не боясь последствий.

— Что ж, — говорит, — это такое? Ну, пушай он гений. Ну, пушай стихи сочинил: «Птичка прыгает на ветке». Но зачем же средних людей выселять? Тогда предоставьте им жилплощадь или выездные.

Хотел Головкин даже в Пушкинский заповедник поехать — ругаться, но после занялся подыскиванием помещения.

Он и сейчас еще ищет. Осунулся, поседел. Требовательный такой стал. Все расспрашивает, кто да кто раньше жил в этом помещении. И не жил ли здесь, упаси Создатель, Демьян Бедный или Качалов. А если жил, то он, Головкин, и даром не возьмет этого помещения.

А это верно: как некоторые гении легкомысленно поступают — мотаются с квартиры на квартиру, переезжают. А после такие печальные результаты.

Да вот, недалеко ходить: в наше время один наш знакомый поэт за последний год не менее семи комнат сменил. Все, знаете ли, не может ужиться, за неплатеж.

А ведь, может, он, черт его знает, гений!

Ох, и обложат же его лет через пятьдесят за эти семь комнат!

Единственно — может быть, к тому времени жилищный кризис несколько ослабнет. Одна надежда. □

Леонид Кутырев-Трапезников

Вариант без вариантов

Ведь любили когда-то друг друга навзрыд!
А сегодня, по сути, последняя встреча,
И поэтому криком рассудки калечат,
И не слушают, кто там и что говорит:

— Нож отточенных фраз — твой излюбленный нож.
Так скажи на прощание просто и ясно:
Все не нужно отныне, точнее, напрасно!
Улетевшую птицу, увы, не вернешь...

— Боже, именно это имел я в виду,
Говоря о прекрасном смешно и безбожно.
А на сердце печально, точнее, тревожно —
И скрипичная осень играет в саду...

Ведь любили когда-то друг друга, но вот
Одиноки — де-факто, чужие — де-юре!
Он стоит у окна и все курит и курит,
А она чьи-то письма бессмысленно рвет:

— Я не помню, когда ты с усмешкой сказал
О судьбе, а потом говорил ежечасно,
Что все тихо и плохо, точнее, ужасно,
Как безжизненный провинциальный вокзал...

— Сколько зла и лукавства на этом пути!
И дурацкая заповедь — око за око!
И мучительно тяжело, точнее, жестоко,
Если можно все бросить и просто уйти...

Ведь любили когда-то друг друга, причем
Бесконечное солнце струилось по венам!
Он пытается выпить вина откровенно,
А она лишь небрежно поводит плечом:

— Не уйти, а сбежать напрямик в пустоту,
Словно вор после дерзкой и губительной кражи.
Я тебя ненавижу, точнее не скажешь!
Я убита, как птица твоя, на лету...

— Хорошо! Мне понятно, что выбора нет
При железном желании даже у близких.
Я исчезну, точнее, уйду по-английски —
Растворюсь, как в тумане чужой силуэт...

P.S.
И они разошлись. И пропали. И в грязь
Полетело их душ окаянных сиротство.
Где мужчину покинет рассудок, смеясь,
Там от женщины пепел один остается...

Сюжет реального романа

Честно сказать: я с тобою играл	Чуж твой девственный запах
Долгую зиму с надеждой на лето —	в судьбе.
Сладок любовных интриг ритуал.	Господи, все это было не нужно...
Господи, все это было нелепо...	
Где-то в конце февраля на куски	Летом с усмешкой сотру навсегда
Жизнь развалилась, как ветхая	В памяти красную розу на белом:
кровля, —	Ты обнаженной умрешь от стыда,
Грязные ночи клыками тоски	Вспомнив меня зацелованным
Рвали мое одиночество с кровью.	телом.
В марте рассудок, как пьяный	Осенью вновь одному из двоих
с ножом,	Драму иллюзий играть ежечасно
Вырезал черную розу на красном:	И погибать на коленях твоих.
Мир без любовницы пуст и смешон.	Господи, все это будет ужасно...
Господи, все это было напрасно...	Лгать не хочу: ты же видишь сама —
Только в апреле, в московской	Я не играю, а смерть — не измена!
глуши	Если по кругу идти, то зима
Я прикоснулся к тебе откровенно —	Нас разведет без проблем,
И покатались осколки души	несомненно.
Битым стеклом на булыжник	Так вот начертан сей замкнутый круг —
Вселенной.	Нет, не в умах мудрецов и ученых! —
В мае прижался губами к тебе	В музыке наших заломленных рук,
Быстро, мучительно и неуклюже,	В сумраке наших сердец
	обреченных...

Тени

Тень судьбы чернее год от года —	Ах, душа, хозяин твой безумен,
Все ушло в туман под знаком Пи.	Если пьет с тобою заодно...
Ах, судьба, твой раб живет	Тень любви, похожая на стерву,
свободой	С кем-то спит «над пропастью
На своей пожизненной цепи...	во ржи».
Тень души мелькнула в небе	Ах, любовь, король твой нынче
лунном —	свергнут —
Там покой и звездное вино.	И подался в грязные бомжи...

Тень мечты в тоске московских улиц
Где-то ждет, бесстыдствами маня.
Ах, мечта, к поэту ты вернулась
Слишком поздно, девочка моя...

Я один. И никаких сомнений —
Я ушел из дома по-людски.
А вокруг лишь тени, тени, тени
И ночная музыка тоски...

Беспомощность

Беспомощно смеюсь дрожащими губами,
Беспомощно молчу полуоткрытым ртом,
Бесценные слова бессмысленно запали
В бесшумную печаль — трагический синдром!

Беспомощным рабом стою один смиренно,
Цепями бытия и разума звеня,
Пред Вами! Нет, горю свечой во мгле Вселенной —
И воля ваша взять и погасить меня...

Беспомощно живу один почти свободный,
Что в принципе равно последнему нулю.
Беспомощность моя от муки безысходной —
Скрывать на дне души слова:
«Я Вас люблю...»

Молодость

Я молодость оставил ночевать
В давно забытом богом захолустье
И научился утонченно лгать,
И целовать возлюбленную с грустью...

И навсегда выбрасывать ключи
От дома. И на море жаждать сушу!
И в ослабевшем пламени свечи
С печалью видеть собственную душу...

И не считать года в ночной крови
На пальцах, как растроченные деньги.
И верить, умирая от любви,
Что молодость вернется в понедельник... □

«ЕХАЛИ МЕДВЕДИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ,»

А ЗА НИМИ КОТ ЗАДОМ НАПЕРЕД»

Петр Фролов родился в Ленинграде в 1974 году, с шести лет учился в школе детского творчества при Эрмитаже. В художественной школе учился плохо, не успевал по точным предметам, и был исключен. В лихие девяностые работал грузчиком-такелажником в Русском музее. Параллельно занимался живописью, много писал. В начале 90-х уехал во Францию. Полгода работал садовником в предместье Парижа, в старой теплице оборудовал мастерскую. Затем — Осло и возвращение в Петербург, поступление в Мухинское училище, переход в Театральный институт, а потом снова Париж и выставки, выставки, выставки... Будапешт, Хельсинки, Люксембург, Дели, Барселона, Нью-Йорк... Теперь у художника круглогодичная экспозиция в Москве, в собственной галерее «Tamburlinn» на Знаменке

Слева:
«Кофейник».
Из серии
«Сбежавшие
предметы»

«В юности я долго жил в Новой Англии и сейчас, каждый раз оказываясь по делам в Штатах, обязательно беру машину и еду в Массачусетс или Коннектикут, в край непуганых толстых белок, кленового сиропа, уютных добротных домов и антикварных

лавок. Сразу после школы я уехал, как мне казалось, навсегда в Париж, поступал учиться, пытался выправить документы, работал садовником... существовал там в кошмарном безденежье... по городу ездил на велике... только не ради удовольствия,

*«Осень.
Краковские
тыквы»*

а так как денег на метро не было... Зато теперь бешу Парижских таксистов, когда разъясняю им, как и куда лучше проехать... Я не смог остаться жить ни в Париже, ни в Штатах и, думаю, именно из-за формулировки "Уехать навсегда" Вот это самое "навсегда" меня очень удручало».

Композиция художника настолько сложна и многофигурна, что, кажется, стоит только потянуть за ниточку, и все рассыплется, потому что все персонажи и предметы каким-то невероятным образом переплетены друг с другом и, в то же время, все в пространстве картины организовано так, что ничего не сможет разрушиться, все выверено до миллиме-

тра. Автор выстраивает из своих героев и предметов немыслимые пирамиды, и они висают в воздухе, на холсте, бумаге или керамической поверхности, балансируя, но, все-таки, сохраняя равновесие.

Графику можно сравнить с тончайшим кружевом, будто вместо карандашей художник использует спицы и почти прозрачную шелковую нить.

Что он плетет из этих нитей, и как, — диву даешься! На его картинах воробы сидят на крошечных лыжах, как на ветках, люди помещены в разнообразных сосудах, сидя в гигантских чашках или чайниках на колесах, они все куда-то едут. Вот из чайного носика вырывается струйка

«Тосканские ведьмы»

пара, и шестеренки приводятся в движение. Лыжи, ходули, коньки, велосипеды и воздушные шары устремлены вперед. Герои находятся в вечном движении своего вечного двигателя, имя которому Петр Фролов. Снаряжая невероятные экзотические караваны из слонов, жирафов и верблюдов, с прекрасными девами на их спинах и старинной утварью, он отправляет их в долгое путешествие по миру, заставляя кочевать, как кочуют цыгане в цветных кибитках. Да и сам Петр отнюдь не ведет оседлый образ жизни, придумывает и для себя сумасшедшие транзиты. Любит он...

«К примеру, жить и работать над картиной в глуши на Карпатах в гу-

цульской деревушке, потом пересечь весь бывший СССР в купе делая зарисовки, и обосноваться на острове Японского моря под Владивостоком, поработать над той же картиной, сесть на сухогруз и отправиться на Курилы заканчивать полотно... Возвращаясь домой после таких вояжей, бросая рюкзак и выпивая за приезд стопку, кажется, что вокруг что-то чуть-чуть изменилось. А изменился-то ты, вокруг все совершенно по-прежнему. Не хочется пришивать к себе бирки, мол, гражданин мира, космополит... Мне просто хорошо там, где рядом любимые мне люди... где работается запоем... Прекрасно бродить по русскому осеннему лесу в резиновых сапогах и срезать под-

березовики... Макать круассан в кофе и разглядывать толпу где-нибудь на бульваре Сэн Жермен тоже прекрасно».

...А когда потянет домой, с легкостью оставит свой круассан размокать в остывшем на дне чашки кофе и очень скоро окажется в России.

«Мы с женой, еще чуть не в студенчестве купили дом в деревне Кишарино, это Тверская губерния, под Вышним Волочком на озере Мстино. Озеро славно тем, что Репин 135 лет назад на его берегу организовал творческую дачу художников. Художники стали селиться в окрестных деревнях, и так за сто с лишним лет организовалась большая художничья коммуна. Кто там только не жил и не писал. Там проживает весь «генералитет» Союза художников, проводятся всероссийские пленэры. Местные крестьяне никогда не допустят в речи такой лажы, как «он рисует картину», только «пишет».

Так вот, стали мы с женой строить для себя дом! И не просто дом, а дом как произведение искусства. С расписными каминами и печами, с огромной мастерской и кабинетиком в мансарде, чтобы на старости мемуарами баловаться с видом на озеро. Так как дом этот в нашей жизни был первым, и ни к каким архитекторам мы не обращались, то строили его долго и бестолково, уже в процессе стало что-то ломаться, лестница на 2 этаж переносилась трижды.

Параллельно со стройкой из всех уголков земли мы тащили в наш дом добычу с блошиных рынков... коллекцию буржук из Прованса, коллекцию шляп из Америки, обивочный шелк из Индии, и так до бесконечности. И вот через 10 лет этой «балалайки» с домом мы, наконец, успокоились! Все сделано, буржуйки топятся, на полах шкуры, на стенах часы, в буфетах фарфор, библиотека по искусству огромная... Дом получился гигантский, внешне довольно уродливый, но любви в него было вложено очень много... Домоседами, впрочем, мы никогда не были! Весну и осень жили в Крыму... Запросто могли не заезжать домой по полгода... А этой осенью дом сгорел или, как я это называю «улетел», со всем его содержимым, с кучей картин и эскизов, записей и почеркушек... Мы в это время жили в Гаване... Вначале это было страшное горе, а сейчас... Не могу сказать, что я этому рад, но такой зигзаг на четвертом десятке очень полезителен для творчества! Перезимовали мы в Крыму, в Гурзуфе, где снимаем скалку на скале, прямо у моря. По соседству лишь музей Антон Палыча... Если запереть калитку, оказываешься полностью отрезанным от мира... Только чайка по прозвищу Антоха (в честь классика) прилетает кланчить рыбу. Сейчас у нас новая влюбленность! Тоскана! Уже несколько месяцев живем то на ферме в предго-

«Красный троллейбус на Ялту»

рье Альп рядом с Лукой, то во флорентийской мансардочке».

...И не просто живут, а все время работают. Ежедневно, много часов. У художника, поэта и прозаика, кроме владения ремеслом, должен быть еще предмет вдохновляющий. Полупрозрачная Муза в тунике — это штамп, но у некоторых художников ведь музами «работают» собственные жены! Например, у Сальвадора Дали была Гала. Ну, хорошо, вдохновлять художника может что угодно, полет птицы, масляное пятно в луже, мотыльки, кружащиеся у лампочки. А Петра Фролова вдохновляют...

«Поездки, старые журналы, барахолки, антикварные лавки, часовые мастерские, придорожные чайные, вокзалы и базары, сторожки и шлагбаумы, замки и дворцы, книги, и открытки, коммуналки, театральное и цирковое закулирье, шляпы, арт-нуво и деко, путевые заметки и письма, фляжки и буржуйки, старые рекламы и коробки из-под монпансье, парикмахерские и бордели ... Могу список продолжать».

Можно часами «зависать» над картинами художника, рассматривая локоны, прически, элементы невообразимых костюмов, пружинки, кошелечки, украшения, ключики, часы

*«Тысяча мелочей, или Бег в мешках по Малой Голландии».
Из серии «Малая Голландия»*

и колокольчики... И у каждого предмета своя история, а истории наш

художник рассказывает с большим удовольствием.

БАЙКИ ФРОЛОВА

«Со мной всегда и везде случаются комичные истории, иногда я их сам создаю, иногда, без всякого моего ведома и согласия, становлюсь героем какой-то байки...»

«Ленин в Шамони»

«Есть у меня серия работ «Реклама к событиям, которых не было». Выдумываю я в этой серии разные события, а

потом к ним делаю афишу... ну, бал страусов в Гранд Пал, к примеру, или праздник высоких причесок в Каннах... Так вот, работал я над афишей с расчудесным поездом, ходящим промеж махоньких альпийских городков... Вместо вагонов по рельсам катились кареты, и тасил их изящный паровозик... Все это было на самом заднем плане работы маленькое при-

маленькое... На первом плане были ложки, дамы в кринолинах, вопящие в мегафон о прибытии каретного поезда, черный котяра, меняющий плашки на табло с расписанием и так далее... Словом, обычная рутина на вокзальчике где нибудь в ChamoniX... Непонятно, в каком веке... Сижу я над этим листом и со всем тщанием вырисовываю крохотного машиниста этого самого альпийского паровозика... Подходит сзади жена и удивленно спрашивает (зная мою полную аполитичность): «Ты что, Ленина рисуешь?» Какого, на фиг, Ленина, что за чушь, отвечаю. Потом пригляделся и точно... машинист вышел точь-в-точь Владимир Ильич... и при кепке, и прорезь жилета характерно пальцем подцепил, и ножку вперед выставил... Повеселившись над этим вволю, решили назвать работу «Ленин в ChamoniX».

Через несколько лет подлетает ко мне на выставке в Москве француженка, глаза вытаращены, нервничает и на сносном русском спрашивает, откуда вы узнали о визите Ленина

в Шамони... Я объясняю, что ниоткуда не узнал, что, мол, выдумал я все это, мадам, не переживайте вы так... Выяснилось, что дама эта из Шамони, и что нашла она в недрах их местной библиотеки документы о тайном визите Ленина в их городок по каким-то революционным делам. Сейчас в Москве собирает еще какую-то информацию об этом судьбоносном для Шамони событии, так как она историк, и это тема ее будущей диссертации...»

*«Ленин в ChamoniX».
Из серии «Реклама событий,
которых не было»*

«Люксембуржуазный сомелье»

В Люксембурге я принимал участие в любопытной выставке. Отличалась она от других тем, что огромный зал Luxemburg exro был разделен на 2 неравных части, одна, небольшая, была отдана художникам, а вторая состояла из гастрономических стендов. Посетители, не глядя на картины, неслись на ароматы ветчин и сыров, спешили продегустировать вино

и пиво, попробовать выпечку... Кулинары со всей Европы на каждом втором выставочном модуле что-то пекли и жарили, белокурые немецкие барышни сновали среди посетителей с гирляндами сосисок на шеях и подносами с нарезанной колбасой... Среди этой гастрономической роскоши стоять возле своих картин, которые все равно никому не нужны, мне было скучно. Каждый день я обходил выставку с тарелкой и набирал для дегу-

станции самые невысказанные деликатесы, а потом шел к стенду, где рекламировалось спиртное. На этом стенде стояли столики, на столиках можно было из маленьких шкаликов попробовать напитки... Мне особенно понравилась бельгийская водка в синих высоких бутылочках. Со стороны это выглядело так: толстый молодой человек с тарелкой со снедью подходит к столу и лениво, без всякого желания выпить, начинает перебирать шкалики, потом его взгляд задерживается на синей бутылке, толстяк начинает внимательно читать этикетку и, ни на кого не обращая внимания, с прищуром вглядываясь в мелкий текст, восхваляющий чистоту продукта, не спеша линяет со стенда... Так протекали все выставочные дни. На десятый день обжорств, привычно вертя синюю бутылочку в руках, я слышу за плечом интеллигентное покашливание... Сзади меня стоит сомелье в бабочке и с приказчицким пробором в шевелюре. По заранее отработанному сценарию

я изображаю на лице заинтересованную мину и любопытствую... дескать, месье, позвольте поинтересоваться, а что это за водка... А бабочка с пробором и отвечает с едва заметной ехидной улыбкой: "Это, месье, та водка, что вы пили и вчера, и позавчера, и вообще на протяжении работы всей выставки".

Мне стало стыдно».

«Фокус»

«Живописная помойка»

«В юности я регулярно принимал участие в выставке современного искусства Пляс дэ ля Бастиль. Это хоть и уличная, но очень уютная и любимая парижанами выставка. Организаторы выставки выстраивают сотни деревянных сарайчиков от площади Бастилии вдоль арсенального канала... художники обживают и декорируют каждый свой домик развешивают картины, к вечеру откупоривают вино....

Одна беда, монтаж этой выставки проходит ночью, чтобы машины художников не мешали транспортному потоку. Как-то в ночь монтажа, перед одной из таких выставок, я не нашел парковки рядом с моим сарайчиком, и единственное место, куда изловчился втиснуть мое «рено», было с другой стороны канала. А еще, как назло, грянул гром, и начался хороший майский ливень... Как носить работы из машины до выставочного места, совершенно не ясно... И тут

рядом со мной тормозит зеленая как кузнечик машина парижских мусорщиков, которые, также как и мы, чтобы не мешать движению, трудятся ночью. Из машины выскакивают парни в салатных робах, выкатывают такие же салатные мусорные баки и, фыркающая салатным дизелем, исчезают... Я гляжу на эти баки и не верю своим глазам...они совершенно новые, прямо с завода по изготовлению зеленых парижских мусорных баков... Не веря своему счастью, загружаю в них работы и качу к своему домику... У домика начинаю разгружаться, и вот тут начинается кино... В это время после

вечеринки (3 часа ночи) возвращается развеселая богемная компания, и они наблюдают, как кто-то из мусорного бака вынимает картины!!! Картины в хороших рамах, большие и маленькие, масло и акварель... Жадные до всего того, за что не надо платить, парижане бросились к бачке, чтобы оттяпать себе по картине...Конечно, их можно понять, помойка-то общая, и если такое счастье, найти в баке живопись, досталась клошару со славянским акцентом, то им-то и подавно можно поживиться...К счастью, все обошлось без драки...»

«Слон в посудной лавке»

«Гуляю я как-то по блошиному рынку и заруливаю в отсек к даме, где выставлено самое разнообразное стекло и фарфор. Дама меня встречает хрестоматийной фразой: «Месье, завяжите шнурок, а то упадете». Я ей по привычке в ответ, мол, не переживайте, я к

развязанным шнуркам привык. А она меня с ног до головы оглядела и возмущенно заграссировала: « Вы крупный, месье, и если упадете, то перебьете весь мой фарфор, а он у меня очень дорогой. Так что отойдите от моих ваз или немедленно завяжите шнурки...»

*«Туфли».
Из серии
«Сбежавшие
предметы»*

...А художник продолжает вывязывать на холсте дивные живописные кружева и совсем не обращает внимания на развязавшиеся шнурки... □

Ирина Опимах

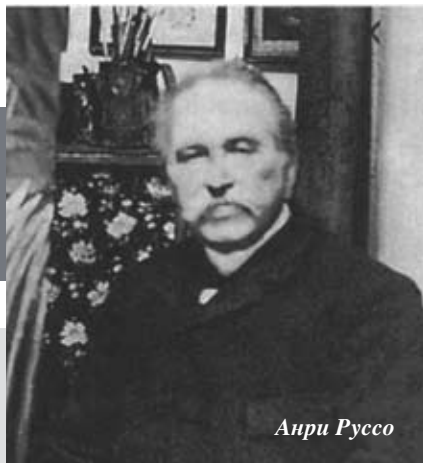
К

ак картина спасла художника

Как-то прогуливаясь по улице Мартир, Пикассо забрел в лавку папаши Сулье и обнаружил там картину Таможенника Руссо «Портрет женщины». Пикассо она очень понравилась, и он тут же купил ее за совершенно смешную цену — пять франков

ОТ КАТОРГИ

Анри Руссо

Этот счастливый случай толкнул Пабло на мысль устроить в честь Руссо большой банкет у себя в мастерской — в известном «Бато-Лануар», в «Плавучей прачечной», где, кроме Пикассо, снимали комнаты Хуан Грис, Ван Донген, писатели Макс Жакоб, Андре Сальмон и многие другие молодые художники и литераторы, приехавшие за славой и успехом в Париж, эту мировую столицу искусства.

«Эта идея привела всю нашу компанию в восторг, ведь представлялась отличная возможность разыграть Таможенника!» — писала Фернанда Оливье, тогдашняя подружка Пикассо. Потом она говорила, что *«славный малый Руссо принял этот званый ужин за чистую монету, полагая, что собравшиеся и впрямь чувствуют его талант»*. Вряд ли Пикассо и его друзья понимали тогда, что Анри Руссо, или Таможенник Руссо, как все его называли, этот наивный, часто смешной и тогда уже далеко не молодой человек — великий художник, чье имя в истории искусства XX века будет стоять рядом с их именами...

В круг парижской богемы Руссо, сын простого жестянщика из Лавале, попал благодаря писателю Альфреду Жарри. Познакомились они в 1894 году, на выставке «независимых». Жарри, подойдя к картинам Руссо, выразил свое восхищение, и тем самым тут же завоевал дружбу художника. Между ними не было ничего общего: Жарри — двадцать лет, а Руссо — пятьдесят, Жарри — юный, полный сил, веселый, остроумный ловелас, а Руссо — неразговорчивый чудак, бывший чиновник, вдруг страстно полюбивший искусство. Единственное, что роднило Руссо и Жарри, — они оба уроженцы Лавале. И вот Жарри вплотную занялся продвижением Руссо. Вряд ли ему уж так нравились картины нового друга — скорее, привлекла сама личность художника, этакого наивного простофили, бывшего чиновника таможи, рисовавшего странные, красочные, порой просто не-

*Анри Руссо.
Автопортрет*

жения сходства он даже обмерил лицо модели. Картина была выставлена в Салоне «независимых» в 1893 году, а позже Жарри, на досуге любивший пострелять из своего револьвера, использовал ее в качестве мишени.

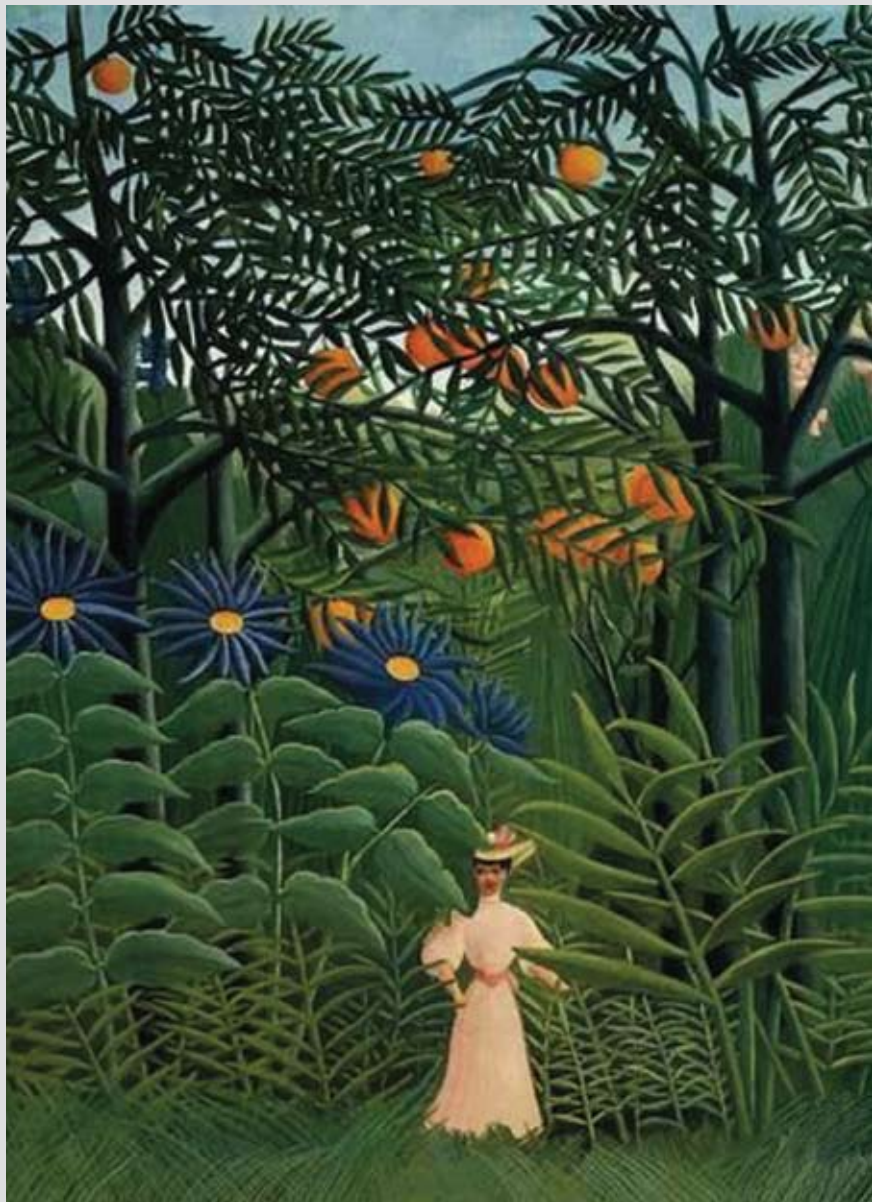
Благодаря Жарри Руссо все больше превращался в фарсовую фигуру. Его картины приобретали для музеев «уродцев», художника непрерывно разыгрывали, смеялись над его доверчивостью и наивностью. Но при этом его искусство постепенно становилось и предметом серьезных критических работ. О нем писали в газетах: «Руссо исходит только из самого себя, он обладает редким по нынешним временам качеством — самобытностью.

В круг парижской богемы Руссо, сын простого жестянщика из Лавалля, попал благодаря писателю Альфреду Жарри, с которым они познакомились на выставке «независимых»

мыслимые картины, и, несмотря на насмешки, упрямо продолжавшего их выставлять. И Жарри решил — ага, пусть над этим мазилкой все потешаются, зато я буду его превозносить до небес! И попросил Руссо написать его портрет. Жарри позировал в окружении своих «домочадцев» — совы и хамелеона. А Руссо старался изо всех сил — для дости-

Он устремлен навстречу новому искусству». О картине «Война, или Всадница раздора» один из критиков отозвался так: «Какая одержимость! Какой кошмар! Какое тягостное ощущение неизбывной печали!»

В 1905 году Руссо выставил в «Осеннем салоне» три картины, этикие экзотические видения, которые он с удовольствием объяснял

*«Женщина на прогулке
в экзотическом лесу»*

«Сон»

желающим. Одна из работ, «Проголодавшийся тигр», сопровождалась таким текстом: *«Проголодавшийся тигр набрасывается на антилопу и пожирает ее, пантера с нетерпением ждет, когда и ей перепадет лакомый кусочек. Стервятники вырвали кусок плоти из несчастного животного, проливающего слезы. Солнце заходит».*

Руссо критиковали, но о нем говорили! Он вызывал такой острый интерес, что популярнейший парижский журнал «Иллюстрасьон», довольно враждебно относившийся к академическим художникам, опубликовал репродукцию «Проголодавшегося тигра...». Руссо становится знаменитым. В его небольшой

квартире на улице Перрель теперь появляются художники, писатели, торговцы картинами. В 1906–1907 годах он познакомился с Пикассо и Максом Жакобом, Вламинком и Аполлинером. Критики писали о нем длинные статьи, в которых пытались понять феномен его искусства. Кто он — этот Руссо? У кого он учился? Нигде, говорили они, значит, он — гениальный самородок! Им восторгались, но при этом и слегка посмеивались. Блестящие парижские интеллектуалы, острые, тонкие, умные и прекрасно образованные, придумывали ему жизнь. Так Руссо стал героем легенды о талантливом и наивном художнике-самоучке из самого низшего сосло-

вия, достигшем высот искусства, ничего, по сути не зная о живописи. (На самом деле, все немного не так — Руссо часто ходил в Лувр, прекрасно знал искусство Возрождения, особенно любил Уччелло и Карпаччо, был знаком с творчеством современных французских художников, почи-

змей». Таможенник писал картину под впечатлением рассказов матери художника Робера Делоне о ее путешествии в Индию. Критик Вильгельм Уде, близкий друг Руссо, рассказывал, как художник выбирал тон для листьев. *«Может, мне стоит для красоты сделать эти листья тем-*

Руссо все больше превращался в фарсовую фигуру. Его картины приобретали для музеев «уродцев», художника постоянно разыгрывали, смеялись над его доверчивостью и наивностью. Но при этом его искусство постепенно становилось предметом серьезных критических работ

тал Курбе и не любил только Матисса). «Очевидно, было бы ошибкой считать, что Руссо — единственный творец своей легенды. У него были друзья, поэты, которые принялись приукрашивать его реальную жизнь. *«Ты ведь пошел служить в армию в 1863-м? — говорили они. — Но тогда ты не мог не участвовать в Мексиканской кампании!» «Признайся, ведь именно в Мексике ты видел этот девственный лес и голодного льва, пожирающего антилопу?»* — писал Максимилиан Готье. А Руссо слушал такие разговоры, слушал, а со временем и сам стал привирать — чтобы доставить собеседникам удовольствие.

В 1906 году он приступил к большому полотну — «Заклинательница

нее, чем те? Как ты думаешь?» — спрашивал Таможенник Уде, восхищавшегося его наивностью и простодушием и высказывавшегося о нем такими словами: *«Прямодушие, искренность, страсть и гений — видел ли кто-нибудь более красивый человеческий пейзаж?»*

Понемногу Руссо стал очень популярным в кругу молодых парижан, ниспровергателей старого искусства, а потому они с удовольствием приняли приглашение поучаствовать в вечере, задуманном Пикассо, дабы воздать должное старине Руссо — все его любили, хотя и посмеивались над ним и над его картинами. Мастерскую Пикассо украсили гирляндами, а в глубине комнаты, напротив большого

окна, поставили трон — стул на ящике. Трон, ясное дело, предназначался для виновника торжества. Сверху на стене висел лозунг — «Честь и слава Руссо!» Напротив — та самая картина, которую Пикассо так дешево купил. Гости, литераторы, критики, художники и коллекционеры — некоторые даже приехали

его все не приносили — оказалось, Пикассо ошибся, и заказал праздничные блюда на следующий день. Пришлось гостям идти на улицу покупать еду. Несмотря ни на что, хорошее настроение не покидало Руссо. Постепенно приглашенные стали возвращаться, груженные продуктами. Не забыли, конечно, и о напит-

Руссо стал входить в моду. К нему пошли заказчики, деньги. Но никто из его новых друзей и не догадывался, что на самом деле этот гениальный самоучка мотается по всей Франции под вымышленными именами, раскручивая некую аферу, из-за которой вскоре окажется на скамье подсудимых

специально из Нью-Йорка, Сан-Франциско и Гамбурга — расселись за стол — длинную доску, установленную на козлах. Среди приглашенных были Жорж Брак, Андре Сальмон, Лео и Гертрда Стайн, Макс Жакоб, Морис Кремниц, Аполлинер, Мари Лорансен.

И вот раздался стук в дверь — сначала робкий, потом посильнее. Дверь открыли, и на пороге показался Руссо — в мягкой шляпе, с тростью в правой руке и скрипкой в левой. Он огляделся по сторонам, и все увиденное привело его в полнейший восторг.

Уже изрядно выпившая и оголодавшая публика ждала ужина, но

как. Вскоре всеми овладело неудержимое веселье. Морис Кремниц встал на стул и спел песню в честь Руссо:

*Руссо могучий здесь сидит,
В работах живописных
Саму природу укротит
Своей чудесной кистью.*

Потом и сам Руссо взял в руки скрипку и исполнил пару своих пьесок, потом свою любимую песенку «Колокольчики», а когда гости пожелали танцевать, заиграл вальс «Клеманс». Вдохновленный происходящим, Аполлинер экспромтом сочинил длинную оду в честь художника:

*...Мы собрались, чтобы почтить
твою славу,*

«Спящий цыган»

*Вина разливает в твою честь
Пикассо,
Так выпьем же, поскольку
пришло время выпить,
Хором грянув: «Да здравствует
Руссо!»*

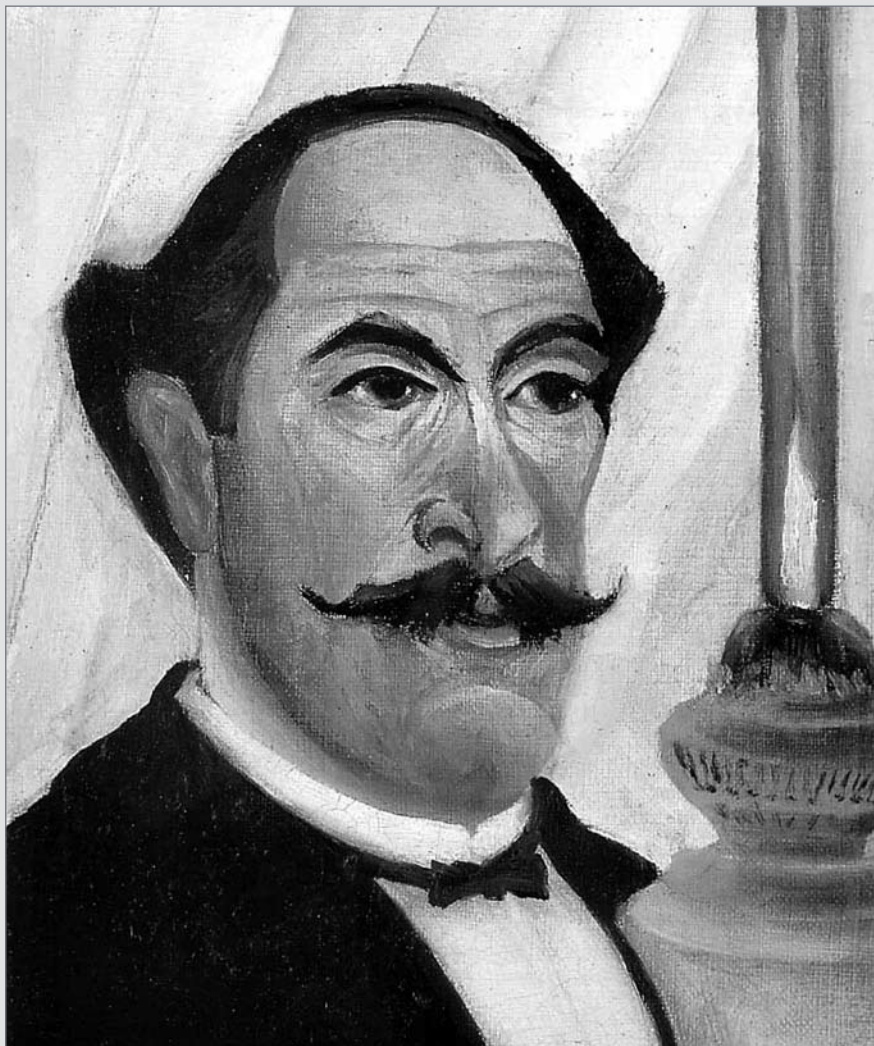
*...О, славный живописец могучей
республики,
Твое имя — знамя непокорных
Независимых,
И из белого мрамора, добытого
на Пентеликоне,
Высекут твоё лицо, гордость
нашего времени...*

Публика всячески развлекалась —
все непрестанно говорили, ели, пи-

ли, танцевали, пели. Руссо, не вы-
держав столь мощного потока поло-
жительных эмоций, тихонько заснул,
сидя на своем троне. Трудно опи-
сать, как закончилась эта вечеринка,
мало кто из участников запомнил ее
финал, зато всем она очень понрави-
лась, а рассказ об этом чувствовании
Руссо вошел в историю живописи
XX века.

А годом раньше в жизни Руссо
произошли драматические события,
которые могли закончиться очень
грустно — каторгой! Тогда ему очень
помогло его искусство, наивные и чи-
стые образы, созданные его кистью.

Руссо уже входил в моду. К нему
пошли заказчики, появились день-

Автопортрет

ги. Но никто из его новых друзей и не догадывался, что на самом деле этот гениальный самоучка мотается по всей Франции под вымышленными именами, раскручивая некую

аферу, и уже очень скоро полиция, раскрыв мошенничество, посадит его на скамью подсудимых.

Дело было так. В октябре 1907 года Руссо встретил своего старого

знакомого Луи Соваже, чиновника отделения Банка Франции в городке Мо. У этого Соваже возник в голове преступный замысел, а в свои сообщники он почему-то выбрал Руссо. Соваже рассказал художнику, что некие мошенники, злоупотребив его доверием, похитили все его сбере-

живающего в Париже, в отеле «Анжу». Через два дня ожидания он получил свои деньги назад.

Во второй раз Руссо и Соваже попытались стать обладателями чековой книжки уже в Лане. Руссо опять положил в банк 500 франков, и опять неудача — оказывается, надо

А *двокат Руссо мэтр Гилерме произнес пламенную речь в защиту своего подопечного. Он утверждал, что Руссо – один из талантливейших художников Франции, а в заключение воскликнул: «Господа, верните Руссо, этого необыкновенного человека, искусству!»*

жения, и теперь, оставшись без гроша, он надеется, что старый друг не откажется помочь. Но грабители Соваже — могущественные банкиры, поэтому, чтобы вернуть деньги, придется использовать чисто банковские приемы. Руссо с готовностью согласился. Дело, задуманное Соваже, было непростым. Прежде всего нужно было открыть счет под чужим именем в Банке Франции и получить чековую книжку.

Руссо, по наущению Соваже, отправляется в Лион и кладет 500 франков на счет в лионском отделении Банка Франции. Первая осечка — ему не выдают чековую книжку. Теперь хорошо бы вернуть деньги. Руссо пишет в банк и просит прислать ему 500 франков на имя мсье Мартена, про-

было положить на счет 1000 франков. И снова Руссо написал в банк, прося выслать ему деньги назад.

И только третья попытка оказалась успешной. С фальшивым удостоверением личности некоего домовладельца из Льесена по имени Байи Руссо, наконец, получил чековую книжку.

Теперь наступил новый этап аферы. Соваже передал Руссо фирменный конверт Банка Франции и официальный бланк бордеро (бордеро используются для уведомления банковских агентств о взносах, сделанных клиентами), чтобы художник изготовил копии этих бумаг. Руссо, под чужим именем, заказал копии типографским рабочим, которые, получив хорошие деньги, не задавали

ненужных вопросов и в срок передали Руссо пятьсот конвертов и триста бордеро.

Соваже заполнил поддельное бордеро: он извещал свой банк в Мо, что тот должен оплатить чек на 21 000 франков, предъявленный клиентом Байи. На бордеро стояли поддельные подписи Губи, директора отделения Банка Франции в Мелене, и кассира Буаие (в распоряжении Соваже, работавшего в этом банке, конечно же, были документы, подписанные уважаемыми чиновниками).

ции разослал по всей стране уведомления о мошенничестве. Следователи довольно быстро обнаружили, что в дело замешан Руссо, и 9 декабря полиция пришла к нему на квартиру с обыском. Парижские сыщики нашли там 240 франков, облигации города Парижа и, главное, — чековую книжку на имя Байи!

Его тут же арестовали. Руссо был потрясен, что Соваже его так подставил, и во всем сознался, однако чистосердечное признание не спасло его от заточения в тюрьму Санте.

Руссо все же признали виновным и приговорили к двум годам тюрьмы. Но суд разрешил ему воспользоваться законом об отсрочке, на что откликнулся с благодарностью: «Благодарю Вас, господин судья! Я нарисую портрет Вашей супруги!»

Картину завершала фальшивая печать, придавшая документу весьма солидный вид. Затем Соваже вложил бумагу в фальшивый же конверт, и Руссо отослал его в банк.

Вскоре художник под именем Байи получил свои 1000 франков, а также 21 000 франков по чеку, которые тут же передал Соваже. От всей этой аферы Руссо не выиграл ни франка. Зато Соваже стал обладателем вполне приличной суммы.

Как только банковские служащие обнаружили фальшивку, Банк Фран-

Соваже тоже арестовали. Он по всем пунктам подтвердил слова Руссо и, к его чести, всячески старался выгородить художника. «Я не объяснил Руссо — говорил он, — что наношу ущерб Банку Франции, а дал лишь понять, что просто пытаюсь отомстить моим ростовщикам».

Руссо не понимал, насколько серьезно его преступление, — а ведь ему грозила каторга! Через три дня после ареста он написал первое письмо следователю с просьбой выпустить его на свободу, так как он —

«Заклинательница змей»

известный на весь мир художник и всю жизнь работает, как проклятый, что он совсем не кутила, не мошенник, что поддался влиянию Соваже по мягкости характера и душевной доброте.

Следователь, получавший все новые и новые письма Руссо, постепенно начал убеждаться в его невиновности. Однако только 31 декабря Руссо — временно — освободили из-под стражи.

В начале 1909 года Руссо и Соваже должны были предстать перед

судом присяжных. Адвокат Гилерме, защищавший художника, собиравшись построить речь, представив своего клиента как поразительно доверчивого и не совсем нормального человека.

9 января начался суд. Журналисты приготовились хорошенько посмеяться над старым и чудаковатым художником. Адвокат Руссо мэтр Гилерме произнес пламенную речь в защиту своего подопечного. Он утверждал, что Руссо — один из талантливейших художников Франции,

а в заключение воскликнул: «Господа, верните Руссо, этого необыкновенного человека, искусству!» Таможеннику речь адвоката явно понравилась. Он решил, что тот всех убедил и, повернувшись к Гилерме, спросил: «Теперь, когда ты закончил, я могу идти домой?», что, естественно, вызвало бурную реакцию собравшихся в зале. Друзья Руссо ярко выступили в защиту художника. Один из них, Максимилиан Люс, представил присяжным и публике как свидетельство его гениальности картину «Веселые шутники» — на фоне бурной тропической расти-

Однако Руссо и Соваже все-таки признали виновными в подлоге. Соваже приговорили к пяти годам заключения и штрафа в размере 100 франков, а Руссо — к двум годам тюрьмы и такому же штрафу. Но суд разрешил Руссо воспользоваться законом об отсрочке наказания, на что тот тут же откликнулся с благодарностью: «Благодарю Вас, господин судья. Спасибо! Я нарисую портрет Вашей супруги!» Так закончилось это судебное заседание.

Во время процесса Руссо обратился к судье со словами: «Если я буду осужден, это будет не столько не-

Написав завещание в пользу своей Леони, Руссо завещал ей все свое имущество — деньги, драгоценности, картины. Однако подпись и дату предусмотрительно не поставил — на всякий случай. Видно, не такой уж наивный был этот Анри Руссо

тельности на ней были изображены две обезьянки, развлекающиеся с бутылкой молока. Это была весьма плодотворная идея — показать суду одно из произведений художника. Правда, картина была воспринята не как шедевр, а как яркое доказательство умственной неполноценности обвиняемого и, следовательно, его невиновности! Руссо был спасен. (В газетах тогда писали, что его картины даже хуже детских рисунков, что он настоящий безумец, и ему давно пора в сумасшедший дом.)

справедливостью по отношению ко мне, сколько несправедливостью по отношению к искусству, мое заключение повлечет большую потерю для живописи». Тогда многие, слышавшие эти слова, лишь усмехнулись, но время показало, что Руссо был прав.

Последние два года его жизни были окрашены трогательной любовью к некой продавщице, 54-летней вдове Эжени-Леони. Он очень нежно ухаживал за своей избранницей — дарил цветы, проводил с ней много времени, даже, по словам Делоне,

спал у нее под дверью, не в силах уйти от своей прелестницы. Однако отец красавицы, тоже бывший чиновник таможни, дал ему понять, что Руссо, малюющий странные картины, да еще судимый, не годится в мужа его дочери. Тогда Руссо попросил своих друзей написать бумагу, в который бы удостоверялась его добропорядочность. Такие документы ему с удовольствием предоставили и Аполлинер, и Уде, но ничего не помогло. И Руссо отважился на последнее средство — написал завещание в пользу своей Леони, он завещал ей все свое имущество — деньги, драгоценности, картины. Однако подпись и дату предусмотрительно не поставил — на всякий случай. Видно, не такой уж он был наивный, этот Анри Руссо.

В конце августа 1910 года Руссо поранил ногу. Поначалу он не обращал на рану внимания, а она стала гноиться. Развилась гангрена. Когда его положили в больницу, было уже поздно. Адвокат Гилерме, который и после суда продолжал общаться с Руссо, рассказывал, что в последние дни своей жизни Таможенник словно скинул маску простоватого наивного чудака, и люди увидели, что Руссо — значительная и глубокая личность. «А не ломал ли Руссо комедию, дурача всех нас?» — задумывался мсье Гилермо.

Анри Руссо умер 2 сентября 1910 года. Ему было шестьдесят шесть лет. Похоронили художника 4 сентября в общей могиле на кладбище

*Пабло Пикассо.
Автопортрет*

Банье. О его смерти сообщили всего нескольким друзьям, и за гробом шли лишь семь человек.

Через полтора года Кеваль и Делоне взяли в аренду на 30 лет место его захоронения и установили надгробный камень, а в 1913 году скульптор Бранкуши и художник Ортис де Зарат выгравировали эпитафию, которую написал Аполлинер:

*Милый Руссо, ты нас слышишь?
Мы приветствуем тебя,
Делоне, его жена, мсье Кеваль и я.
Пропусти наш багаж без пошлины
к небесным вратам.
Мы доставим тебе кисти, краски,
холсты,
И священный досуг, озаряемый
светом истины,
Ты посвятишь тому, чтобы
рисовать
Как когда-то меня,
Лики звезд. □*

В ВЕЛИКОЙ РАДОСТИ друг с другом

«Смотри, что дает людям союз любви, мудрый брак. Кто научил мудрости? Кто исследовал таинственное?.. Кто, как не брак, соединил море и сушу влажной дорогой и объединил раздельное друг от друга?» — вдохновенно и благоговейно восклицал Григорий Богослов, епископ-поэт.

Испокон веков, начиная с языческой Руси, когда христианство не пустило еще глубоких корней, славяне отмечали День Любви равноапостольных святых Петра и Февронии, проживших многие лета в благочестии и согласии и умерших в один день и в один час

А история такова. В древние времена жил в Муроме князь Петр, который в яростном поединке с неслыханно страшным змеем, повадившимся разорять окрестные земли, осквернять честных жен, вносить смуту в сердца людские, одержал победу. Победить-то, победил, но был обрызган в бою смертоносной черной кровью чудовища, отчего покрылся язвами и струпиями. Мучительная болезнь свалила юного князя, и тогда бросились гонцы искать по Русской земле врачевателей, знахарей, ведунов. А князю становилось все хуже и хуже.

Прослышав, что Рязанская земля славится лекарями, повелел Петр везти себя туда. В селе Ласково забрел слуга князя в крайний небольшой дом бортника — древолазца, добытчика меда диких пчел. Переступил порог светлой горницы и обомлел: сидит за прялкой девица — красавица, песню веселую напеваает, а перед ней заяц молодцевато скачет, длинными ушами прихлопывает, стало быть, у кого-то свадьба намечается (была такая примета на Руси). Узнав, зачем пришел слуга, девица пообещала вылечить князя, но... только если тот возьмет ее в жены. Ничего себе! Слуга промолчал, ибо от услышанного дара речи лишился. А Петру ничего не оставалось, как согласиться.

Феврония приготовила снадобье, велела вымыть князя в бане, смазать язвы... кроме одной. (Ай, да молодец, Феврония! Девушки и

женщины, вот бы у кого поучиться уму-разуму!)

Князь, в конечном счете, исцелился от болезни и ... тут же отверг дерзостную мысль о «неравном браке»:

— Како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену!

Но за эти слова его ждало возмездие, князь получил сполна: все тело его опять покрылось страшными болезненными струпиями. И уж совсем не ведал молодой князь, что под видом телесного лекарства предлагала ему молодая дева лекарство духовное — тот елей совершенного, нелицемерного смирения, которым помазуется и упраздняется всякий грех.

Что делать? Долго мучился Петр, пока к нему не пришло озарение, и он ... бац — в ноги девушке, да так, что аж зайца напугал! Добрая Феврония простила, вылечила лукавого князя, а он, взявши ее за белу руку, повел в свой княжеский терем и получил всецелое исцеление от той болезни, которая была для него, как оказалось, «болезнью не к смерти, а к славе Божией».

Так и пошли они по жизни: рука в руке, а счастье рядышком. Но без испытаний в жизни, наверное, никто не живет. Теперь испытаниям подверглись оба супруга, их «союз любви и мудрого брака». Гордые муромские бояре устроили заговор, дескать, позорно нам называть госпожей и княгиней сельскую простолюдинку. Не по нраву им было, что управляла Феврония вместе с мужем по совести и правде. Взбунтова-

лись, мол, отрекись от жены, князь, и все тут!

Видит Петр, что сила на их стороне, взял жену под руку и молча ушел из славного города Мурома. А в это время по всему княжеству начались междоусобные распри и достигли такой силы, что бояре, опомнившись, кинулись вслед за супругами, покаялись, повинны головы покорно склонили пред князем и княгинею и с почетом вернули их обратно. И тогда многим открылось и стало понятным, что пуще любви, пуще семьи нет ничего на белом свете. А что еще есть главное в нашей быстротекущей жизни?..

Если вдуматься, семья — это своеобразное духовное лекарство, исцеляющее не только от физических недугов, но и от душевных изъянов. И еще... Пожалуй, сам брак заключается не только Божьим повелением, но и Божьим принуждением. Сказано же, что жена уготована мужу от века. Как восхищался один древний автор, знаток церковных строгостей: «Радуйся Февроние, яко в женстей главе святых муж мудрость имела еси». А к Петру давайте будем снисходительны, мужик, он и во все века мужик, князь ли, ветеринар или космонавт.

Наши предки рассуждали так: когда в семье любовь и согласие, при праведной жизни, муж и жена соединяются «в одно существо, в одного человека с одной душой в двух лицах». Ежели смерть отсекает половину, как же быть другой?..

Приблизившись к концу своего земного бытия, Петр и Феврония хотели умереть одновременно не только потому, что продолжали любить друг друга, но и потому, что не мыслили жизни один без другого.

На склоне лет, когда смерть появилась на пороге, помолившись, они и умерли в один день, 25 июня (8 июля по новому стилю) 1228 года, а церковь, в течение уже свыше 780 лет, отмечает общую память преподобным. И напрасно злые люди пытались похоронить их в разных гробах, вознамерясь разлучить: их тела чудесно обретались в общей, заранее приготовленной ими, гробнице, находящейся в приделе соборного храма Троицкого женского монастыря.

«И в будущем веке верные супруги безбоязненно встретятся и будут пребывать вечно со Христом и друг с другом в великой радости», — полагал Иоанн Златоуст, утверждая, что «любовь изменяет само существо вещей, потому что никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Каждый год, восьмого июля зажигаются свечи у иконы преподобных князя Петра и княгини Февронии. Из церковного сумрака проступают в золотистых бликах Он и Она... трогательно и целомудренно протягивающие друг другу руки... Как в жизни...

Давайте же не будем забывать этот святой светлый праздник — 8 июля, День Любви и Семьи! ☐

Завидная СУДЬБА

Плененный поручик 2-го гусарского полка армии французского императора Наполеона I Николая Савин, прожив в России 82 года, скончался в городе Саратове 29 ноября 1894 года. Ему было тогда 126 лет, 7 месяцев и 12 дней. Скажу честно — я был шокирован. Ничего подобного мне слышать не приходилось, хотя я много читал и видел фильмов о том времени.

В прошлом году довелось в очередной раз побывать на праздновании дня Бородинского сражения, и я в первую очередь навестил своего давнего друга Валерия Сергеевича Калачева. Он коллекционер, историк и почти всю сознательную жизнь занимается собирательством старины, и не только материальной, но и познавательной, духовной... Собирает старые журналы и всяческие неожиданные материалы из истории России. О войне 1812 года у него огромное количество интереснейших фактов.

Мы долго беседовали, сидя за столом, а потом он поднялся, достал с полки увесистую папку с длинными красными тесемками и протянул мне бумагу — это была копия высочайшего распоряжения (рескрипта), которое 7 сентября 1812 года император Александр I направил на имя генерала П.Х. Витгенштейна. Называлось оно — «О наивозможно лучшем содержании пленных», а исполнение его возлагалось на местные власти и местных жителей.

— Ну-у, — удивленно проговорил я, — 7 сентября? Это что, почти в день Бородинской битвы царь издал такую бумагу?

— Да... как видишь, — усмехнулся Валерий Сергеевич.

— И чем вызвано было появление этого рескрипта?

— Думается, одним... извечным генетическим русским гуманизмом. У нас ведь во все войны с пленными обращались, как нигде, мягко — национальная черта! Вот и все объяснение...

У меня невольно перед глазами пронеслись жуткие эпизоды, которые я слышал от своего отца, побывавшего в самых «адовых» фашистских концлагерях — Дахау и Бухенвальд. Впрочем, пришлось ему томиться несколько месяцев и в плену у басмачей в Средней Азии, где он в 1929–30 годах служил «действительную». А когда вернулся осенью 45-го из Германии, его «законопатили» наши «истинные» партийцы как врага народа. Эти дни, месяцы и годы отняли, в конце концов, у моего отца главное — жизнь! Только вот гуманного отношения со стороны тех, кто его пленил, почему-то не наблюдалось.

Мы помолчали немного, а потом Валерий Сергеевич снова заговорил:

— Вот, копия еще одного любопытного документа. Это фрагмент воспоминаний помещика из Данского уезда Рязанской губернии, некоего графа Толстого, правда, инициалы его Д.Н. К сожалению, уцелели всего три странички, но важных... Вот как он вспоминал то, что видел в годы своего отрочества, совпавшие с Отечественной войной 1812 года.

«Скоро вместо наших войск стали показываться партии пленных. Одна из них расположилась в нашем уезде. Помещики наши разобрали пленных офицеров себе. Отец мой взял пехотного поручика Р. Я помню этого полунагого, покрытого лохмотьями француза, которого отец одел с ног до головы и принял в семействе как друга.

Помню, как отец внушал нам, детям, беспощадную вражду к врагам отечества, когда он встречается с оружием, и христианскую любовь к человеку, которого война поставила вне возможности вредить нам. В этом заключается та высокая философия, истекающая из глубинно-религиозного начала, которым проникнута Россия, и им сочувствовал наш добрый, умный народ.

Между тем, партии пленных проходили мимо нас чаще и многочисленнее, отец кормил их на нашем дворе...

Крестьяне, и наши, и окрестные, смотрели на это без всякого чувства злости...и, сочувствуя их бедствиям, оправдывали их тем, что они люди невольные: «Не сами пришли, Бонапарт привел...»

Одним из центров французских военнопленных стал прилегающий к близости военных действий губернский город Рязань.

200 человек пленных французов, в числе которых оказался и бригадный генерал Шарль Август Бонами, прибыли в Рязань уже в сентябре — сразу после Бородинского сражения, где генерал Бонами был ранен и пленен...

К октябрю 1812 года в Рязани уже насчитывалось семь тысяч французских военнопленных. Среди них было восемь генералов и двести офицеров.

Местные власти требовали неукоснительного соблюдения правил обращения с пленными.

В моем архиве есть копия предписания рязанского губернатора И.Я. Бухарина Рязскому земскому суду, которое датировано ноябрем 1812 года. Губернатор предписывал французских военнопленных «содержать в пути, сколько можно человечнее, и предохранять от болезней...»

— Похоже, они так заняты были спасением французских пленных, что забыли о том, что творилось вокруг, — не удержался я. — А ведь французики... они жгли, рушили, насильовали и несли одно — смерть!

— Да-а... — протяжно выдохнул Валерий Сергеевич. — Тем не менее, высочайший документ предписывал: «...Где только будет замечен, каковой чиновник в неисполнении с пленными своих обязанностей, будет преследован как недостойный звания русского чиновника и потому ни в какой службе терпим не будет. На личную ответственность членов земского суда оставляется внушить жителям и особенно волостным главам и старостам при проводе пленных отводить им лучшие квартиры, расставлять людей в оных сколь возможно просторнее».

Конечно, положение военнопленных было чрезвычайно тяжелым... А где и когда, интересно, плен был сладостным? А главное — содержание пленных... оно, как и содержание своей армии, было очень тяжким бременем для местного населения, разоренного и измученного захватнической вой-

ной. Вот, например, городской голова Рязани, один из самых богатых местных купцов Рюмин, за три осенних месяца истратил на содержание французских пленных более 100 000 тысяч рублей. Фантастические деньги по тем временам!

Так что русское командование, несмотря на всяческие трудности и вполне в духе существовавших тогда правил войны, все же сумело позаботиться о более чем 150 000 тысячах военнопленных французов.

Естественно, что быстрее всего с пленными находили общий язык представители нашей социальной верхушки: ведь русские дворяне воспитывались на образцах французской культуры, поэтому очень быстро сходились с французскими офицерами. В Орле, например, скопилось множество французских пленнх.

Местом их общения с русским дворянством стал дом богатого помещика А.А. Плещеева, а он, как известно, был одним из ближайших друзей Н.М. Карамзина. Здесь же, при его доме был устроен и госпиталь для пленнх французов.

Бывал в этом доме и В.А. Жуковский, только что приехавший из действующей армии. Он быстро сошелся с генералом Бонами, которого перевели тогда из Рязани. Но вот какой парадокс — гуманное отношение к пленным принесло и парадоксальные плоды... Многие из них приняли русское подданство и навсегда остались жить в России... Ну и каково? — усмехнулся Валерий Сергеевич и добавил: — Кстати, у меня совсем не давно появился подобный материал — преинтереснейший!

Так вот, жил в Санкт-Петербурге военный историк, некто Военский К.А.

Он доставал, изучал и коллекционировал все о той войне, которую очень точно назвали — Отечественной!

Неизвестно, по какой надобности, простой житейской или казенной, оказался он на Волге

в городе Саратове. И там, общаясь с людьми, случайно познакомился с одним человеком (тоже, к сожалению, оставшимся для истории неизвестным), который, как только узнал, что Военский очень интересуется Отечественной войной 1812 года, сказал, что в городе доживает свой век француз из военнопленных — Николай Андреевич Савин. В плен он попал еще в 1812-м, и теперь ему более 120 лет! Военский, конечно, тут же рванул по заветному адресочку — на улицу Грошевую, в маленький домик, где и нашел отставного французского поручика в полном здравии. Это оказался весьма живой старичок в старомодном сюртуке и с красной ленточкой в петлице. Ну, что мог думать Военский о человеке, которому было, как ему сказали, за 120 лет? Вопреки ожиданиям военного историка, Николай Андреевич, несмотря на свой весьма и весьма почтенный возраст (а было старичку в то время 125 лет), оказался весьма бодр, у него сохранился здоровый ум и, что уж совсем удивительно, прекрасная память!

На вполне естественный вопрос изумленного Военского он с гордостью отвечал, что долголетие его — от отсутствия с самого раннего детства привычек к излишествам во всем... и постоянный, ежедневный труд, не оглядываясь на праздники и прочие отлучки, и процитировал историка строки из Горация:

Еще мальчиком многое перенес и трудился.

Потел и мерз, воздерживался от страстей и вина.

Военский, конечно, бросился осматривать его нехитрый быт, сделал зарисовки интерьеров домика француза и записал все, что увидел...

В домишке Николая Савина все дышало культом великого Наполеона. Повсюду на стенах, на столах и даже подоконниках, стояли и висели портреты императора. Здесь же, в крошечной гостиной висел и портрет акварелью собственной работы Савина.

Показывая Военскому этот портрет Наполеона, он распрямылся, вытянулся вдруг, словно в почетном карауле, выдержал паузу и значительно вымолвил: «Вот человек, которому я посвятил лучшие годы своей жизни, и память которого для меня является священной!»

Ну а далее счастливицу Военскому довелось услышать из первых уст о жизненном пути Николая Савина. Петлистая вышла картинка его судьбы, с бесчисленными узлами и хитросплетениями.

Родился Николая в городе Руане 17 апреля 1768 года. Отец, Андре Савин, при Людовике XV служил в королевской гвардии, а затем в дворцовом ведомстве. Воспитывался маленький Николая у дяди его матери в городе Тур, а после его определили в иезуитскую коллегию этого города. В сентябре 1792 года юноша Савин приехал в Париж, но в живых своих

родных уже не застал... Отец его погиб во время знаменитого штурма дворца Тюильри, 10 августа 1792 года, а мать просто бесследно исчезла... Так Николя и прожил в столице почти два года в семье знакомых отца. Но ему постоянно приходилось опасаться ареста, он ведь был сыном роялиста. Не выдержав этого напряжения, он поехал к брату в Руан.

В 1798 году объявили набор добровольцев для военной экспедиции в Англию, и Николя вступил в армию. Но его кавалерийский полк отправили неожиданно в Египет, а далее гусарский офицер Николя Савин уже участвовал во всех самых крупных битвах наполеоновских войн: это и Аустерлиц, и Иена, и все другие походы императора.

В 1809 году, в составе войск генерала Лана, он оказался в Испании. При осаде Сарагосы его ранили, и он получил орден Почетного легиона. А затем оказался в плену у испанских партизан.

Его и еще десятерых французских солдат содержали в помещении инквизиционного трибунала города Севильи. Там, в огромной свалке, было брошено множество всяческих орудий пыток. Их-то и использовал Николя с друзьями по несчастью для подкопа. И им удалось бежать...

После побега Николя, все с теми же друзьями, в течение целого месяца скитался по горам и глухим ущельям. Питались они только травами да фруктами. Из одиннадцати человек только троим удалось выжить и добраться до французских войск. Среди них был и Николя Савин.

Теперь уже лейтенант 2-го гусарского полка, Николя Савин, в составе войск корпуса генерала Нея, отправился в русский поход. При отступлении из Москвы, в битве при селе Красном, что в Смоленской губернии, корпус Нея был почти целиком истреблен, а Савин, под которым за время битвы пали три лошади, чудом остался жив...

Ну а самая последняя для Николая Савина военная схватка, в которой ему довелось участвовать, произошла на реке Березине. По приказу маршала Нея он с несколькими солдатами охранял уцелевшие повозки с казной главного штаба. Под тяжестью тел мост рухнул. Николая был сбит с коня, но, спасаясь от верной гибели, смог вернуться на берег, где попал в руки казаков атамана Платова.

Так он оказался в Саратове. На хлеб стал зарабатывать уроками фехтования для офицеров местного гарнизона, а со временем ему удалось сдать экзамен на право преподавания французского языка. Потеряв абсолютно всех своих родственников во Франции, Николай Савин принял решение — остаться в России... навсегда!

Целых три поколения саратовских дворян учились у него французскому языку.

В 1874 году ему исполнилось уже 106 лет, и он принял решение удалиться на покой. Купил на свои скромные сбережения маленький домик и стал там жить со своей дочерью. Занялся рисованием, обожал возиться со своим маленьким огородом, любил ежедневные пешие прогулки. Так и жил, тихо и почти незаметно, пока в газете «Новое время» не появилась статья К.А. Военского о последнем офицере армии Наполеона, прожившем в России чуть ли не всю свою жизнь.

Сразу же после публикации статьи Николая Савин стал известным человеком. К нему потянулась череда журналистов, писателей, историков и представителей власти. И, как говорили, бывший пленный всех принимал радушно и делился воспоминаниями о прошлом. Вообще, по воспоминаниям тех, кому довелось и видеть его, и общаться с ним, Николай Андреевич был добрейшим человеком.

В это время в противовес Тройственному союзу складывался франко-русский военный союз, который его участники очень старались подкрепить пропагандистскими акциями. Вот на этой волне французское правительство и наградило Николая Савина медалью «Св. Елены», которой, как известно, удостоивались ветераны армии Наполеона.

А 29 ноября 1894 года в Саратове поручик 2-го гусарского полка великой армии императора Франции Наполеона Николай Савин скончался... Не стало воина и человека, которому как подарок была дана такая большая жизнь и такая, прямо скажем, завидная судьба! Он столько и столько исторических персонажей видел воочию, столько переживал, столько пережил, — тихо произнес Валерий Сергеевич и замолчал, глядя на висевший на стене портрет лихого гусара — партизана и поэта Дениса Васильевича Давыдова, истинного героя той далекой войны... □

Варвара
Клюева

АЛЛЮЦИНАЦИЯ

АЛЛЮЦИНАЦИЯ

Телефонный звонок ворвался в сновидение, придав ему оттенок кошмара. Проснувшись, Кристина в первое мгновение вздохнула с облегчением, а в следующее испугалась больше прежнего. Половина третьего! Мама? Сестра? ЧП в клинике? Телефонный маньяк? Кто бы ни вслушивался сейчас в гудки на другом конце провода, добрых вестей он Кристине не принесет. А вот беду — запросто. Одна надежда, что ошиблись номером.

— Алло?

— Кристина, извини, пожалуйста. Мне нужна твоя помощь. Кажется, я сошел с ума.

— Олег?! Сухарев? — изумилась она. И тут же сказала себе: не может быть. Но кто, если не он? Обращение на «ты» подразумевает неформальное знакомство. Знакомые такого рода, вопреки ее настоятельным просьбам, упорно уродовали имя Кристины, прибегая к идиотским уменьшительно-ласкательным вариантам типа Кристя, Крыся или Тина. Кристиной и на

«ты» ее называл лишь один человек — Олег. Но именно Олег ни за что не стал бы звонить среди ночи, просить помощи и, уж тем более, попадать в истории, которые вызывают сомнения в собственном рассудке.

— Да. Скажи, пожалуйста, у тебя нет знакомого психиатра? Хорошего психиатра, к которому я могу обратиться в это время суток?

— Да что с тобой случилось?!

— У меня галлюцинации.

— Галлюцинации? Какие? Зрительные, слуховые?

— Все сразу. Зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные.

— Прямо сейчас? В эту самую минуту?

— Нет. Прямо сейчас я окончательно убедился, что это была галлюцинация. Долгая такая, целый вечер длилась. Разговаривала со мной, хватала за руки, деньги совала, дышала перегаром, храпела... — Он старался говорить тихо, но в голосе пронзительными нотками прорывались ужас и отчаяние.

— Я сейчас приеду.

— Но ты же не психиатр, а психолог. Разве психологи?..

Кристина не дала ему договорить.

— Психолог-клиницист, — не дала ему договорить Кристина. — Именно то, что тебе сейчас нужно.

Пока прогревался мотор малышки «фабии», Кристина вспоминала прошлое.

Свое первое высшее образование (инженер-радиофизик) она получила в МИРЭА, где и познакомилась с Сухаревым. Добросовестный, педантичный, безотказный и мастеровитый, Олег паял неумехам на радиопрактикуме усилители, триггеры и мультивибраторы, чинил всем желающим часы, фены, магнитолы и фотоаппараты, одалживал сокурсникам исписанные четким круглым почерком тетради с конспектами лекций, собирал профсоюзные взносы, доплачивая за злостных уклонистов из своего кармана. Словом, имел заслуженную репутацию «души-человека». Тем не менее, юная Кристина относилась к нему пренебрежительно. На ее взгляд, Сухарев был занудой — скучным, неинтересным «ботаном», который оживлялся только тогда, когда говорил об УКВ-радиопередатчиках, кварцевых резонаторах, разнесенных частотах, задающих генераторах и прочих радостях радиолюбителя.

После окончания института Кристина на несколько лет выпала из сферы общения с однокурсниками. Отцу, у которого она, переехав в Москву,

поселилась, неожиданно привалила удача, и на ее волне он оплатил дочери второе образование — сначала в московском институте психологии личности, а потом и за границей. Позже выяснилось, что, пока Кристина училась, дела отца шли все хуже и хуже. Вернувшись на родину, она обнаружила, что у нее больше нет ни жилья, ни денег, ни отца.

Бездомная, безработная, раздавленная горем, она бросилась звонить бывшим однокашникам. Те смущенно бормотали слова сочувствия и утешения, но предлагать практическую помощь не спешили, жалуясь на собственные сложные обстоятельства. И только Олег показал себя «рыцарем без страха и упрека». Переехав к родителям, он поселил Кристину в квартире, которую унаследовал от бабушкиной сестры, и в течение восьми месяцев, пока девушка не нашла работу, привозил продукты и подбрасывал небольшие суммы «на жизнь». Все это совершенно бескорыстно, ни намеком не показывая, что рассчитывает на какую-либо благодарность с ее стороны. Более того, когда Кристина пыталась благодарность выразить, Олег смущался и спешно переводил разговор на другую тему.

С тех пор прошло почти десять лет. Жизнь Кристины наладилась. У нее появились новые друзья и профессиональная репутация. Работа в платной неврологической клинике, чтение лекций в коммерческом вузе, частные консультации и психотерапевтические сессии приносили доход, который вполне позволял ей причислять себя к среднему классу. Взяв ипотечный кредит, она купила квартиру и уже на три четверти выплатила банку долг. Других долгов у нее не было, не считая долга перед Сухаревым, который не признавал Кристину своей должницей и упорно отказывался принимать ее благодарения. В конце концов, утомившись от собственной настойчивости, она перестала названивать Олегу, зазывать его на разные светские мероприятия или просто в гости. Связь между ними почти прервалась, потому что сам он звонил ей только по официальным поводам — поздравить с очередным праздником или днем рождения. До нынешней ночи.

К облегчению Кристины, выглядел Олег пристойно. Бледный, испуганный, но при этом опрятно одет, причесан, побрит. Взгляд осмысленный, речь, хоть и несколько сбивчивая, но вполне внятная.

— Я сегодня вечером ездил на вокзал, передавал посылку для приятеля из Томска, — рассказывал он, заваривая кофе. — Он тоже радиолобитель, просил найти кое-какие детали. Впрочем, это не важно. По дороге от поезда к метро меня прибило к толпе, которая глазела на драку. Три неприятных, даже опасных на вид субъекта наседали на здорового пья-

ного мужика. Теперь-то я понимаю, что все это мне, скорее всего, привиделось, но видение было дьявольски убедительным. Мужик — ростом под два метра и весом пудов, наверное, восемь, выглядел вылитым медведем, который стряхивает с себя охотничьих собак. «Собаки» бросались на него и рычали, а он расшвыривал их и орал на всю площадь: «Пшли вон, суки! Отвяжитесь от меня, псы позорные! Вот присосались, пиявки!» Когда он в очередной раз их раскидал, я увидел, что к толпе неспешным шагом идут два милиционера. Протолкался в круг, сказал мужику: «Делай ноги, приятель, не то тебя сейчас повяжут», — и двинул к метро. Уже на входе оказалось, что «медведь» потащился за мной. В вестибюле чуть не сбил меня с ног, хлопнув лапой по плечу, и попросил, чтобы я пропустил его через турникет по своей карточке. Я и пропустил...

«Медведь» после моей любезности счел меня лучшим другом и стал напрашиваться ко мне на ночлег. Как же он выразился? Ты не думай, я понимаю, что все это происходило в моем больном воображении...

— Знаешь, Олег, — не выдержала Кристина, — я думаю, нам обоим будет легче, если ты перестанешь каждую минуту оговариваться, что речь-де идет о твоём «глюке», и расскажешь эту историю, будто она произошла с тобой на самом деле. Тем более, что пока я в ней ничего фантастического не вижу.

— Еще увидишь, — мрачно заверил Сухарев, разливая кофе по чашкам. И продолжил рассказ: — В общем, я не помню точных слов, которыми мужик обосновал просьбу, но суть сводилась к тому, что он спяну натворил бед и теперь должен где-нибудь спрятаться, пока не придет в норму, а то будет хуже. Я замаялся, подыскивая наиболее деликатную форму отказа. Сама понимаешь, пускать к себе домой совершенно незнакомого пьянчугу, который, в случае чего, легко прихлопнет одной левой, мне не хотелось. С другой стороны, я опасался его рассердить. Но «медведь» истолковал мою нерешительность по-своему и, пока я мялся, вытащил из «напузника» пачку пятитысячных бумажек, сунул мне под нос и заверил, что за убежище щедро заплатит. — Тут Олег покраснел и отвел глаза. — Понимаешь, я с апреля сижу без работы, перебиваюсь случайными заработками, и денег у меня сейчас негусто... Короче, я согласился.

Кристина с трудом удержалась от язвительного замечания. Олег не мог не знать, что она почтет за счастье оказать ему любую помощь: деньгами, связями, профессиональным советом, как лучше составить резюме и вести себя на собеседовании. Но этот «гордый птиц» и не подумал к ней обратиться, предпочтя ей драчливого пьяного мужика, по-

добранный на вокзале. Кто он после этого, спрашивается? Но, понимая, что сейчас не самое подходящее время для упреков и обид, она лишь коротко кивнула:

— Ясно. Продолжай.

— Дорога была кошмарной. Час пик, давка, стоять приходится на одной ноге, а мой «медведь» норовит повиснуть на мне и уснуть. Да еще перегаром дышит. Когда мы вышли из метро, я предложил взять такси, но он отказался, пробормотав что-то насчет продажных таксистов, которые непременно его сдадут. В общем, доехали на трамвае с тем же «комфортом». Дома мужик увидел засов, обрадовался, закрылся на него и потребовал, чтобы я никому не открывал и даже не подходил к двери, пока он «не в форме». Тут же позабыв о своих инструкциях, вручил мне десять пятитысячных бумажек, сказал, что это задаток, и велел к его пробуждению купить полдюжины пива и приготовить горячую еду. Потом, не дожидаясь, пока я достану свежее белье, завалился на мою постель и вырубился.

Я немного посидел в Интернете, потом довольно долго возился со схемой трансивера и только к полуночи спохватился, вспомнив, что так и не сходил за пивом. «Медведь» начал ворочаться, того и гляди проснется, а у меня в холодильнике шаром покати. В общем, собрался я в ночной супермаркет. Перед уходом сообразил, что в первом часу ночи у них может не найтись сдачи с пяти тысяч, попытался разбудить мужика, чтобы спросить, нет ли у него денег помельче, но он только отмахнулся от меня и перевернулся на другой бок. Я порылся в его «напузнике», но там были одни «пятерки» и банковские карты. Пришлось поскрести по своим сусекам. Наскреблось маловато, рублей восемьсот, но я решил, что на не самое дорогое пиво и закуску должно хватить. Положил пятьдесят тысяч, что дал мне «медведь», в буфет, открыл форточку (в комнате такой дух стоял — закачаешься!), закрыл дверь на все три замка и ушел.

Вернувшись, — обрати внимание! — первым делом закрыл дверь на засов. Я это точно помню, потому что рычаг поддался с большим трудом. Засов-то, если не считать мужика, в последний раз задвигала еще покойная тетя Капа, и за десять лет механизм застопорился. Мужик со своей немереной силушкой этого даже не заметил, а я весь взмок, пока управился. Открывать было не в пример легче. Потом я разулся, положил продукты в холодильник, заглянул в комнату. «Медведь», скукожившись, залез под одеяло с головой, но, судя по богатырскому храпу, особых неудобств не испытывал. У меня же самого зуб на зуб не попадал: на улице к ночи здорово похолода-

ло, а идти до супермаркета почти полчаса. Закрыв я форточку и пошел греться под душ.

А когда вышел, обнаружил, что мужика в квартире нет. Мало того, нет никаких признаков, что он тут был. Из шкафа в прихожей исчезла его одежда, со стула у кровати — «напузник», из буфета — пятьдесят тысяч, которые он мне дал. Даже вмятины от головы на подушке не осталось. Даже запаха перегара в комнате! Только разобранная постель на диване, но ведь это моя постель!

Я облазил всю квартиру. Искал в шкафах, под мебелью, даже на антресолях. Никого. Засов закрыт, окна тоже. В общем, вывод очевиден. Как ты думаешь, Кристина, это лечится?

— Больно ты скор, как я погляжу. Мы еще диагноз не поставили, а ты уже о лечении спрашиваешь.

Она отодвинула пустую чашку, встала и медленно обошла квартиру, которая когда-то была ее домом. За эти годы здесь мало что изменилось. Олег так и не избавился от мебели, доставшейся ему от покойной бабушки-тетти. В прихожей стоял тот же шкаф для верхней одежды и обуви, в комнате — уродливый шифоньер и древний буфет, повторяющий очертаниями Нотр-Дам де Пари, секретер и книжный шкаф семидесятих годов двадцатого века. Только обеденный стол сменился письменным, да появилось несколько дополнительных навесных полок со всевозможными техническими справочниками и жестянками с радиодетальями, а также стеллаж с инструментами. Разложенный диван был застелен голубым постельным бельем с красно-зеленым геометрическим рисунком, одеяло небрежно брошено поверх простыни, в изголовье — большая подушка с наволочкой из того же комплекта. Кристина осмотрела постель, прошлась по комнате, на ходу открывая и закрывая шкафы, подошла к окну, отодвинула занавеску и сказала:

— Ну, хорошо. Разговор может получиться долгим, пошли на кухню.

Следующий час она мучила его самыми разными вопросами. Не падал ли он в последнее время, не получал ли ударов по голове? Бывают ли у него мигрени, тошнота, головокружения? Чем он болел и какие лекарства принимал за последний год? Не замечал ли, что временами у него резко ухудшается зрение? Не страдает ли бессонницей или, напротив, повышенной сонливостью? Как часто потребляет алкоголь, кофе? Нет ли у него проблем с памятью? Не перенес ли он недавно тяжелую душевную травму: утрату близких, болезненный разрыв отношений, ранящую несправедливость, жестокость? Не был ли свидетелем катастрофы с человеческими жертвами? Не было ли несправедливым его уволь-

нение? Как сильно угнетало его отсутствие денег и работы? Что из событий последних лет переживал особенно тяжело? Как часто ему снятся кошмары? Бывают ли у него яркие сновидения, трудно отличимые от реальности?

Потом Кристина попросила Сухарева рассказать обо всех событиях минувшего дня, начиная с утра. Ей пришлось выслушать массу утомительных подробностей — о микросхемах, о симптомах гриппа у Олеговой матери, о лекарстве, которое нашлось только в четвертой по счету аптеке, об особенностях приготовления «правильного» куриного бульона и клюквенного морса и полной неспособности Олега отца к ведению домашнего хозяйства. Но она не торопила, не предлагала пропустить незначительные эпизоды, слушала внимательно и терпеливо. Ей было важно понять, изменится ли манера рассказа, когда Олег дойдет до встречи с «медведем» и последующих событий. Если эти события — игра его воображения, степень детальности, скорее всего, снизится.

Но ничуть не бывало. Портрет мужика, описание вокзальной драки и дороги домой, манеры навязавшегося гостя и вечерние занятия хозяина содержали ничуть не меньше подробностей, чем рассказ об утренних и дневных хлопотах. Кристине казалось, что она видит «медведя» воочию — от густой каштановой шевелюры с заметной проседью до мелкой дырочки на темно-синем носке в тонкую серую полоску. Если это галлюцинация, то у Сухарева должна быть исключительно живая фантазия, которую он, по непонятным мотивам, всю жизнь скрывал от окружающих.

— Ну, что я могу сказать? — начала она, когда Олег, закончив рассказ, выжидательно на нее уставился. — Никаких патологий не вижу: ни личностных изменений, ни нарушений в логических связях, ни проблем с памятью или концентрацией внимания. Не вижу и факторов, которые могли бы привести к патологии. Конечно, окончательный вывод делать рано. Новообразования или, говоря проще, опухоли иногда возникают в мозгу без видимых причин и до поры до времени никак себя не проявляют. Поэтому не исключено, что история с испарившимся мужиком — первое проявление болезни. Выяснить это точно можно будет только после полного неврологического обследования, включая МРТ. Если понадобится, я сегодня же отвезу тебя в свою клинику и сдам лучшим специалистам. Но специалисты появятся только в девять, поэтому у нас есть три с лишним часа, чтобы заняться другой версией, а именно что ты совершенно здоров, и в твоей квартире действительно побывал мужик, который потом таинственным образом

исчез. И мы должны найти внятное объяснение, как именно он исчез. И трился это сделать.

— Кристина, ты же умная девушка! — Олег, никогда не повышавший голос, почти кричал. — Какое может быть объяснение! Это тебе не средневековый замок, а типовая однокомнатная квартира. Тут нет забытых подземных ходов, фальшивых полов, потайных комнат и ниш, скрытых за стенными панелями. Как материальный мужик таких габаритов мог исчезнуть отсюда вместе с вещами при закрытом засове и закрытых окнах? Полюбуйся сама!

— Верю на слово, — покачала она головой. — И все-таки я склоняюсь к мысли, что объяснение существует.

— Ну, разумеется! Мужика утащили черти. Или дезинтегрировали инопланетяне — волновым излучателем. А еще он мог превратиться в таракана и выбраться через вентиляционную решетку. Знаешь, пусть уж лучше будет таракан у меня в башке!

— Тараканом в твоей башке мы займемся через три часа. А пока у нас есть шанс пошевелить мозгами. Прекрати истерику и думай. Выкини из головы всю эту психиатрическую, а также потустороннюю и фантастическую чушь и ищи техническое решение. Ты классный инженер, изобретатель. Неужели тебе слабо выдать хорошую идею? Вот, к примеру, засов. Его никак нельзя закрыть со стороны лестницы?

— Как ты это себе представляешь? Рычаг приводит в действие механизм, который выдвигает и поворачивает штангу так, что ее концы въезжают в специальные пазы. Очень нехитрое устройство, но запустить его без рычага, со стороны лестницы невозможно. Тем более что за этой дверью — вторая, металлическая. И все замки были закрыты.

— Ладно, с засовом проехали. А ремонт у вас в доме недавно не делали? У соседей или на лестнице?

— И что, если делали? — Голос неизменно корректного Сухарева сочился сарказмом. — У меня в стенах, в полу или в потолке пробили здоровую дыру, которую мы с тобой по рассеянности не заметили?

Кристина возмутилась. Какими бы дурацкими ни казались ее идеи, они, по крайней мере, у нее были. Именно так и устроен мозговой штурм: участники набрасывают идеи, в том числе самые дикие и завиральные, и одна из них рано или поздно наталкивает людей на решение. Она собиралась высказать все это Олегу, но вовремя спохватилась. Не в том Сухарев состоянии, чтобы участвовать в мозговом штурме. Тревога его изводит, к тому же, он зациклился на невозможности рационального объяснения

своей истории. Чтобы увести его с этих рельсов и развернуть к конструктивному обсуждению, неплохо бы доказать, что в его квартире недавно кто-то побывал.

— Знаешь, что? Давай-ка обыщем квартиру.

— Да говорю же тебе: я уже все обыскал!

— Ты искал мужика и его вещи, а я предлагаю искать любую мелочь, которой раньше у тебя в доме не было. Мало ли на что мы можем наткнуться: на открытую бутылочку с неизвестной летучей жидкостью, на миниатюрный голографический проектор, звуковоспроизводящие устройства, чужие волосы, ворс от одежды...

— Ты представляешь, сколько это займет времени?

— Не важно. Нам все равно нужно как-то убить три часа.

Показывая всем своим видом, что считает затею никчемной, Сухарев, однако, пошел вслед за Кристиной в комнату и начал разбирать вещи на письменном столе. Кристина же направилась к дивану и самым тщательным образом осмотрела постельное белье. Никаких волос ни на наволочке, ни на простыне, ни на пододеяльнике не было. Не только седых и каштановых, но и русских. И это очень странно. Ну ладно, допустим, мужик Олегу пригрезился. Но сам-то Олег спал на этом белье. Даже не лысеющий человек за ночь теряет какое-то количество волосинок. Допустим, большую часть Олег стряхнул, но ведь не все же? Не пылесосит же он по утрам постельное белье.

Кристина переложила подушку и одеяло в кресло, стянула простыню и осмотрела с другой стороны. Вдруг ее что-то стукнуло. Она погрузила ладонь между диванными подушками, провела рукой... И наткнулась на залежи бумажек. Пятитысячные купюры! Раз, два, три, четыре... двадцать штук.

Олег, обернувшийся на ее возглас, выронил жестянку с канифолью:

— Кристина, ты... У меня нет слов. Ты такая молодчина! — Его глаза, до сих пор смотревшие на нее с безнадежным унынием, заблестели.

— Ага, ожил! — удовлетворенно заметила она. — Давай-давай, ищи. Не хочется возвращать тебя на грешную землю, но мы все еще не знаем, как он это провернул.

Олег, для которого поиски теперь обрели смысл, начал перебирать свои вещички с утроенной скоростью. Кристина, рассудив, что от ее помощи будет мало проку, присела на диван, подумать.

— Знаешь, Олег, — сказала она минут через десять, — боюсь, твоего «медведя» увели против воли. Смотри, тут все до волосинки подчистили и подушку взбили, чтобы следа не осталось. И деньги мужика, которые ты по-

ложил в буфет, забрали. Выглядит так, будто тебе хотели внушить: не было никакого мужика, «глуки» у тебя. Но тогда какой смысл прятать сто тысяч в диване? Похоже, следы заметали одни, а деньги в тайник сунули другие. Вернее, другой — тот самый мужик. Он же говорил тебе, что ему нужно спрятаться, даже от такси отказался, чтобы его не разыскали. Выходит, выследили вас... Тогда деньги он нарочно сюда подложил — хотел тебе знак подать.

— Не думаю, чтобы такого здоровяка могли увести силой, — осторожно возразил Олег. — Он бы тут все покрушил, и я бы из душа услышал.

— Он же спал. Возможно, ему что-то вкололи. От укола он проснулся, но сил и времени хватило только на то, чтобы сунуть деньги между диванными подушками. Вот что, включи компьютер. Пока ты ищешь, я посмотрю последние криминальные новости по городу, вдруг твой мужик там фигурирует. Или, не дай бог, его труп...

Но криминальные сводки сообщали только о пожарах, ДТП, разбойных нападениях и угонах. Единственный неопознанный труп, по мнению эксперта, стал трупом больше трех суток назад. Кристина уже хотела отключиться, когда ее взгляд зацепился за заголовок: «Эпидемия амнезии?» Щелкнув по нему, она прочла короткое сообщение:

«По странному совпадению, сегодня ночью в две столичные больницы в Юго-Западном и Восточном административных округах и в отделение милиции в Северо-Восточном обратились три гражданина с жалобами на потерю памяти. У всех троих не было документов, а своих имен они не помнили. Личность одного из них милиция уже установила. Это Збарский Роман Юрьевич по кличке «Зюбр», хорошо известный линейным отделам МВД северного и северо-восточного направления Московской железной дороги как мошенник и шулер, промышляющий в поездах. Возможно, потеря памяти поможет Збарскому порвать с преступным прошлым. Личности остальных жертв амнезии пока не установлены, равно как и причины вспышки экзотического заболевания».

В голове у Кристины будто запустили фейерверк. Шулер... Северное направление МЖД... Ярославский вокзал! Три неприятных типа, вцепившихся в «медведя», точно охотничьи псы... Три мужика, в тот же вечер загадочно потерявшие память... Получается, Олегу с его «галлюцинацией» еще повезло? Господи, во что же он вляпался?!

— Кристина, что с тобой? У тебя такой странный вид...

— Прочти это, — кивнула она на экран монитора. — По-моему, обыск можно прекратить. Загадочное исчезновение мужика разъяснилось. Тебя

подстерегли на лестничной клетке, когда ты возвращался из магазина, втолкнули в квартиру, потом «медведя» увели или унесли, а тебе вкололи какую-то гадость, которая стерла этот эпизод из памяти. Надо поискать на теле след от инъекции.

Сухарев оторвался от экрана.

— Конечно, ты специалист, тебе виднее, но, по-моему, твоя версия ничуть не лучше версии с инопланетянами и волновым излучателем. Я еще могу допустить существование препарата, который начисто отшибает память. Но представить себе средство точечного воздействия, которое ювелирно стирает из памяти один-единственный определенный эпизод, выше моих сил. И в моем случае нужно было не просто стереть, а еще записать фальшивые воспоминания. Ведь я прекрасно помню, как вернулся из супермаркета, задвинул засов, убрал в холодильник пиво и продукты, полюбовался на храпящего «медведя» и пошел в душ.

— Но ты согласен, что эти трое с амнезией, скорее всего, те самые субъекты, с которыми твой гость дрался на вокзале?

— Во всяком случае, ход твоих мыслей мне понятен. Непонятно только, почему это предположение тебя так напугало.

— А ты пораскинь мозгами. Трио шулеров «сделало» попутчика в карты. Платить он, судя по драке, отказался. Казалось бы, все, инцидент исчерпан. Тем не менее, некие люди, явно связанные с «медведем», не поленились пойти за шулерами следом, каким-то образом устроили всем троим потерю памяти, изъяли документы, а потом развезли по разным районам Москвы. Почему? Мне приходит в голову только одно объяснение: эти трое должны были начисто забыть о встрече с «медведем». Может быть, он находился там, где не должен был находиться, или делал не то, что должен был делать, или эта встреча нарушала чье-то тщательно подготовленное алиби, не суть важно. Важно, что ты тоже видел «медведя» в неподходящем месте в неподходящее время, а значит, тоже можешь расстроить их непонятные планы. Пока что с тобой обошлись довольно гуманно, всего лишь вынудили усомниться в собственном рассудке. Но если они поймут, что номер у них не прошел... Как я понимаю, возможности у них большие. Давай-ка мы, на всякий случай, положим тебя ко мне в клинику. Отдохнешь, подлечишь нервы, а заодно убедишь пастухов своего «медведя», что их замысел сработал.

— Но... Если «медведю» угрожает опасность, мне не хотелось бы бросать его на произвол судьбы. Ты сама сказала: он оставил эти деньги, чтобы подать мне знак. И вообще, он довольно симпатичный мужик, хотя

я с ним и намаялся. Негоже оставлять его на растерзание непонятым личностям с неизвестными намерениями.

— А что мы можем сделать? Заявить в полицию? О чем? О том, что у тебя из квартиры испарился незнакомый мужик, но появились сто тысяч? Там, конечно, очень обрадуются. Ты этого хочешь?

— Нет, я хочу просто спасти мужика. Вдвоем мы наверняка что-нибудь придумаем.

— Да что мы можем придумать! — взвилась Кристина. — Ты даже имени своего «медведя» не знаешь!

— Кажется, мы поменялись ролями, — примирительно произнес Олег. — Теперь ты испугана и не хочешь отойти в сторону от единственного выхода, который видишь, чтобы поискать другой, более приемлемый. Да, имени я не знаю, мужик как-то забыл представиться. Но, когда я рассказывал тебе о своих сегодняшних приключениях, вспомнил, как лазил в его «напузник» за мелкими купюрами. Там было несколько пластиковых карт. Не знаю каких, я их не вытаскивал. Но, когда рылся в банкнотах, на верхнюю карточку упал свет, и я краем глаза прочел что-то вроде «..дит-банк ...дронович Нико...» Это «дронович» похоже на отчество, а единственное отчество с таким окончанием, которое приходит мне в голову, — Андронович — довольно редкое. Нико, стало быть, начало фамилии. Николаев, Никольский, Никонов... А может, его имя Николай, а фамилия оканчивается на «дронович. В общем, знаем мы не так уж и мало. Вполне можно поискать «медведя» в Интернете.

— Ну, поищи, — вяло согласилась Кристина. На нее вдруг навалилась свинцовая усталость. — А я прилягу на пять минут. Что-то меня развезло.

— Есть! Нашел!

Разбуженная этим воплем, Кристина подскочила и поняла, что проспала гораздо дольше пяти минут. За окнами было совсем светло. Значит, уже можно ехать в клинику.

Она подошла к Сухареву и склонилась над его плечом. Все окно экрана занимала фотография весьма комичной парочки: могучий рыжеволосый колосс — огромный, широкоплечий, заросший, и худосочный темноволосый коротышка с лысым темечком. Малыш едва доходил колоссу до подмышки. Оба персонажа держали в руках бокалы и широко улыбались в камеру. Подпись под фотоснимком гласила: «Павел Андронович Никодимов (компания «Уральские копи») и Игорь Игоревич Моисеев («Урал-руда») заключили соглашение о совместном строительстве нового горно-обогатительного комбината под Екатеринбургом».

— Здорово, — сказала Кристина. — Молодец. Давай завтракать и собираться в клинику.

— Погоди, как это в клинику? Разве мы не будем спасать мужика? Теперь мы знаем его имя, и...

— И чем оно нам поможет? Думаешь, теперь в полиции к твоей истории отнесутся с воодушевлением? Мы по-прежнему не знаем, от кого этот Никодимов прятался, кто, куда, зачем и, главное, как его увел. Не знаем даже, действительно ли ему угрожает опасность. Что ты предлагаешь написать в заявлении?

— Я не предлагаю писать никаких заявлений. По крайней мере, до тех пор пока не разберемся, что произошло.

— Хорошо, как будем разбираться?

— Поищем в Интернете свежую информацию о Никодимове. Теперь, когда известно, кто он такой, это будет несложно.

— Ну-ну, — хмыкнула Кристина и ушла в ванную умываться.

Когда она вернулась, сияющий Сухарев усадил ее к монитору и предложил прочесть заметку.

Вчера, 14 февраля, президент британской офшорной компании «Beril Ltd.» Тимоти Мур и глава канадской фирмы «Royal Emerald» Алекс Либерте прилетели в Москву. Как известно, обе компании владеют солидными пакетами акций ООО «Самоцветы Урала», до недавнего прошлого имевшего лицензию на разработку Малышевского изумрудного месторождения. Однако летом минувшего года Роснедра сначала приостановили, а потом и вовсе отозвали лицензию в связи с допущенными компанией грубыми нарушениями правил недропользования. В настоящее время борьба за право получения лицензии ведется между российскими компаниями «Уральские Копи» и «Балтийский Янтарь». По неофициальным данным, прибытие в Москву глав западных компаний связано с попыткой договориться с одним из двух претендентов на лицензию: Павлом Никодимовым («Уральские Копи») или Анатолием Устимовичем («Балтийский Янтарь») о создании международного концерна по добыче и обработке уральских изумрудов.

— Понимаешь теперь, что произошло? — заговорил Олег, едва дождавшись, пока она дочитает. — Никодимов отправился в Москву на это совещание с англичанином и канадцем. В дороге «принял на грудь» и сел играть с шулерами. Потом понял, что они шельмовали, и отказался выплывать проигрыш. Те полезли в драку, и Никодимов едва не угодил в

милицию. Если бы об этом пронюхали репортеры, то иностранцы отказались бы иметь с ним дело и выбрали бы в партнеры его конкурента. Чтобы нигде больше не светиться в пьяном виде, он попросил меня приютить его. Если я прав, то боялся он, наверное, шпионов конкурента.

— Или репортеров и скандала в прессе, — подхватила Кристина. — В любом случае, опасность его жизни не угрожает. Мы можем спокойно отправляться в клинику.

— Зачем? Если опасность не угрожает Никодимову, то уж мне-то тем более. Для чего конкуренту мне вредить?

— А для чего ему нужно было вредить шулерам?

— Гм... Да. — Олег почесал подбородок. — Что-то здесь не вяжется. От амнезии шулеров конкурент ничего не выигрывает.

— Зато выигрывает сам Никодимов. Если он магнат, у него должна быть своя служба безопасности. Они-то и позаботились о шулерах, пока боссы сном пьяного праведника. И утащили его у тебя из-под носа тоже они. И едва не довели тебя до безумия, попытавшись внушить, будто никакого мужика не было. А если ты дашь им понять, что не попался на эту удочку, они с удовольствием накачают тебя чудным снадобьем, которым угостили шулеров. В общем, полежи-ка пару дней в уютной больничной палате, от греха подальше. Заодно и обследование пройдешь.

— Обследование-то — зачем? Мы же выяснили, что мужик — не «глюк».

— Зато не выяснили, каким образом он исчез при закрытых засове и окнах. Вдруг тебе все-таки вкололи какую-то гадость?

— Нет. Пока ты спала, я себя осмотрел. Никаких следов укола. И помню все прекрасно.

— Тогда как они провернули этот фокус?

— Не знаю. Загадка. Давай, и правда, обыщем квартиру, может, найдем какую-нибудь наводку.

За следующий час они перевернули квартиру вверх дном. Разгадка нашлась в дальнем углу комнаты за штабелем телевизоров, которые Олегу привезли в ремонт. Наткнувшись на металлический кофр, Кристина подружила его на верхний телевизор, решив, что это очередной ящик с инструментами, и нырнула под шкаф за коробками с обувью.

— Эй, а это еще что? — раздался возглас Олега. — Это не мое!

В кофре обнаружилась накладка из каштановых с проседью волос, сдутая резиновая кукла, диктофон и маленький насос для воздушных шаров. Сам же ящик на проверку оказался роботом с прикрытыми углубле-

ниями для ножек и ручек-манипуляторов. Одна из стенок кофра была съемной, под ней Олег обнаружил микропроцессор, излучающие инфракрасные светодиоды, приемный модуль и разные другие интересные штучки. Настолько интересные, что Кристине пришлось буквально встряхнуть его за шкуру, чтобы оторвать от чертова ящика, и получить ответы на свои вопросы.

— Ты понял, как исчез мужик?

— Ну-у... да.

— Тогда прекрати тарашиться на эту игрушку и объясни.

— Пока я ходил в магазин, в квартиру влезли какие-то люди... Думаю, все-таки из службы безопасности Никодимова. Конкурентам вроде ни к чему меня мистифицировать. Разбудили моего «медведя», уговорили уехать, убедили, что я могу сорвать переговоры с иностранцами, если расскажу о нем, кому не следует. Но, видно, не до конца убедили, он все-таки сунул в диван сто тысяч, которые мне обещал. Потом они надули куклу, накрыли ее, оставив на подушке торчащие из-под одеяла волосы, включили диктофон с записью храпа, присоединили к кукле насос, чтобы имитировать дыхание, собрали все вещи и ушли. А когда я вернулся и пошел в душ (наверное, в ванной «жучок» поставили, надо будет поискать), они послали сигнал, запускающий программу «уборки». Робот сдул куклу, убрал весь реквизит к себе в нутро, спустился с дивана и закатился в укромный уголок, который ему, вероятно, показали раньше. Я еще не до конца разобрался, как эта штука устроена.

— Бред какой-то! — перебила его Кристина. — Это кем нужно быть, чтобы таскать с собой запрограммированного таким образом робота с надувной куклой и диктофон с записью хозяйского храпа? Эти придурки, что, имеют обыкновение похищать босса из домов честных людей и устраивать такие мистификации?

— Не знаю, Кристина. И, боюсь, никогда не узнаю. Вряд ли они вернутся, чтобы раскрыть свои маленькие секреты. Кстати, в клинику я не поеду. Запрусь на засов и посижу пару дней в квартире, пока их тайные переговоры не закончатся. Не будут же они ломиться сюда, чтобы устроить мне амнезию. Да и не получится у них вломиться. Разве что с автогеном.

Но Олег ошибся. «Они», то есть Никодимов с телохранителем, посетили его на следующий же день. И раскрыли свои маленькие секреты.

— Понимаешь, Кристина, он, вообще-то, малопьющий. — Голос Сухарева в телефонной трубке вибрировал от возбуждения. — Но примерно

дважды в год его тянет в загул. Говорит, кровь купеческого предка скывается. Все его референты и телохранители об этом знают и, когда время для загулов неподходящее, ходят за ним по пятам и буквально вырывают спиртное из рук. Никодимов понимает, что они стараются для его же пользы. Он, собственно, отчасти за это им и платит, но в периоды обострений опекуны его бесят. Он все время прикидывает, как бы ему от них удрать. И вот один знакомый умелец смастерил по его просьбе такого странного робота, чтобы Никодимов с его помощью мог улизнуть от сторожей. Тут как раз наклюнулись переговоры с вероятными партнерами. Очень важные, потому что тот, кому иностранцы окажут финансовую поддержку, наверняка и получит лицензию на это месторождение, а оно, между прочим, самое крупное в Европе. Референты, чувствуя, что Никодимов на грани срыва, ни на минуту не спускают с него глаз, он бесится и вынашивает планы побега, но у него все никак не складывается. Тут иностранцы назначают дату переговоров, и вся компания отправляется поездом в Москву. Никодимов прихватывает заветный чемоданчик и ждет благоприятной возможности слиться. За четыре часа до прибытия поезда возможность подворачивается, Никодимов оставляет вместо себя муляж, потихоньку выбирается из поезда и пересаживается на другой, тоже московский. Дальше понятно — вагон-ресторан, случайные собутыльники, «ленинградка», зверский проигрыш, ну и вокзальная драка.

Свита Никодимова обнаружила исчезновение босса уже на въезде в Москву. Сначала они «выпали в осадок», потом вспомнили, что из предосторожности зашили в пиджак босса маячок, поймали сигнал, поняли, что Никодимов все-таки движется в направлении столицы, и немного успокоились. Как выяснилось, напрасно, потому что за десять минут разницы между прибытием поездов босс успел ввязаться в драку. При этом они не могли к нему подойти, даже на глаза попасться боялись, потому что шеф в таком состоянии звереет от одного их вида.

Тут подвернулся я, и Никодимов за мной увязался. За нами, как выяснилось, двинулась целая толпа во главе с шулерами, которые не собирались отпускать жертву с деньгами. Ну а все остальное мы с тобой вычислили правильно. Знаешь, Никодимов страшно мне благодарен. Просто не знал, как эту благодарность выразить. Услышал, что я без работы, чуть не умолял пойти к нему главным инженером. Зарплату сулил такую, что выговорить страшно.

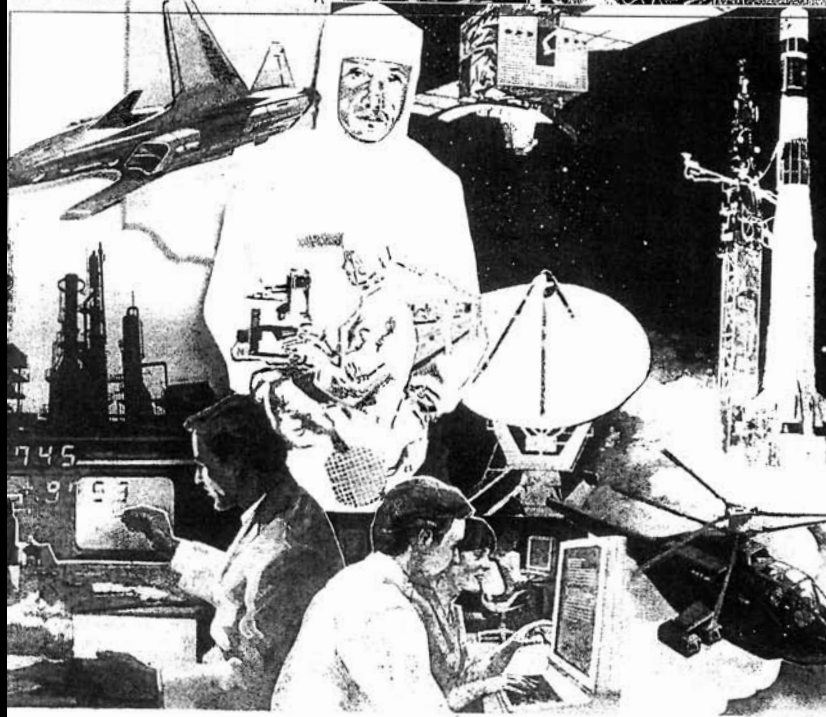
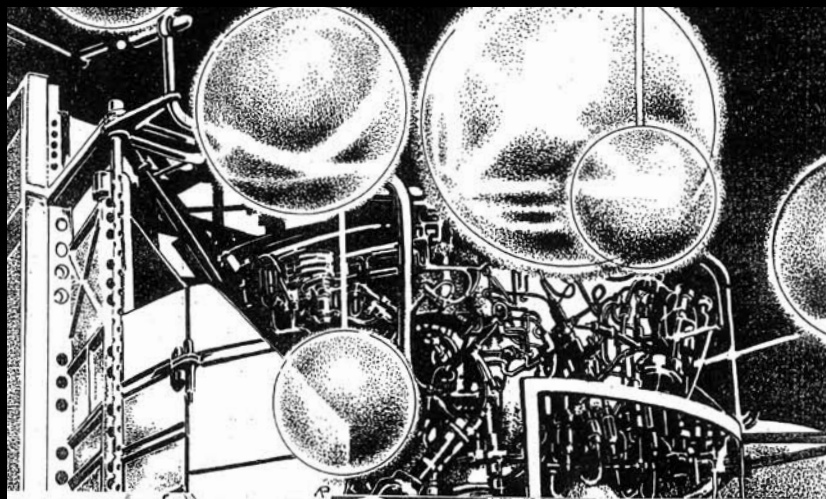
— И что, ты не согласился?

— Не согласился. Какой из меня начальник? Он поговаривал, поговаривал, потом понял, что это безнадежно, и предложил сделку. Он мне платит тысячу баксов в месяц, я работаю над своими изобретениями, а он оформляет патенты и внедряет их на своих предприятиях. Прибыль делим пополам. Понимаешь, Кристина? Не надо ездить на работу, выполнять указания начальства, заниматься всякой мутью, возиться с бумажками. Сиди себе дома и делай то, что любишь больше всего на свете, да еще и прибыль получай. Не жизнь, а сказка!

Его бьющая через край радость почему-то вызвала у Кристины раздражение. Восторги по поводу великодушия Никодимова, по вине которого три человека лишились памяти, а сам Олег пережил несколько пренеприятнейших часов, казались ей чрезмерными. Но она удержалась от вопроса, каким средством воспользовались «псы» Никодимова, чтобы вызвать у шулеров амнезию, и есть ли шанс, что память к ним когда-нибудь вернется. Зачем портить человеку праздник?

— Поздравляю. Надеюсь увидеть твоё имя в какой-нибудь книжке о великих изобретателях. Вот видишь, а ты боялся. Оказывается, иногда и галлюцинации бывают исключительно полезными. □

Гвозди бы делать из такого стекла

Долгое время этот институт работал под грифом “сверхсекретно”. Стекло, броней его производства оснащены все отечественные космические аппараты, правительственные автомобили. Сегодня уникальный институт участвует в Федеральной программе развития авиационной техники, занимаясь остеклением кабин самолетов последнего поколения

... — Вы никогда не стреляли из автомата? — интересуется директор НИИ технического стекла, доктор технических наук Владимир Солинов. — Сейчас у вас будет такая возможность.

На моих глазах в нескольких сантиметрах от автомата Калашникова закрепляют стеклянную пластину. Звучит команда: «Все в укрытие!», и мы, покинув стрелковый тир, перекочевываем в соседнюю комнату. Здесь, образно говоря, находится пульт дистанционного управления. Правда, выглядит он более чем примитивно — простая веревочка, за которую надо дергать.

— Пли! — командует директор, и я изо всех сил дергаю. Раздается грохот.

Бежим смотреть результаты. Дым, запах пороха. Стекло же на первый взгляд целехонько, лишь круги разошлись от застрявших пуль. Но директор недоволен — обнаружено несколько осколков на полу. Это недопустимо. Первый выстрел забракован, и перед автоматом устанавливается новая стеклянная пластина. Я снова берусь за веревочку...

Как утверждают эксперты, в НИИ технического стекла делают самую прочную и тонкую в мире стеклянную броню. Она лишь слегка прогибается под ударом молота, ее не берут пули, может выдержать даже обстрел из гранатомета.

Рассказывают, что во время испытаний президентского автомобиля случилось ЧП. Машина мчалась

со скоростью 160 километров в час по шоссе, проложенному среди густого леса. На повороте она вдруг содрогнулась от сильного удара. Лобовое стекло закрыла большая черная тень. Когда водитель выбрался из машины, то еле держался на ногах от пережитого шока.

Подскочившие следом на автомобилях сотрудники Управления по охране президента увидели такую картину: крыша бронированного автомобиля прогнулась под тяжестью туши огромного лося. Стекло же не только выдержало удар при столкновении на сумасшедшей скорости с полутонной живой машиной, но даже не треснуло...

— Гвозди бы делать из такого стекла! — неволью пошутила я.

Гвозди? Владимир Федорович достаёт из ящика стола крошечный предмет и кладёт передо мной. Обычный гвоздь — только совершенно прозрачный.

— Делаем, и еще как! — комментирует он. — В Мюнхене на одной из выставок технических новинок министр обороны США лично испытал наш гвоздь и пробил им даже подиум. Интерес к ним большой. Кстати, разработано и устройство для забивания этих гвоздей. Они не окисляются, не ломаются, не ржавеют, одним словом, вечные. Их можно использовать для крепления электрических проводов, на морских судах, в тропических странах, где коррозия разъедает металл. Но стеклянные гвозди — дело будущего, сегодня на них смотрят как на экзотику... Так что пока приходится

выбирать направления, которые позволяют выжить.

Если раньше институт работал в основном на космос и оборонную промышленность, то теперь переключился на стеклянную броню. Институтские ученые разработали «ноу-хау» — способ повышения прочности стекла, и держат приоритет в этой области.

— Зарубежная броня в два раза толще, чем наша, и, соответственно, тяжелее, — замечает директор института.

Сенсацией стало сделанное по особой технологии остекление известного всему миру самолета МиГ-29. Для пилотов увеличился обзор, повысилось качество оптики, возросла скорость машины. Все это особенно важно для военной авиации. В свое время институту был доверен особый спецзаказ — саркофаг для мавзолея Ленина. Великий ученый Пирогов и политик Хо Ши Мин тоже «спят» в стеклянных гробах «от НИИТСа». Витрины для Алмазного фонда — также их рук дело. Когда проектировали Оружейную палату, то задействовали все авиационные технологии. Работы предстояли уникальные. Конструкция, предложенная институтом легких сплавов, весила шесть тонн! Перекрытия в Кремле не могли ее удержать, рухнули бы. Институт технического стекла представил свое решение — конструкцию легче прежней в три раза. Ее приняли.

За Телецентр никто не брался — сплошное стекло и со всех сторон кривой формы. Говорили, что это сделать невозможно. Но... сделали.

Специалисты собрали этакий стеклянный «бублик» из трех частей, установили и защиту от мониторов.

Что и говорить, нужны немалый опыт и уникальные знания, чтобы точно соизмерять весовые характеристики. Например, одной фирме крутой бизнесмен заказал стекло для своей фазенды, просил сделать толще. Фирма постаралась, установила стекло толщиной в 110 миллиметров. Через несколько часов бизнесмен ворвался к «стекольщикам», дескать, платите бешеные деньги за причиненный ущерб или всех вас перестреляю. Оказывается, фундамент фазенды не выдержал полуторатонного «стеклышка», и стены рухнули. В НИИТСе такие проколы исключены.

В музее института можно увидеть много диковинного. Это и иллюминаторы всех советских космических аппаратов, в том числе знаменитого «Бурана». «Окошечко» спутника, побывавшего на Венере, выдержало давление в 150 атмосфер, температуру до 500 градусов! Рядом — панорамные фотографии, которые были сделаны через него.

Тут же — лобовые части боевых самолетов. Страшно секретная штука — специальный излучатель для вертолетов, воевавших в Афганистане. Эти излучатели создавали обманные цели, уводя «стингеры» от боевых машин.

А вот просто чудо: от художественных стеклянных панно глаз не оторвать! Нежные орхидеи, алая рябина, пейзажи с березками и закатами, портреты и натюрморты...

Кто поверит, что все это сделано из стеклышек с различным расширением?

И все-таки проблем у института хватает. В отличие, скажем, от денег. Отечественное стекло превосходит чужеземное по всем техническим параметрам, но, тем не менее, заказы часто получают зарубежные фирмы. Мемориал на Поклонной горе оформлен стеклом из Бельгии, Храм Христа Спасителя — тоже. Зато НИИТС по-прежнему ценят правительство и Управление охраны президента. Уж они-то знают, кому можно доверять.

А вообще, убеждены специалисты, за стеклом — будущее. Стеклянные стены, гвозди, трубы намного прочнее, экологичнее металлических, да и смотрятся куда как лучше. Уже есть идеи создания стеклянных автомобилей. По мнению сотрудников института, стекло можно с успехом применять и для защиты от всевозможных чрезвычайных ситуаций, которыми сегодня изобилует наша жизнь. Ведь по прочности оно превосходит сталь во сто крат.

Неплохо, например, такой броней оснастить КамАЗы, перевозящие гуманитарные грузы, да и бронезилеты из стекла раза в три легче металлических. Стеклянные шлемы и маски могли бы сделать неуязвимыми спасателей и пожарников. Словом, идей знаменитому институту не занимать. Поэтому в будущее российские «стекольщики» смотрят с оптимизмом и надеются еще не раз удивить мир. □

Александр Аннин

ХРОМОЙ

пеликан

ПРОЛОГ

Бывший атташе советского посольства во Франции Валентин Николаевич Мокеев с трепетом, листик за листиком, открывал полученный «стос». Он поднес ладонь к самым глазам, и теперь по миллиметру сдвигал пластиковые карты, обнажая лишь маркировку в левом верхнем углу.

Трое других игроков, сидевших за столиком, уже оценили свой расклад и теперь выжидающе смотрели на Мокеева. Самый молодой при этом то и дело переводил нетерпеливый взгляд на литровую бутылку водки — по договоренности, наливать разрешалось только после очередного круга.

— Ну и «стос»! — досадливо скривился Валентин Николаевич.

В баре было шумно и накурено, сизый косматый дым нежно обвивал зеркальный шар, медленно вращавшийся под потолком.

Они, как обычно, играли здесь в покер под водочку. По-маленькой играли.

Партнеры не придали никакого значения недозвольному восклицанию бывшего дипломата: Мокеев произносил эти ритуальные слова после каждой сдачи, независимо от того, сильную карту получил или слабую.

На сей раз Мокеев не кривил душой. Две «семерки», «тройка», «десятка», «король». Жидкова-то для предстоящей рубки с тремя противниками. У какого-нибудь хмыря обязательно сложится или «фульгент», или «стрит». Вот если играть в покер один на один, тогда и с такой картой появляется шанс на успех.

— Прикупайте, Валентин Николаевич, — поощрительно кивнул Мокееву директор местного зоопарка Пряслов. — Или вы — пас?

Экс-атташе небрежно сбросил три карты, оставив две «семерки». «Семь — хорошее число, счастливое, — подогревал себя Мокеев. — Чувствую, сейчас...»

В противоположном углу бара завязалось выяснение отношений: двое приличных на вид посетителей с грохотом опрокинули свои стулья и теперь стояли лицом к лицу, намертво схватив друг друга за воротники рубашек. К ним уже спешил мускулистый официант.

Мокеев снял с толстой колоды три карты, снова принялся медленно их натягивать, всякий раз обмирая, когда в левом верхнем углу показывался черный или красный символ. Есть! Сердце Владимира Николаевича сладостно заколотилось. Еще одна! Три «семерки» — вождеденное, счастливое для игрока число.

Это знак свыше. Его нельзя игнорировать, иначе сегодня вообще не повезет. И потому со своими «семерками» Мокеев будет сражаться до конца — то есть пока хватит денег. А надо, так и в долг можно сыграть.

Бывший дипломат мысленно перекрестился и тут же вспомнил о сыне. «Ах, если бы Генка мо-

лился за меня, за мою удачу! Без нее даже самый талантливый игрок обречен на провал. Но не станет Генка молиться, ведь картежников Церковь испокон веков осуждает».

Он зорко следил за партнерами. Молодой аспирант областного университета Рябинин ожесточенно сменил все пять карт, а толстый, страдающий одышкой детский шахматный тренер по прозвищу «Яба» прикупил одну. Дымил наставник будущих Каспаровых немилосердно, отчего и говорил силпым, простуженным басом. Собственно, больше ничего мужского в Ябе не усматривалось: жидкие длинные пряди белесых волос, мощные жировые складки на груди и талии, рыхлое, бледное лицо придавали облику тренера что-то женоподобное.

— Ваше слово, Валентин Николаевич, — бесцветным голосом произнес Пряслов.

— Так вы же еще не прикупали, Борис Ильич, — сощурился аспирант Рябинин.

— Я при своих, — чуть раздраженно бросил директор зоопарка. — Могли бы и не привлекать к этому всеобщее внимание!

«Значит, блефует, — удовлетворенно подумал Мокеев. — Слишком нарочито дает понять, что у него играют все пять карт».

— Сотня, — громко сказал он, весело блестя глазами на Пряслова.

«Блефовать мы тоже обучены, любезный Борис Ильич...»

— Я бы пободался, конечно, — затанул свою извечную песню Яба. — Но лучше в другой раз. Как говорится, кто умеет ждать, тот получает все. Аспирант медлил, теребя нижнюю губу.

— Отвечаю, — наконец сказал он и кинул мятую купюру на середину стола. Все смотрели на Пряслова.

— Сто, и пятьсот сверху, — жестко провозгласил Борис Ильич, и две купюры аккуратно легли в банк.

«Точно, блефует! — торжествовал Мокеев. — Хочет ошеломить таким резвым стартом».

Аспирант «отвалился». Понятно, в кармане — вошь на аркане. Финансы поют романсы... Теперь бывший атташе и директор зоопарка сражались один на один.

— Еще пятьсот.

— Тысяча.

За соседним столом оживленно щебетали трое финнов. Они пили «Хейнекен» из высоких банок. Туристы? Или приехали на авиационный завод? Шут их разберет. Впрочем, последний свой самолет завод выпустил четыре года назад. Значит, туристы. В этом старинном губернском городе есть что посмотреть.

Мокеев уже давно нигде не работал и жил исключительно на карточные доходы. Он был одним из немногих здешних профессиональных игроков. Все знали, что Мокеев никогда не позволяет себе мухлевать, и потому бывший дипломат пользовался неизменным уважением и даже кредитом среди многочисленных партнеров по игре.

Когда на кону скопилось более четырех тысяч рублей, Пряслов объявил, что соперники вскрывают карты.

— Ну, что там у вас, Валентин Николаевич? — напряженно спросил он, и Мокеев, почувствовав смутную тревогу, выложил свои «семерки» и забарабанил пальцами по столу.

— Не пляшете, господин атташе, — облегченно вздохнул директор зоопарка. — Позвольте предъявить: каре!

У Мокеева зарябило в глазах при виде четырех разноцветных валетов. А Пряслов тем временем неторопливо складывал деньги в стопочку.

— Елки-палки! — взорвался Мокеев. — И вы с такой фишкой ухитрились не раздеть меня догола? Трусливый вы все-таки человек, Борис Ильич. И как только таким, как вы, удача прет... Да в Париже с такой картой я мультимиллионером стал бы!

— Так что ж вы не в Париже-то, а? — прозвучал злобный голос Рябинина. — Что ж вы тут с нами сидите-то, в этой глубокой российской заднице? Малые Козлюки, Большие Уздюли...

Аспирант с юных лет тяжело страдал из-за того, что его угораздило появиться на свет в этом среднерусском областном центре, который, по воле злосчастной судьбы, не выпускал способного математика из своих тисков.

— Одним словом, Мухосранск! — хохотнул напроць лишенный фантазии Яба. — А я бы на вашем месте, Борис Ильич, прикупил одну карточку. Вдруг джокер пришел бы?

— А зачем? — меланхолично пожал плечами Пряслов, засовывая деньги в толстый бумажник.

«Дурак этот Яба, — неприязненно посмотрел на тренера Мокеев. — Да если б Пряслов поменял карту, я никогда не подумал бы, что он блефует, и не продул бы столько денег».

— На вас полнолуние действует, Валентин Николаевич, — сочувствующе положил руку на плечо Мокееву аспирант. — Это я вам как ученый говорю. Вы же обычно такой пронизательный игрок...

— Я бы тяпнул на посошок и домой, ко щам, — устало проговорил тренер и плеснул себе полстакана водки.

Когда он ушел, директор зоопарка оглядел присутствующих:

— Может, и нам пора закругляться? — Пряслов был вполне доволен сегодняшним выигрышем и не хотел искушать судьбу.

Мокеев дрожащими пальцами нащупал в кармане сальную пятидесяти-долларовую банкноту, припечатал ее к столу:

— Играем!

— По двадцать три рубля за доллар, Валентин Николаевич, — прищурился Пряслов. — Согласны?

— Идет.

Впоследствии Мокеев жестоко укорял себя за то, что настоял на продолжении игры, и только из-за этого они не ушли из бара вместе с Ябой. Но, в конце-то концов, Валентин Николаевич — не ясновидящий...

К финнам, покачиваясь, подошел изможденный запоем, расхристанный мужик. Он немного помолчал, затем выговорил осипшим голосом:

— Ребят, оставьте пивка. А?

Финны непонимающе посмотрели на пьянчужку. Резво приблизился официант, железной рукой схватил его за шиворот и поволок к выходу.

Когда пятьдесят долларов плавно перекечевали в бумажник директора зоопарка, когда Мокеев накорябал расписку, что должен Пряслову еще три с половиной тысячи рублей, трое игроков засобирались по домам. Аспирант с сожалением смотрел на опустевшую бутылку. Ну что такое литр на четверых, е-мое?

Рябинин проиграл совсем немного, и потому имел не столь бледный вид, как экс-атташе.

— Может, еще закажем бутылочку? — с надеждой оглядел он партнеров.

Но Пряслов заторопился:

— Извините, господа, я побегу. А вы как хотите.

— Ну и мы двинемся...

Они вышли из бара, и директор зоопарка тут же скрылся в темной, шелестящей листвой аллее.

«И впрямь полнолуние», — пробормотал Валентин Николаевич, задрав голову.

В черном небе, посреди разливающейся лужи молочного света, висела луна — круглая и золотая, как церковный дискос.

Вдруг тишину ночи прорезал тоскливый, многоголосый вой.

— Что это? — испуганно дернулся аспирант. — И ведь где-то совсем близко...

— Волки воют, — буднично отозвался бывший атташе и зевнул. — На луну воют, как им и положено. Тут же зоопарк в двух шагах.

— Прямо мороз по коже... — поежился Рябинин и почему-то застегнул верхнюю пуговицу своей ветровки. — Прощайте, господин Мокеев.

Они разошлись в противоположные стороны, но не прошло и пяти минут, как снова столкнулись нос к носу у входа в бар.

— Что это вы, мсье атташе? — подозрительно глянул на Мокеева аспирант.

Валентин Николаевич явно смутился: он «заныкал» сотенную и теперь вернулся к бару, чтобы тяпнуть грамм двести в одиночестве. Как выяснилось, аналогичная мысль пришла в голову и молодому Рябинину.

— Черт с вами, я угощаю, — махнул рукой аспирант. — Вы ж на мели... Пойдемте, махнем по стопочке.

— Только по одной!

— Ну, естественно, — усмехнулся Рябинин.

Ограничиваться ста граммами аспирант, вне всякого сомнения, не собирался.

— Сюда! — послышался срывающийся крик из глубины аллеи. — Скорее сюда! Рябинин, Мокеев!

Они замерли, инстинктивно сомкнувшись плечами.

— Сюда! — надсаживался голос Прясллова. — Да где ж вы, дьявол бы вас подрал!

Когда Валентин Николаевич и аспирант подбежали к плотно сбитой фигуре директора зоопарка, темнеющей среди деревьев, тот яростно рвал листья клена и тер ими ладони.

Возле ног Пряслова белел распростертый Яба. Он лежал с открытыми глазами, а тяжелые руки сомкнулись на животе.

Сквозь пальцы обильно выступала кровь, казавшаяся в лунном свете почти черной.

— Мертвый, — чужим голосом сказал Пряслов и отвернулся.

Валентин Николаевич повел взглядом и содрогнулся. Чуть поодаль от трупа детского тренера, прямо из земли в небо смотрело какое-то нечеловеческое лицо. Он осторожно подошел поближе.

В молочно-белом свете полной луны поблескивала глянецом картонная мордочка поросенка Наф-Нафа.

Глава первая

В последний день июля, душный и солнечный, внутри небольшого старинного храма Ильи Пророка царила живительная прохлада. Пахло талым воском, сырой штукатуркой, свежеструганными сосновыми досками.

Вдоль стен, вплоть до самого купола, громоздились строительные леса. Сквозь тяжелые металлические брусья кое-где можно было различить остатки древней росписи — потемневшие, покрытые пятнами плесени лики святых, небесную колесницу, с которой грозный старец с развевающейся седою бородой метал карающие молнии, а поодаль — овец и ягнят, столпившихся у ложа новорожденного Спасителя.

О том, что церковь действует и регулярно собирает прихожан, говорил фанерный иконостас перед алтарем, с наклеенными бумажными иконами, решетчатые царские врата из толстых реек, занавешенные красной тканью, и два высоких металлических подсвечника перед изображениями Богородицы и Господа Вседержителя.

Иеромонах Герман, в миру — Геннадий Валентинович Мокеев, двадцатипятилетний шатен с печальными голубыми глазами, сидел за дощатым столом в притворе храма. Его длинные густые волосы были стянуты на затылке резинкой, поверх нового, хорошо отглаженного подрясника сверкал наперсный крест. Черный клобук отец Герман положил рядом с собой на стол.

По обеим сторонам стола на деревянных лавках ерзали два мальчика и две девочки, все — лет по девять-десять. Еще один отрок, на вид чуть помладше, стоял напротив иеромонаха и сбивчиво пересказывал домашнее задание:

— Много-много лет назад, очень давно, родилась легенда о пеликане... о пеликанах...

«К Успенью не успеть, — размышлял отец Герман, поглядывая на строительные леса, — к Покрову не покрыть проплешины штукатуркой. А уж о подновлении фресок и думать нечего. А иконостас? Епархиальная мастерская берется сделать за восемь тысяч долларов. Это — самый дешевый, между прочим. Хорошо, полы отремонтировать не надо, мраморные плиты положены на века...»

— Если птенцам пеликана нечего было есть, — продолжал мальчик, — то пеликан своим клювом разрывал себе грудь. И кормил птенцов своей плотью и кровью. Как Христос.

«Пойти к архиепископу? Бухнуться в ноги, взмолиться: «Владыка, смилуйся...» Нет, не даст. Благословит, посочувствует, посетует на трудности, но денег не даст. И дело даже не в храме, не в малочисленности постоянных прихожан. Дело в личности настоятеля. Молод ты больно, Гена, то бишь, отец Герман. Сколько заслуженных, мастиных протоиереев стоят в длинной очереди к епархиальной казне! Все с митрами на головах, с наградными крестами на груди, а кое-кто и с посохом... Вот только попробуй, заявись к владыке со своими финансовыми проблемами — сразу прослывешь выскочкой... Да уже прослыл, чего там!»

— Поэтому пеликан стал символом самопожертвования, настоящей дружбы и христианской любви, — скороговоркой выпалил отрок.

«Умный мальчик этот Никита, — думал отец Герман. — Какая лексика, какая грамотная речь! И это в восемь-то лет. Вот что значит интеллигентная семья. Надо будет поговорить с родителями, хорошо бы его служкой при храме устроить».

Мокеев-младший знал, что кое-кто в епархиальном управлении называет его, настоятеля храма Ильи Пророка, «молодым, да ранним». И в этом высказывании вовсе не было одобрения, еще бы: четверть века отроду, а уже получил собственный приход. Позади — очное обучение в Сергиево-Посадской семинарии, диплом с отли-

чим. И через каких-то полгода службы рядовым священником в Троице-Сергиевой лавре — должность настоятеля по месту прописки.

Пусть храм небольшой, пусть полуразрушенный, только-только переданный государством в руки Православной Церкви. Все это не так важно, с точки зрения карьеры. А карьера иеромонаху Герману, по мнению все тех же ревнивых недоброжелателей, предстояла стремительная.

Как говорится, дай-то Бог...

— ... И поэтому летящего пеликана часто рисовали на иконах, — закончил мальчик свой рассказ.

— Молодец, Никита, — с чувством похвалил ученика отец Герман. — Дети, на сегодня занятия в нашей воскресной школе закончены. В следующий раз мы продолжим разговор об истории икон.

Он поднялся со стула, и вслед за ним повыпрыгивали из-за своих лавок мальчики и девочки, шумно переговариваясь, они гурьбой побежали к выходу.

Настоятель хотел было окликнуть их, чтоб вернулись: по церковной традиции после учения следовало пропеть «Достойно есть», но передумал и вместо этого прокричал вслед своим ученикам совсем другое:

— Дети! Будьте осторожней на улице. Вы ведь знаете, что творится в городе.

— Зна-аем! — веселым ребячьим хором отозвалось удаляющееся эхо.

Глава вторая

— Ну, что, за рыбой?

— За рыбой, конечно...

— Куда? К Абрамычу?

— Естественно!

Рыбный магазин на центральной улице города с недавних пор стал местной достопримечательностью. Новый хозяин, которого все именовали попросту — Абрамыч, сделал скромное торговое заведение уникальным в своем роде.

Он был весьма прижимист, однако не скупился на свой имидж, понимал: эти расходы вернутся сторицей. Широкая витрина магазина была превращена им в огромный плоский аквариум, в нем день и ночь сонно плавали серебристые карпы. При виде этих отъевшихся рыбин у прохожих невольно текли слюнки. А над входом в магазин вместо стандартной вывески «Рыба» появились алые пластиковые буквы — «ПЕЛИКАН».

Дети чуть не силком тянули своих родителей к сказочной витрине, где колыхались диковинные водоросли, сияли разноцветные стеклянны шары и громоздились подводные рифы. А с наступлением темноты вывеска вспыхивала багровым светом, бросая жутковатые отблески на маленькое озерное царство.

Кровавые неоновые огни охватывали протуберанцем фигуру пеликана, укрепленную над витриной под прямым углом. Это был веселый, довольный своей жизнью пеликан. «Я питаюсь рыбой, и потому вполне счастлив», — говорил весь его вид.

В воскресный день, в пору обеденного пекла, к самому большому в городе «аквариуму» подошли трое молодых людей. Все они были в стильных брюках и модных рубашках с короткими рукавами. Один, стройный голубоглазый шатен, с аккуратной бородкой и усами, привлекал внимание длинными волосами, убранными в пучок. Другой, долговязый брюнет, своей внешностью и мимикой здорово смахивал на американского артиста Джорджа Клуни. А третий, невысокий русоголовый крепыш, был явно чем-то озабочен: он то и дело хмурился, беззвучно шевеля губами.

На зеленой стеклянной двери магазина «Пеликан» болталась лаконичная вывеска: «Обед».

— Ну, что, Гена, я же говорил, как раз в перерыв попадем, — досадливо повернулся к бородатому шатену крепыш.

— Да ладно тебе, Серега, — беззаботно махнул рукой долговязый брюнет. — Уж нам-то Абрамыч откроет.

— Бог тебе в помощь, Леха, — пожал плечами бородач.

Брюнет приник лбом к стеклу и стал всматриваться в полутемный зал магазина, где показалась необъятная фигура хозяина. Он семенил к входной двери, делая знаки, что видит незаурядных визитеров.

От нечего делать Сергей, не переставая шевелить губами, принялся читать объявление, прикрепленное скотчем к стеклу витрины. Скорее, это было даже не объявление, а воззвание, набранное на компьютере огромными жирными буквами:

«ГРАЖДАНЕ! В ГОРОДЕ ОРУДУЕТ МАНЬЯК-УБИЙЦА. ИЗБЕГАЙТЕ БЕЗЛЮДНЫХ УЛИЦ В НОЧНОЕ ВРЕМЯ. БУДЬТЕ ПОСТОЯННО БДИТЕЛЬНЫ. ГОРОДСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ».

— Везде понавешали, — недовольно буркнул он.

Тут дверь в магазин распахнулась, и на пороге возник радушно улыбающийся Абрамыч.

— Боже ж ты мой, всемогущий Яхве! — возгласил гигант. — Какие люди! Прошу, прошу...

— Здорово, Абрамыч.

Троица нырнула в торговый зал, за ними пошлепал к прилавку верзилахозяин. По пути на свое привычное место у кассы он декламировал, не переставая:

— Природа-мать, когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни...

На широком прилавке громоздился стеклянный шар-аквариум, в котором плавали десятки карпов.

— Рыбки? — коротко спросил Абрамыч.

— Рыбки, — важно кивнул долговязый Алексей.

— Скока? Кило?

— Давай два. Да не больно крупных.

— Знаю-знаю, — хитро ухмыльнулся рыботорговец.

Он достал из-под прилавка короткий сачок и принялся ловко вылавливать податливых карпов. Затем поставил пакет на электронные весы и с довольным видом кивнул:

— Как в аптеке. Мне, парни, даже совестно с вас деньги брать, честное слово. А ведь я потомственный еврей, жид, можно сказать. Каково, а? — Хозяин повернулся к русоголовому крепышу: — Серега, с тех пор, как ты мне этого пеликана над входом соорудил, мой оборот вырос на семь процентов! Можешь себе представить?

— Могу, — вздохнул Сергей.

Не до Абрамыча было ему сейчас, не до его рыбьих доходов... И пошел он с друзьями лишь в надежде развеяться, стряхнуть напряжение последних дней.

— Слыхали, ночью наш маньяк-то еще одного зарезал, — почесывая кончик носа, сказал Абрамыч.

— Слыхали, — скривился Алексей. — Я как раз в приемном покое дежурил, когда его привезли. Он уж почти совсем остыл... Нет бы, сразу в морг.

— Восьмой труп, между прочим, — продолжал хозяин магазина. — Хороший был клиент, этот шахматный тренер, любил рыбкой побаловаться.

— Соболезнуем тебе. — Алексей протянул верзиле несколько купюр.

Тот, глянув мельком, кинул их в ячейку кассы и протянул ходивший ходуном пакет:

— Спасибо, доктор. И... Передавайте уже от меня поклон уважаемому Якову.

Геннадий (он же — иеромонах Герман) досадливо поморщился:

— Яшке, Абрамыч. Яшке. И вообще, друзья мои, негоже называть птицу человеческим именем. Тем более, именем святого апостола Иакова. Абрамыч, ведь и у вас, иудеев, насколько мне известно, имя праотца Иакова в большом почете.

— Тем более! — патетически поднял указательный палец гигант. — Почет и уважение сей благословенной птице. Я готов его даже по отчету величать. Если таковое, конечно, имеется... И только на «вы»!

— Еще бы, — усмехнулся Алексей, — ни один человек не приносит тебе столько прибыли, как этот хромой пеликан Яшка.

Глава третья

Про местный зоопарк говорили разное. Это общенародное заведение постепенно обросло слухами и фантастическими домыслами. Вот ведь что удивительно: казалось бы, не притон какой-нибудь, не кладбище, не музей восковых фигур и даже не баня с тайными ночными увеселениями нуворишей, а, всего-навсего стандартный город-

ской парк в три с половиной гектара, с вольерами да рукотворным озерцом, где лениво ворочался бегемот...

Но за восемь лет своего существования зверинец не переставал быть одной из главных тем для городских кумушек, равно как и для завсегдатаев здешних пивнушек. И диковинные зверюги обсуждались при этом в последнюю, так сказать, очередь. Больше всего аборигенов интриговала личность отца-основателя зоопарка, а точнее — скрытность и тайна, окутывавшие эту самую личность. Ни журналисты местной газеты-сплетницы, ни городские всезнайки, ни работники администрации не могли толком сказать, из каких таких миров на город восемь лет назад вдруг свалилось неслыханное пожертвование — больше миллиона настоящих американских долларов. Вместе с означенной суммой явился, Бог весть, откуда и распорядитель, действующий от имени финансового благодетеля, пожелавшего остаться инкогнито. Сей гражданин, по фамилии Пряслов, и объявил, что денежки пожертвованы на конкретные цели, а именно — для создания в городе своего собственного зоопарка.

Тяжко досадовали мэр и его помощники на такое сумасбродное волеизъявление анонимного «толстосума»: в городе надо дороги ремонтировать, три школы на ладан дышат, да много чего... А тут, извольте ли видеть, зоопарк. Ну, ладно бы, храм построил неведомый миллионер, тут все понятно — нынче модно отстегивать на Церковь от трудов неправедных. Известно, что большинство крупных воротил — народец суеверный... Но нет, не возжелал последовать общему примеру таинственный доброт. Оригинальничает, что ли?

К тому же, городское начальство томилось от нехороших предчувствий. А ну как станет зверинец очередной обузой для тощего бюджета? Или выяснится, что за инкогнито скрывается личность неправильная, прямо скажем, одиозная личность?

Пряслов успокоил, как мог. Дескать, содержание зоопарка, выплату окладов сотрудникам — все это неизвестное лицо берет на себя. И вовсе никакой он не одиозный, а просто скромный человек, захотевший остаться в тени. Ведь он родился и вырос в этом городе, в детстве оч-ченьно любил зверушек, мечтал побывать в зоопарке, но его тогда в областном центре не было. Теперь же будет — на радость нынешнему поколению мальчишек и девчонок.

Отсутствие достоверной информации — мощнейший допинг для работы фантазии. Толковали, будто прибыл из-за границы престарелый князь, когда-то, еще до революции, появившийся здесь на свет, и скрывается до поры, не объявляется землякам, потому как есть у него в городе некая тайная миссия...

Другая версия была куда более популярной среди жителей. Сказывали, что некий заядлый игрок однажды поймал за хвост птицу-удачу, выиграл баснословные деньжищи на ипподроме. И по обету, данному сей волшебной птице во время скачек, построил в родном городе зоопарк. Кстати, вот почему в зверинце так много диковинных пернатых...

Но отвернулось, мол, счастье от щедрого баловня судьбы, улетело, как та же птица. И уже который год не дает он денег ни на содержание своего зоопарка, ни на зарплату его работникам. Вот и подумывает Пряслов, вкупе с городской администрацией: а не пора ли распродать всю живность, ну, скажем, в другие зоопарки или даже в частные руки, а территорию убыточного зверинца сдать в аренду под строительство своего маленького Лас-Вегаса — игорно-развлекательного центра? Что ж, если верить легенде об ипподромном происхождении здешнего царства фауны, то подобная концовка затянувшейся эпопеи с зоопарком выглядела бы вполне логично.

Тут, правда, нехорошее дело приключилось: где-то месяца три назад, аккуратно в полнолуние, кто-то зарезал большую антилопу. Труп грациозной животинки обнаружили рано утром, и много недобрых слов было высказано тогда по адресу «живодера Пряслова». Мол, изводит директор негодных для продажи божьих тварей, торопится ликвидировать зоопарк и взяться за свой Лас-Вегас. Да только в следующее полнолуние начались в городе странные убийства, которые милиция стала приписывать некоему inferнальному маньяку. Восемь трупов уже, и, между прочим, никакой связи между покойничками при жизни не наблюдалось. И вот что характерно: все жертвы, судя по конфигурации ранений, зарезаны тем же самым холодным орудием, что и несчастная антилопа. Таким образом, общественные претензии к Пряслову по поводу убийства беззащитного животного были как-то сами собой сняты.

Но зачем, скажите на милость, маньяку приспичило залезать в зоопарк и начинать свои кровавые подвиги с парнокопытного?

Тут-то и смекнули догадливые граждане и гражданки, что антилопа, видимо, понадобилась злодею для тренировки. Мол, проверить себя хотел, не дрогнет ли рука, не сожмется ли от жалости сердце. Видать, не жалось, не екнуло.

И все-таки странный какой-то получался маньяк: охотился вовсе не за сексапильными красотками, а за женщинами под сорок и старше. Только один раз сделал исключение — отправил на тот свет детского шахматного тренера. При этом ни одна из убитых изнасилована не была, что, в общем-то, вполне объяснимо: привлекательностью, в общепринятом смысле этого слова, жертвы уж точно не отличались.

Стали было искать убийцу среди мужиков, от которых ушли сорокалетние жены, да толку из этого вышло мало.

А что убийца форменный псих, это совершенно очевидно. Каждый раз на месте преступления он оставлял улику. И какую улику! Прямо триллер, да и только: веселенькую картонную детскую маску — то волчонок, то поросенок...

В народе, да и в следственных органах маньяка уже окрестили Зайчонком — это была маска, оставленная на месте самого первого убийства. Убийства, совершенного в клетке с большой антилопой.

Глава четвертая

— Ну, ешь, клювастый!

Крохотная девчушка, в ярко-оранжевом комбинезончике, сердито просовывала рыбку-леденец в ячейку сетки-рабицы. Разомлевший от жары большой серый пеликан меланхолично взирал на девочку, не проявляя ни малейшего интереса к столь несъедобному угощению.

— Ну, ешь!

Юная мама погладила кроху по русской головке:

— Видишь, птичка сытая, ее здесь хорошо кормят.

За спиной кто-то громко кашлянул, и женщина слегка испуганно обернулась.

В двух шагах от нее покачивался раздатчик корма, небритый дядька неопределенного возраста, в замызганном дерматиновом фартуке и стоптанных шлепанцах. Никакого корма, впрочем, в руках долговязого птичника не усматривалось.

— Ишь, ты какая! — улыбнулся девочке раздатчик. — Да он тебя целиком заглотит. Знаешь, какой у него мешок под клювом?

Оценив добродушнейшую физиономию «начальника пернатых», женщина успокоилась.

— Гражданочка, — не меняя выражения лица, молвил нараспев «птичий кормилец», — вы что, не видите объявления? — И начал методично тыкать пальцем в табличку: — Здесь же ясно написано: «Уважаемые посетители! Кормить животных строго запрещается!» А?

— Так он же и не стал, — автоматически начала оправдываться гражданочка.

— За это, между прочим, штраф полагается, — многозначительно заметил долговязый.

Женщина вдохнула чудовищный запах перегара, исторгаемый птичником, взглянула на готовую разреветься девочку и решительно полезла в сумочку за кошельком. Между тем, пеликан со скучающим видом поплелся к маленькому водоему в центре обширного вольера, заметно припадая на правую ногу и слегка раскинув свои метровые крылья.

— Сколько? — сердито спросила симпатичная жертва вымогательства.

— Полтинник, — с готовностью ответил долговязый и пояснил: — Пятьдесят рублей. Я на эти деньги пеликану настоящего корма куплю, будьте покойны.

— Да уж вы купите, как же! — взорвалась она. — Знаю я, что вы купите...

Внезапно птичник, все внимание которого было устремлено на извлеченный из сумочки бумажник, ойкнул и пошатнулся.

— Привет, тезка! — весело проговорил очутившийся за спиной вымогателя Алексей, и его сходство с Джорджем Клуни стало просто разительным.

— Здравствуйте, доктор, — пробурчал раздатчик корма, потирая ушибленное плечо. — Тяжелая у вас рука...

Рядом с Алексеем стояли Сергей и Геннадий. Сергей моментально оценил ситуацию:

— Ты вот что, хорош обирать посетителей, — и строго посмотрел на птичника, выразительно сжав кулак.

— А я что? Я что? — затараторил служитель фауны. — Вот гражданочка захотела пожертвовать денег на корм пеликану...

Женщина, которой на вид было никак не больше двадцати двух, машинально поправила прическу, глядя на красавца Алексея долгим, чуть насмешливым взглядом, и небрежно протянула пятидесятирублевую купюру страждущему птичнику:

— Вот, возьмите.

Девочка, между тем, восхищенно уставилась на Геннадия:

— Когда я вырасту, у меня будут такие же длинные волосы.

Птичник спохватился, вытянулся по струнке.

— Здравствуйте, батюшка. Благословите. — И четко, под прямым углом, склонился перед Геннадием, положив правую ладонь поверх левой.

Пастырь небрежно начертал над его головой крестное знамение, не протянув, однако ж, руку для целования.

— И ты будь здоров, — кивнул он повеселевшему вымогателю. — А теперь давай, веди.

Раздатчик корма резво посеменял отпирать вольер пеликана.

Глава пятая

— Ирина, — протянула Алексею руку незнакомка.

Алексей слегка пожал кончики ее пальцев.

— Алексей. Извините, руки рыбой пропахли... А дочку как зовут?

— Юлечка. Только это не дочка. Я... В общем, я ее воспитательница.

Пеликан, сильно хромяя и широко, словно для объятий, раскинув крылья, уже спешил навстречу своим друзьям.

— Нам пора, — кивнул Ирине Алексей, и вся троица вошла в распахнутую калитку вольера.

— Пока-пока, — помахала ему девушка и склонилась над подопечной.

«А она очень даже ничего», — подумал Алексей и тут же нахмурился: негоже предаваться такого рода помыслам накануне официального предложения, которое он собирался сделать Наде не далее как завтра.

Пеликан захлопал крыльями, нежно сжимая мощным клювом запястье Геннадия.

— Здравовается, — ласково сказал иеромонах. — Яшка...

Подошли Алексей и Сергей, и Яшка поочередно подержал их протянутые руки своим клювом. Из-за ограды за происходящим ревниво наблюдала девочка Юля.

— Я тоже туда хочу! — захныкала она, дергая воспитательницу за юбку. — Почему дядям можно, а мне нет?

— Деточка, дяди, наверное, здесь работают. Пойдем, пойдем дальше. Впереди еще много интересного...

... Собрать свою коллекцию масок он начал с пятилетнего возраста. Тогда их район только застраивался, и новоселам частенько приходилось с риском для здоровья, форсировать многочисленные траншеи по непрочным дощатым настилам.

Он нашел у подъезда потерянный кем-то большой «бородатый» ключ и стал говорить пацанам во дворе, что ключик этот — от потайного хода. А там, в подzemелье, — скелеты и чудовища. Его стали упрашивать показать потайной ход, в существовании которого никто из ребятни даже не сомневался: ключ был мощнейшим аргументом. Соседский мальчишка принес, в уплату за «экскурсию», картонную маску румяного мордастого пионера в алом галстуке... Другие пацаны подхватили этот почин, и вскоре у него было уже семь масок — поросят, зайцев, волков...

Делать нечего, пришлось вести замирающих от любопытства и страха приятелей к подземному «царству мертвых». Долго шли по дну траншеи, как вдруг он хлопнул себя по лбу:

— Я вспомнил! Сегодня же у него выходной...

— У кого?

— У потайного хода!

Такое объяснение было воспринято с полным пониманием. А на следующий день явились строители и засыпали траншею...

Маски он друзьям так и не вернул, оставил себе. А там и родители, благосклонно отнесшиеся к увлечению сына, стали на всякий праздник дарить ему простенькие картонные рожицы с прорезями для глаз...

Коллекция пополнялась несколько лет кряду.

— Держи, тезка. Радуйся жизни. — Алексей протянул птичнику полиэтиленовый пакет, в котором легко угадывались очертания бутылки.

Долговязый благодарно принял дар, вытащил водку из пакета, с чувством поцеловал округлый бок и засунул бутылку во внутренний карман рубы.

— Выпей за наши успехи, — мрачно произнес Сергей.

— Выпью, конечно, только у вас, я вижу, и без того все в порядке.

Геннадий подошел к узкой деревянной лохани, и серебристый поток полуживых карпов устремился в кормушку. Пеликан Яшка уже ковылял к своему излюбленному лакомству.

— Да, ребята, — покачал головой служитель. — Если б не вы, пропала бы птица. Намедни директор опять «пургу гнал».

— Пряслов? — зачем-то уточнил Геннадий.

— Ну да.

— Шайтан! — в сердцах бросил Алексей.

— Это точно. Мол, и окрас у него нестандартный, не по породе, и хромота. Зря только вольер занимает и корм переводит. Мол, извести его надо, один убыток только, да и не продашь. Короче, вашего Яшку с довольствия снимать собираются.

— Может, мне сходить, поговорить с ним? — задумчиво почесал бороду Геннадий.

— Э-э, — обреченно махнул рукой птичник. — Думаете, батюшка, он Бога боится? Как бы не так. Нехристь, одним словом. Картежник, эти его мать...

При этих словах иеромонах невольно вздрогнул и заторопил друзей:

— Леш, Сереж, я уже окончательно изжарился в этом пекле. Пошли, что ли?

Они вышли на аллею, за спиной лязгнула калитка, а Геннадий все продолжал говорить, деловито насупившись:

— Так, мужики, кто завтра кормит Яшку? У меня послезавтра престольный праздник, Ильин день. Мне готовиться надо, дел невпроворот...

«Говорить о чем угодно, лишь бы свернуть с этой проклятой карточной темы!» — ожесточенно думал он.

— А я... — прерывисто вздохнул Сергей. — Завтра должно окончательно решиться насчет выставки.

— В Венеции? — отстраненно спросил Алексей, он думал о своем, и мысли эти были одновременно и тревожными, и радостными.

— Ну да... Соберется, понимаете ли, компетентная комиссия... — В голосе Сергея послышался неприкрытый сарказм.

— Да что тут гадать, я могу прийти, — очнулся Алексей. — Закончу в два и сразу сюда. Через Абрамыча, само собой.

— Ну, тогда, слава Богу, все в порядке. Но с Яшкой все равно надо как-то решать. Не сможем мы каждый день сюда мотаться, даже если по одному.

— Готов держать пари, что завтра Леха придет к Яшке не один, — подмигнул иеромонаху Сергей.

Геннадий отреагировал на шутку весьма серьезно:

— Леша, я надеюсь, венчаться вы будете в моей церкви?

— Да хватит вам, прекратите! — смущенно выкрикнул Алексей.

— Ах, раб Божий Алексей... — лукаво усмехнулся Геннадий. — Как же ты «любосластными недугами погубил ума красоту»!

— Что-что?

— Это цитата из канона Андрея Критского, а не что-то, — с напускной суровостью ответил отец Герман.

Алексей испытывал странное облегчение оттого, что разговор скатился на шутовскую стезю. Он, кардиолог, бывший в своей короткой практике свидетелем множества мучительных смертей, тушевался как мальчик, если речь заходила о его личных сердечных делах.

...Подобно тому, как Алексею были неприятны разговоры о его взаимоотношениях с Надеждой, так иеромонаху Герману претили всякие упоминания о карточной игре. Слишком уж роковую роль сыграли пресловутые «карты-картишки» в судьбе его родителей.

Если бы испитой раздатчик корма, никчемный, опустившийся человек, не произнес по адресу директора Прясллова емкого определения «кар-

тежник», иеромонах Герман, в миру — Геннадий, не стал бы торопить друзей, и они проторчали бы в вольере пеликана Яшки еще, как минимум, полчаса. И тогда их жизнь продолжала бы идти своим чередом, со всеми, так сказать, радостями и горестями.

Но слово было произнесено, время сместилось на эти злосчастные полчаса, и вместе с этим сдвигом перекосилась вся дальнейшая судьба троих бывших школьных друзей.

Глава шестая

— Прошлой ночью Зайчонок опять человека зарезал. Между прочим, я его знаю — у меня сынишка к нему в шахматную секцию ходил. Только я его оттуда забрал. Зашел как-то, увидел этого толстого Фишера с сигаретой в зубах, все помещение прокурено, и сказал себе: э, нет, обойдемся мы и без шахмат...

Пожилой дядька шумно отхлебнул пива. Его визави, такая же похмельная особь мужского пола, исподлобья глянул на собеседника:

— Да какая, на хрен, разница, маньяк зарезал или кто другой? У нас и безо всяких маньяков ночью на улице не высунешься. Расплодили бандитов...

В баре стоял густой креветочный дух, сдобренный характерным для подобных заведений запахом пролитого и закисшего пива. Свободных мест в этот жаркий дневной час не наблюдалось, и взмокшие официанты едва успевали разносить по столам целые грозди запотевших пивных кружек.

— В двух шагах отсюда и зарезал, — продолжал отец юного шахматиста. — У ограды зоопарка.

— У нас вся жизнь — зоопарк... — буркнул, ни к селу ни к городу, его скептически настроенный приятель.

Геннадий, Сергей и Алексей блаженствовали за столиком у окна, выходящего на тенистую аллею. Уже было выпито по две кружки освежающей пенной влаги, оприходовано блюдо с отборными королевскими креветками, уже официант услужливо взгромоздил перед друзьями очередную батарею ледяных кружек, аккуратно поставил на стол блюдо с креветками, заботливо накрытое стеклянным колпаком...

Все бы хорошо, да только одно совершенно ненужное обстоятельство немного стесняло друзей. А именно — поджарый, спортивного вида субъект с резкими, прямо-таки медальными чертами лица, пристроившийся к ним за столик. Впрочем, спортивный вид этого дядечки в первую оче-

редь был обусловлен новенькими тренировочными шортами и футболкой, в которых тот и заявился в пивную.

И Бог бы с ним, с этим поклонником бега трусцой, ничем он особо нашим друзьям не мешал, сидел себе, помалкивал, задумчиво цедя одну-единственную кружку пива под небольшую тарелочку с креветками. Но вот возьми, да приключись с поджарым бегуном конфуз, и конфуз прямо-таки неприличный.

Официант Вова уже которую минуту нетерпеливо переминался с ноги на ногу, стоя над душой у поджарого, и, соответственно, над троими приятелями. А тот все шарил по карманам своих шорт, и вид у него был, скажем так, нерадостный... Гнетущая тишина повисла над столиком.

— Нехорошо получается, уважаемый, — с упреком проговорил официант Вова.

— Н-да, нехорошо, — рассеянно согласился странный посетитель. — Сейчас, сейчас...

Алексей вздохнул: положительно, сегодня такой день, что ему приходится платить из своего кармана за всех!

— Не переживай, Вова. Сколько с него? — поднял он глаза на официанта.

— Сто пятьдесят рублей.

— Ну, так запиши на наш счет, и дело с концом.

— Как скажете, — пожал плечами Вова и двинулся прочь.

«Нет денег — сиди дома», — донеслось до приятелей назидательное ворчанье официанта.

Глава седьмая

— Ну, спасибо, ребята, спасли от позорища, — улыбнулся незнакомец.

— Такое с каждым может случиться, — сухо ответил Геннадий.

— Черт-те что! Я, знаете ли, уже давно привык обходиться без денег, то есть без наличных. Не помню, когда последний раз их в руках-то держал. Вот и...

— Хорошо так жить! — мечтательно заметил Алексей.

Сергей неприязненно смотрел на незнакомца. Было видно, что он ждет не дождется, когда же, наконец, этот халявщик уберется восвосяи.

— Хорошо-то хорошо, да как бы это сказать... — незнакомец, видимо, был расположен поболтать. — Иногда так хочется вспомнить студенческие годы, посидеть в дешевой пивной, вдохнуть запахи пива, креветок... Здорово!

— По жизни вас, видимо, окружают совсем другие запахи, — насмешливо бросил Сергей. — Не столь приятные.

— Да, вы правы, например, запах металла вперемешку с машинным маслом. Смерть, как надоел!

— Вы что-то ремонтируете? — спросил Геннадий из вежливости.

— Нет. Просто... Так пахнут автоматы Калашникова. Со мной рядом почти все время двое телохранителей с автоматами.

Алексей с наигранным изумлением издал протяжный свист, и сразу несколько голов повернулись в их сторону.

— Никак не могу к ним привыкнуть, — продолжал незнакомец. — Сегодня во время пробежки я от них просто сбежал. Сюда, в бар. И, как назло, без денег.

За столом возникла неловкая пауза.

— Меня зовут Виктор Петрович. — «Беглец» протянул ладонь насупленному Сергею: — Вы, кажется, Сергей, архитектор, как я слышал из вашего разговора? Почтенная, доходная профессия.

Сергей, чуть оттаяв, неловко пожал протянутую руку:

— Если точнее, я — архитектурный дизайнер-технолог. Вот так замысловато.

— Серега у нас истинный гений, — встрял Алексей. — А доходы гениев, как сами понимаете, весьма и весьма призрачны. Он ведь не коттеджи для нуворишей строит, он у нас в облаках витает.

— Вернее, плавает в воде, — вступил в разговор Геннадий. — Представляете, Сергей изобрел дома из воды! То есть, стены — это сплошные водяные потоки. Регулируемые.

— Регулируемые потоки — это мне понятно, — кивнул Виктор Петрович, и было ясно, что он имеет в виду потоки финансовые. — Сергей, ваше изобретение — очень интересная штука. Советую срочно запатентовать.

— Да-да! — воодушевился архитектор. — Представьте себе: в доме можно создать любую атмосферу, лишь изменив температуру и состав

водяных стен. — От былой неприязни к новому знакомому у него, похоже, не осталось и следа. — Потом, смотрите... — он полез в карман, пытаясь нащупать хоть какой-то клочок бумаги.

— Ну, понесло! — махнул рукой Алексей. — Серега, хорош грузить человека. Тебе что, нас мало? Репетируешь свои выступления в Венеции? — И пояснил Виктору Петровичу: — Скоро Серега везет макет своего водяного дома на международную выставку в Венецию.

— Ну, это еще бабушка натрое разлила, — пробурчал архитектурный дизайнер-технолог.

Алексей протянул руку незнакомцу:

— Меня зовут Алексей, я врач-кардиолог в областной больнице. А Геннадий у нас — служитель культа, монах, между прочим.

— Иеромонах, — поправил друга Геннадий.

— Понимаю, — кивнул Виктор Петрович. — То есть, вы — монах-священник.

— Верно. Геннадий — это мое мирское имя, Сережа и Леша меня так зовут по старинке. Привыкли, мы ведь какое-то время в одной школе учились. А вообще-то, мое монашеское имя — Герман. Отец Герман. Служу в Ильинской церкви. Послезавтра у нас престольный праздник, приходите.

— К сожалению, вряд ли получится, — покачал головой Виктор Петрович, — дела.

— Ну а вы чем изволите заниматься в этом безумном мире, Виктор Петрович? — поинтересовался Алексей.

— Я? Решаю всякие головоломки.

— Это круто! — восхитился Сергей.

— Еще как! — согласился Виктор Петрович. — А главное — прибыльно.

— Тю-ю! — протянул Алексей. — Ну, так загадайте нам какую-нибудь головоломку. Глядишь, и мы разбогатеем.

— Что ж, извольте, — задумчиво оглядел друзей Виктор Петрович. — Только смотрите, потом не пожалейте.

— А разве мы чем-то рискуем? — поднял бровь Геннадий.
— Не знаю-не знаю... Впрочем, слушайте.

Глава ВОСЬМАЯ

— Как-то раз в гостиничном ресторане за одним столиком сошлись трое командировочных, — начал свою загадку Виктор Петрович. — Они познакомились, выпили, закусили. Пришло время расплачиваться.

При этих словах друзья недвусмысленно переглянулись.

— Н-да... Так вот, официант уже подсчитал, что с троих, вместе взятых, — двадцать пять рублей. И решил нагреть их на пятерку, сказал, что с каждого — по червонцу.

— Славное было времечко! — вмешался Алексей. — На десятку можно было посидеть в ресторане, выпить, закусить...

— Да мы тогда еще пешком под стол ходили, так что нечего ностальгировать, — одернул друга Сергей.

— Молчу, молчу, — покаянно сложил руки кардиолог.

— Я продолжаю, — сказал Виктор Петрович. — Ну, скинулись они по «красенькой» и преспокойно разошлись почивать по своим номерам. А официанту вдруг стало стыдно, что так бессовестно обманул приезжих, и он решил вернуть им пять рублей.

— Да не может такого быть! — снова не удержался Алексей.

— Леша, это ведь загадка, байка, — растолковал ему Геннадий.

Неожиданно для самого себя, иеромонах слушал Виктора Петровича с все возрастающим интересом. А точнее, с каким-то непонятным, тревожным предчувствием.

— Итак, официант подозвал мальчика-полотера, дал ему пять целковых и велел разнести деньги поровну по трем гостиничным номерам, где остановились приезжие. Взбегая по лестнице, пацан сообразил, что пять на три не делится, и решил так: отдам командировочным по рублю, а два беру себе. Так и сделал.

К этому моменту рассказа Виктора Петровича трое друзей уже позабыли о пиве и безнадежно остывающих кроватках.

— А теперь загадка. — Виктор Петрович откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. — Сначала командированные отдали официанту по десять рублей, итого тридцать. Это, так сказать, общая денежная масса, реально существующая в этой истории. Хм... Мальчик-полотер вернул приезжим по рублю. Таким образом, каждый из них заплатил за ужин уже

не по десять, а по девять рублей. Девятью три — двадцать семь. Два рубля присвоил пацан. Итого двадцать девять. Где еще рубль?

— Полный абзац! — восхищенно воскликнул Алексей.

— Нет, а правда, куда рубль девался? — спокойно спросил Геннадий.

Виктор Петрович, прищурившись, окинул взглядом молодых людей:

— Вот с этого рубля, парни, и начиналось мое состояние. Однажды я научился его различать и, соответственно, извлекать.

— Надеемся, вы скажете нам разгадку? — буркнул Сергей.

Виктор Петрович помолчал, что-то обдумывая.

— Как я понял, вы ребята с головой, — заговорил он медленно и веско. — Попробуйте сами разгадать. Если сумеете, я дам вам... — Он снова замолчал, будто что-то прикидывая, затем веско произнес: — Миллион фунтов стерлингов.

Несколько секунд сидящие за столиком являли собой немую сцену. Казалось, разом стихли все шумы, наполнявшие пивной зал: звон посуды, грохот отодвигаемых стульев, гомон подвыпивших посетителей...

На самом деле, конечно же, бар продолжал жить своей обычной жизнью — кружки звенели, а порой и бились об пол, выпивохи, внятно и невнятно, матерились, официанты, извиваясь, лавировали между столиками. Вернулась жизнь и в закуток, где с каменными лицами сидели трое друзей. Виктор Петрович неожиданно поднялся и слегка поклонился:

— Ну, мне пора. Еще раз спасибо за помощь в трудной ситуации. Визиток, к сожалению, у меня с собой нет, но если вдруг кто-то из вас отгадает мою загадку, вы меня найдете. Но учтите: послезавтра в ночь я улетаю в Лондон, на аукцион Сотби, так что у вас два дня срока.

Первым встряхнулся Алексей:

— А что вы собираетесь делать в Сотби?

— Собираюсь приобрести средневековую статую, — спокойно ответил Виктор Петрович. — Известный итальянский скульптор. Мой агент сообщил, что реально я могу купить ее за миллион фунтов. Цена меня устраивает, но... Это прихоть, в конце концов, так что у вас есть шанс забрать этот миллион себе.

— Тоже прихоть? — спросил Геннадий.

— Если угодно, считайте, что да. — И он, попросившись, удалился.

Друзья переглянулись и тут же одновременно расхохотались: настолько глупыми были у них лица.

— Нет, ну надо же! Вот ведь развел! — потешался над самим собой Алексей.

— Псих какой-то, — вмиг посерьезнев, выдал архитектурный дизайнер-технолог.

— Ты еще скажи — маньяк, — хмыкнул доктор. — Нет, брателло, он не псих. Это обычный пивняцкий прием — мужик пьет пиво за чужой счет и запудривает нормальным людям мозги всякими байками. Этот Виктор Петрович — высокопрофессиональный халявщик.

— Не похож, не похож... — задумчиво проговорил Геннадий. — Пожалуй, я склонен согласиться с Серегой — он душевнобольной. Маньяк не маньяк, но мания у него явно присутствует.

Друзья хлебнули пивка, но всем троим его вкус показался пресным и безрадостным. Алексей покопался в холодных креветках, вытер руки салфеткой.

Настроение у приятелей было основательно подпорчено.

... Он задумчиво разглядывал армейский штык-нож: мощная закругленная рукоятка из светло-коричневого материала — кажется, эбонита? — зубчатая пилка на ребре лезвия... Само лезвие — двадцать сантиметров, из светлой стали. Ломкое, ненадежное лезвие: если, к примеру, метать этот штык-нож, то он может переломиться в месте крепления лезвия к рукоятке. Случалось, такие ножи раскалывались при падении на асфальт... Да и не сбалансирован в этом легендарном оружии вес рукоятки и лезвия.

Зато колоть — человека ли, зверя ли — одно удовольствие: тяжелая рукоятка обеспечивает мягкое, мгновенное вхождение в тело. Или ему так только кажется?

Правда, существует одно обстоятельство... В момент нападения на человеческой особи присутствует кое-какая одежда, а поскольку он выхо-

дит на охоту по ночам, когда в полнеба сияет бледнолицая луна, то жертва, как правило, облачена в ветровку. Из довольно прочной ткани, кстати сказать. В тело-то штык входит весело, любовно, а вот вытащить нож из содрогающейся в конвульсиях жертвы непросто, ох, как непросто... Зубья пилы впиваются в одежду, и приходится выдирать ткань вместе с мясом. С человеческим мясом.

Глава Девятая

Пылинки кружились в широком солнечном луче, пробивавшемся сквозь густую листву, колыхавшуюся за окном демонстрационного зала. «Ты только не волнуйся, — сказал Сергею профессор архитектуры Меницкий. — В случае чего, я приду на помощь».

Да, только на Меницкого и вся надежда. Этот престарелый, но жизнерадостный профессор уже давно протезировал Сергею, был его научным руководителем. Повезло, можно сказать...

Но даже Меницкий не мог выручить Сергея в одном, казалось бы, пустяковом деле: наводя марафет в институтской уборной, молодой дизайнер-технолог безбожно затянул галстук, и теперь он врезался в шею, будто удавка. В голове отчетливо пульсировала кровь, и ничего с этим поделать было нельзя: без зеркала не стоит и пытаться ослабить галстук, не дай бог, будет криво сидеть. А это ничтожное обстоятельство может стать решающим для ключевого члена комиссии, доцента Крутиковой, известной своим педантизмом и пристрастием к безукоризненно одетым мужчинам.

Помимо Крутиковой и Меницкого в экспертную комиссию входил вечно добродушный и вечно равнодушный к своей работе профессор Шпилько. Никто не мог понять, каким образом этот здоровяк лет двадцать тому назад получил кафедру,

за какие такие заслуги перед отечественной архитектурой? Но факт оставался фактом: Шпилько имел профессорский статус, давным-давно защитил докторскую и почитался фигурой непотопляемой, словно пенопласт.

То, что в окружении двух профессоров ключевой фигурой в экспертной комиссии была доцент Крутикова, объяснялось одним банальным обстоятельством: незаурядной привлекательностью означенной сорокалетней мадам. Ясно, что Меницкий при любом раскладе будет бороться за «водяной дом» своего протезе, но вот Шпилько, скорее всего, займет позицию Крутиковой. А Крутикава была известна своим активным неприятием всего революционного. И Шпилько поддержит ее не из любви к классической, ортодоксальной архитектуре, а по причине своих симпатий к очаровательной доцентше.

«Ну, почему маньяк не зарезал Крутикову, а? — пронеслось в голове у Сергея. — Возраст у нее вполне для маньяка подходящий — сороковник, к тому же — курит...»

Он припомнил, что все женщины, ставшие жертвой серийного убийцы, равно как и единственный зарезанный мужчина — детский тренер, были курящими. Об этом сообщали по местному телевидению, как о единственном обстоятельстве, объединяющем всех погибших от рук злодея.

На столе посреди демонстрационного зала стоял рабочий макет водяного дома, сконструированный Сергеем. Ширина его была порядка семидесяти сантиметров, высота — около метра. Ломаная черепичная крыша поддерживалась прозрачными бесцветными стойками, а стены являли собой сплошной, ровный, как стекло, поток воды. Она стекала в резервуар, находящийся в подвале домика, и снова закачивалась в емкость на чердаке. Внутри макета была видна миниатюрная мебель и прочая домашняя обстановка.

— Стены делаются ровными под воздействием электромагнитного поля, — вещал Сергей, и тон его был такой, словно он творил заклинание. — Мы можем изменить конфигурацию дома и количество комнат по своему желанию.

Он нажал на кнопку пульта, и макет преобразился: водяные стены плавно задвигались, и вот уже перед членами комиссии возвышался совсем другой коттедж.

— Каково, а? — не удержался от восклицания Меницкий.

— Фантастика! — отозвался Шпилько, скосив глаза по направлению выреза на груди госпожи Крутиковой.

— Войти и выйти из дома можно в любом месте, — продолжал Сергей, при помощи пульта раздвигая водяные стены то здесь, то там.

— Это что же получается, — скептически отозвалась Крутикова, — дом совсем прозрачный? Снаружи все видно?

— Это уж как вам угодно, — слегка поклонился дизайнер-технолог. — Эксгибиционисты могут разгуливать в неглиже за прозрачными стенами, а любители классического интима, то бишь, ханжи, будут недоступны для постороннего взгляда.

Крутикова пронзительно посмотрела на новоиспеченного гения архитектуры. Ох, не надо бы Сергею брать такой тон с любвеобильной доцентшей, ведь примет на свой адрес, чиновная бес-тия... Но тут уж, как говорится, либо пан, либо пропал. Одним словом, приходится идти ва-банк.

Рядом со своим детищем дизайнер-технолог чувствовал себя на редкость уверенно и готов был дерзить по любому поводу.

Он снова нажал на пульт, и стены домика-макета сделались молочно-белыми, словно из мрамора.

— Для того, чтобы стены стали непрозрачными, поток воды насыщается пузырьками воздуха, — пояснил юный архитектурный гений.

Глава Десятая

Геннадий ловил на себе лукавые, а то и откровенно призывные взгляды совсем юных девушек, и не радовала его эта популярность среди тронутых пороком нежных созданий, отнюдь не делала счастливей. Он прекрасно понимал, что не его персона, как таковая, возбуждает греховные помыслы у молоденьких искательниц приключений. Вовсе нет. Все дело в монашеском облачении — подряснике и камилавке, да еще в серебряном наперсном кресте. Наверное, все эти девицы, завидев его, шагающего со спортивной сумкой на плече сквозь толпу прохожих, думают примерно так: «Ишь ты, монах! И какой молодой... Им ведь секс запрещен. Интересно, а хочется ему или нет? И вообще, может ли он? Вот бы проверить!»

Будь он в обычном, мирском одеянии, ему, парню с весьма заурядной внешностью и довольно-таки пустым карманом, пришлось бы изрядно потрудиться, чтоб затащить в койку вон ту, к примеру, красотку. Целый день, а то и два, надо было бы без отдыха нести всякую ахинею, выслушивать идиотский смех, по поводу и без, вести провинциальную секс-бомбу, как минимум, в кафе-мороженое... Угощать сухим вином (хотя они, кажется, нынче предпочитают джин-тоник).

А в подрыснике, да еще с ярким крестом на груди — только мигни, да и отбегай в сторону, чтоб не затоптали. И что за тяга у женщин всех возрастов к запретным, погибельным связям?..

Когда Геннадий готовился принять монашество, его отправили проходить искуc в Нило-Столобенский монастырь, что на озере Селигер. Пилил-колол дрова, топил баню, да еще и пел на клиросе — и так целый год, вплоть до пострижения и рукоположения в иеромонахи.

Так вот, был там один случай, весьма опечаливший немногочисленную братию. У молоденького инока Павла страшно разболелся зуб, распухла десна, и наместник обители архимандрит Кассиан скрепя сердце отправил инока на соседний остров Городомлю, где был неплохой зубо-врачебный кабинет при оборонном предприятии. Предчувствовал, видать, беду отец-настоятель, да что поделаешь? Уж больно страдал бедный Павел.

И вышло именно то, чего боялся старец-архимандрит: окрутила, охмурила смазливую инока молодая врачиха-вертихвостка, стали они всякий раз, как Павел приезжал на прием, предаваться греховным утехам. А потом инок и вовсе не вернулся в монастырь: соблазнительница бросила мужа и начала открыто жить с Павлом.

Из обители к бывшему иноку ходили посланцы, призывали вернуться и покаяться, но все без толку. Наконец с Павла сняли монашеский чин, на десять лет отлучили от причастия. Он устроился на автобазу слесарем. И что же? Страстная подруга внезапно охладела к сожителю, потеряла к нему всякий интерес и влечение, вернулась к мужу, и тот ее простил.

А Павел... Всякое говорили про него в монастыре. То пил, как губка, то на рынке грибами торговал. Последний раз его видели у баптистов. Погубил человек свою душу, да и сия временная жизнь стала никчемной и пустой.

... Геннадий подходил к своей церкви Ильи Пророка, печально глядя на паутину лесов. Да только не видать в этой паутине «паучков», то бишь, строительных рабочих. Нет, и не предвидится у отца Германа денег на оплату стройматериалов и рабсилы.

Перед храмовой иконой, писанной на фанере, истово молился псаломщик Вадим. Был он бородач, лыс и шестидесяти годов от роду, однако при всем том имел душу младенца.

Геннадий рассеянно положил крестное знамение, и псаломщик тут же засеменял к нему, сложив ладошки лодочкой:

— Батюшка, благословите!

Иеромонах черкнул в воздухе невидимый крест, протянул руку для целования. Вадим рьяно, звонко чмокнул кисть настоятеля и воззрился полубезумным взглядом. Был он явно не в себе.

— Да что с тобой, Вадим? — встревожился Геннадий. — Ты прямо весь дрожишь.

Псаломщик внезапно разразился истерическими рыданиями, бухнулся в ноги иеромонаху:

— Батюшка! Отец Герман! Родной вы наш!

— Да что случилось? — невольно попятившись, выкрикнул Геннадий.

Вадим вскочил с колен и проговорил, с трудом сдерживая конвульсии в горле:

— Елизавета Марковна приходила, отец Герман.

— Кто такая?

— Да как же, батюшка... Вдова директора рынка, вы ж недавно отпевали его.

— А, которого конкуренты расстреляли в машине... Теперь вспомнил.

В тот день директор рынка Мжаванадзе, надо полагать, первый раз в жизни пересек порог церкви, да и то в виде трупа.

— Елизавета Марковна ждала вас, ждала, — вещал псаломщик, и по щекам его катились беззвучные слезы, — да и не дождалась. Ушла. Я уж раз двадцать вам домой звонил.

— Я больную исповедовал, — резко ответил Геннадий. — Так чего этой вдове было нужно?

Лицо псаломщика стало суровым, и он проговорил ровным, замогильным голосом:

— Деньги она принесла. Пожертвование. На помин души мужа своего.

— Да? — встрепенулся Геннадий. — Это хорошо. Это кстати. И много денег?

Вадим оглянулся по сторонам, словно желая убедиться, что кроме них в храме никого нет, и прошептал:

— Мильен. Мильен рублей, отец Герман.

Он проворно схватил иеромонаха за руку и повлек его в ризницу. Там шумно высморкался в замызганный носовой платок, аккуратно спрятал его в широкий карман стихаря и принялся методично выгружать на стол из-за пазухи пачки тысячерублевых купюр в банковской упаковке. Не сдержался и снова принялся беззвучно рыдать.

Ровно десять пачек. Геннадий оторопело смотрел на свалившееся с неба богатство, для верности взял один «кирпичик» в руку, повертел. Псаломщик внезапно успокоился.

— Ключ-то от сейфа у вас, отец Герман.

— Господи, слава Тебе! Святый пророке Божий Илие, благодарю тя! — положив пачку на стол, широко перекрестился Геннадий и опустился на колени перед маленькой иконой Ильи Пророка, висевшей в углу ризницы.

Вслед за ним гулко стукнул лбом в деревянный пол псаломщик Вадим. В таком положении они оставались несколько секунд, затем Геннадий стремительно поднялся, достал из сумки связку ключей и подошел к довоенному коричневому сейфу с треугольной табличкой «артель Мосметаллснабсбыт».

Сложив пачки на полочку сейфа, тщательно заперев его и перекрестив дверцу, он положил псаломщику руку на плечо:

— Ну, Вадим, услышаны наши молитвы. Теперь к Покрову внутренность храма приведем в божеский вид. Иконостас в епархиальной мастерской закажем, утварь купим, праздничные облачения. Пошли, брат Вадим, служить благодарственный молебен.

— Пойдемте, батюшка, — счастливо улыбнулся псаломщик.

— Да, Вадим... И запиши этого раба Божьего, как его там, убиенного директора рынка, на вечное поминовение...

Глава одиннадцатая

Сергей попробовал загладить неловкость, вызванную его эскападой на счет эксгибиционистов и ханжей:

— Кстати, Елена Сергеевна, вы только что подали мне замечательную идею.

— Это какую же? Разместить внутри макета фигурку голой девки? — фыркнула Крутикова.

— Честно говоря, мне эта смелая мысль в голову не приходила, — с сожалением в голосе ответил Сергей. — Видимо, с фантазией напряженка...

Меницкий делано хохотнул, но при этом ожесточенно подавал Сергею недвусмысленные знаки: хватит пикироваться с Крутиковой, ты что, брат, с ума сошел?

Сергей чуть заметно кивнул своему покровителю: мол, понял, больше зарываться не буду, и по-деловому произнес:

— Можно закачать в воду краситель, и цвет стен станет любым, по желанию заказчика.

— Хм, заказчика! — иронично отреагировала Крутикова. — Ну, скажите на милость, какой нормальный человек захочет жить в доме из воды? Лично я не представляю.

Меницкий счел нужным применить тяжелую артиллерию:

— Да разве в этом дело, боже ж ты мой! Вот вы, Елена Сергеевна, ходите на демонстрации мод?

— Хожу, — с вызовом ответила доцентша.

— Не понимаю, при чем тут... — попытался вступить за Крутикову Шпилько.

— А при том, — весело перебил его Меницкий. — Скажите, Елена Сергеевна, разве все платья из представленных коллекций можно носить в реальной жизни?

Крутикова презрительно усмехнулась, и было непонятно, по чьему адресу — то ли по адресу Меницкого, то ли чересчур эпатажных кутюрье.

— Так и тут, — принялся развивать свою мысль профессор. — Этой моделью мы лишь показываем возможную тенденцию в домостроительстве. Товарищи дорогие, уважаемые члены экспертной комиссии! Перед вами принципиально новое слово в мировой архитектуре! Такого никогда и нигде не было! Мы, именно мы можем задать совершенно иное направление в этой сфере чело-

веческой мысли, иной взгляд на архитектурный дизайн и технологию. Да за это Нобелевскую премию надо давать, если уж на то пошло...

— Ну уж, и Нобелевскую, — снова скосил глаза на Крутикову профессор Шпилько.

— Насколько мне известно, в номинации «архитектура» Нобелевских премий не присуждают, — отрезала Крутикова таким тоном, словно это был главный аргумент против обсуждаемого проекта.

— Во всяком случае, будет самым настоящим преступлением, если этот макет не поедет на выставку в Венецию, — не сдавался Меницкий. — Попомните мое слово, это будет самый сенсационный экспонат. Согласен, первый приз водяному дому не присудят — слишком уж революционно. Но уж специальный приз Сергею гарантирован — это, граждане-товарищи, как бог свят.

Шпилько посмотрел на Крутикову, пребывающую в некотором замешательстве, и сказал неуверенно:

— Ну да, ну да... Им там, в Венеции, это близко и понятно, всю жизнь на воде живут... — Не встретив протеста со стороны доцентши, он повернулся к Сергею: — Что ж вы, батенька, столько времени тянули? А? Выставка открывается через два дня!

— А вы случайно не забыли, где мы с вами живем? — с воодушевлением заговорил Меницкий. — Такой действующий макет даже в Америке изготовить архисложно, а уж у нас... Кстати, место на выставке для Сергея зарезервировано, так что слово за вами.

При последних словах Крутикова возмущенно вскинула взгляд на Меницкого, затем повернулась к Сергею и с металлом в голосе произнесла:

— Молодой человек, выйдите!

Сергей нетвердой походкой двинулся к дверям. Сколько времени он простоял на балюстраде, уставившись взглядом в скомканный фантик от «Сникерса», что валялся на парадной лестнице, — пять минут, полчаса, час?

Наконец из демонстрационного зала вышла Крутикова и с надменным видом прошествовала мимо Сергея. Шпилько торопился догнать ее, бросив на ходу дизайнеру-технологу:

— Успеха вам, Сергей Анатольевич.

Зато профессор Меницкий с чувством обнял своего протеже:

— Победа, Сережа! Победа! Наша взяла! Давай мухой домой за загранпаспортом. Завтра вечером, кровь из носу, ты должен быть в самолете. Рим, Турин, Милан — какая разница, куда будет билет, туда и возьмем. Там на автобусе до Венеции доберешься.

Сергей в каком-то сомнамбулическом состоянии слушал Меницкого. Названия итальянских городов мелькали перед его глазами, словно радужные игральные карты.

— Полетишь один, Сережа, — вещал Меницкий, — все остальные уже там. Макет повезешь как ручную кладь, не вздумай сдавать в багаж!

— Петр Александрович! — чуть не взвыл архитектор. — Дорогой Петр Александрович! Я шел к этому дню всю свою жизнь...

— Да какая твоя жизнь! У тебя впереди такие дела, что... — И, не найдя слов, Меницкий от души треснул Сергея кулаком в грудь.

Глава двенадцатая

В понедельник у городского зоопарка был выходной, и Алексей предварительно позвонил долговязому птичнику, чтобы тот подошел к служебному входу. «Начальник пернатых» стремительной птицей полетел на вожденную встречу с кардиологом — правда, лечить ему требовалось вовсе не сердце, а голову, которая смерть как раскалывалась после вчерашнего. «Не придет же он, в самом деле, пустой», — рассудил птичник. И здраво рассудил, между прочим.

Вскоре оказались две молодых, жизнерадостных личности — это были Надежда и Алексей. Вскочив со скамьи, «повелитель пернатых» вежливо поздоровался с доктором, отвесил невнятный комплимент его спутнице и выразительно посмотрел на два пакета, что оттягивали руку Алексея. В одном шевелилась рыба — ну, это неинтересно, а в другом он безошибочно различил цилиндрические очертания бутылки и сразу радостно засуетился.

Алексей и Надежда шли по безлюдному зоопарку, и в этой тишине, изредка нарушаемой криками павлинов, юному кардиологу чудилось нечто нереальное, а пожалуй, и мистическое. Ажурные решетки вольеров и чугунные прутья клеток словно куда-то исчезли, и доктор явственно ощу-

тил себя лицом к лицу с дикой природой. Наедине. Не совсем, конечно, ведь рядом была Надя. Но, в конце концов, она ведь его половинка — во всяком случае, скоро будет. Так начертано судьбой.

Девушка, девятнадцати лет от роду, с рыжеватыми кудряшками и в простеньком платьице, была старшей сестрой давнишнего Лешиного пациента, мальчика Игоря. Не повезло парню: врожденный порок сердца, да еще со всякими «бляками», то есть осложнениями. Инфаркт в четырнадцать лет — это вам не хухры-мухры, второй такой случай еще поискать надо.

Алексей уже дважды вытаскивал Игоря с того света, возвращал к жизни. И нисколько не обманывал навещавшую брата Надю, когда говорил, что, по идее, в будущем все должно закончиться для мальчика благополучно. При правильном лечении и постоянном наблюдении порок сердца к 17–18 годам частенько сходит на нет.

Недавно Надя дала понять Алексею, что не расстанется с Игорем, вплоть до его полного выздоровления. «Получается, что никогда, — с тоской подумал в тот момент Алексей. — Полное выздоровление в случае с Игорем невозможно. Он на всю жизнь останется сердечником. Вопрос в том, чтобы сделать эту жизнь максимально долгой и качественной».

И тут же принял простое и правильное решение: Игорь тоже переедет к нему, вместе с Надей. А что? Квартира у Алексея просторная, места хватит. К тому же, доктор успел подружиться со своим пациентом — кстати, даже раньше, чем с Надей. Тихий, задумчивый мальчик замечательно играл в шахматы и с легкостью заставлял капитулировать Алексея, который до той поры считал себя весьма недурным шахматистом.

«Между прочим, Игорь ведь учился у того самого тренера, который так глупо погиб позапрошлой ночью», — с удивлением отметил про себя Алексей и почувствовал какую-то смутную взаимосвязь между событиями, творящимися вокруг него. Ах, да, черт возьми! Ведь все убитые женщины, равно как и зарезанный шахматный тренер, в разное время лечились у него в кардиологическом отделении... «И, кстати, так и не бросили курить, хотя я им это настоятельно рекомендовал», — ни с того ни с сего, подумал доктор.

— Что ты чувствуешь? — спросил он Надю чужим голосом. — Мы ведь одни-одинешеньки посреди...

За спиной совершенно некстати икнул похмельный птичник, и Надя рассмеялась:

— Как видишь, в этом мире мы вовсе не одиноки.

Девушке было абсолютно все равно, куда пойти с Алексеем — хоть в ресторан, хоть на непролазную стройплощадку. И когда молодой кардиолог предложил ей навестить пеликана Яшку, она с наигранным воодушевлением согласилась, даже вызвалась отварить хромой птице пельменей.

Леша растолковал, что Яшка питается рыбой, пельмени — не в коня корм, то есть, не в пеликана.

Ну, что ж, нет, так нет.

Своим женским чутьем Надя осознавала, что сегодня Леша сделает ей предложение. И где именно оно произойдет — абсолютно не важно, она, конечно, примет его. И, ступая по бордюру мимо раскачивающихся на ветках обезьян, мимо сонного льва и грустного бегемота, Надя думала о том, что вечером надо будет соорудить сельдь под шубой, яблочный салат и блинчики. Непременно блинчики, ее коронное блюдо...

Глава тринадцатая

Став обладателем бутылки водки, птичник чуть не прослезился и отпер калитку в вольер. Навстречу Алексею и Надежде уже хромал пеликан Яшка, по обыкновению распахнув крылья.

— Смотри, что сейчас будет, — шепнул Наде Алексей и протянул пеликану руку.

Но зловередная птица вдруг резко изменила привычный ритуал приветствия и вместо того, чтобы сжать клювом запястье своего друга-доктора, неожиданно ущипнула девушку за лодыжку.

— А-ай! — взвизгнула Надя, а пеликан повернулся к ней боком, строго пяля на нее свой глаз.

— Да ты что, Яшка? — опешил Алексей. — Вот чудак-человек!

— Ох, больно как, — простонала девушка. — Смотри, он порвал мне чулок. Ты же говорил, что он добрый и ласковый!

Алексей неловко приобнял Надю и сказал, с трудом сохраняя ровный голос:

— Понимаешь, Надя... Он просто чувствует, что я тебя люблю. И ревнует.

Пеликан Яшка демонстративно отвернулся и, волоча крылья, побрел в глубь своих владений.

— Ну, вот, ты и признался мне в любви. И где? В клетке с пеликаном.

— В вольере... — промямлил Алексей. — Вы с Яшкой еще подружитесь, вот увидишь.

Чтобы скрыть смущение, он пошел к водоему, вытряхнул туда всю рыбу из пакета и сказал пеликану:

— Раз ты такой обидчивый, тогда изволь ловить рыбу сам. — И увлек Надю к выходу из вольера.

Яшка тут же заспешил вслед, будто прося прощения. Надя склонилась над ним и погладила пеликана по спине.

— Ну вот, все в порядке, — чересчур бодро резюмировал Алексей.

Его вдруг словно прорвало, и он сбивчиво заговорил о том, что пеликан Яшка — это своего рода талисман их дружбы с Генкой и Серегой. Генка даже раскопал где-то, что пеликан — это символ любви, самопожертвования и взаимовыручки, теперь вот на уроках воскресной школы все это детям рассказывает. А Серега — вообще живой классик мировой архитектуры, мы еще за него порадуемся. Кстати, со временем можно ему прекрасный коттедж заказать, хороший кардиолог — то есть он, Алексей — в наши дни деньги заработать сумеет, вот только бы открыть свое собственное дело, к тому же, у него уже подобрался материал для кандидатской диссертации...

— Между прочим, я тоже ревнивая, — остановилась Надя, они уже стояли неподалеку от входа в зоопарк. — Ревнивая, как Яшка. Ты только и говоришь об этом пеликане, да о своих друзьях.

— Неправда...

— Ну, еще о своей медицине, о карьере.

Алексей только смущенно посмеивался.

— Нет, в самом деле! — притворно сердилась девушка. — У тебя уже все есть. Зачем тебе еще я?

— Видишь ли, Надя, — таинственно начал он. — Дело в том, что мы все трое — люди ужасно занятые. Серега завтра летит в Венецию, везет туда на архитектурную выставку макет своего водяного дома. Генка получил огромное пожертвование, и теперь полным ходом будет реставрировать свою церковь. А я... — и осекся.

— Ну, и что же ты?

— Я... ну, в общем, скоро женюсь. Так кто же будет приходиться кормить Яшку? Ему каждый день лопать надо. Кроме тебя, никому.

— Ну, спасибо. Хорошенькая перспектива. И на ком это ты женишься?

— Ты не поверишь.

— Поверю, поверю.

— На самой лучшей девушке планеты. И зовут ее Надежда.

— Вот как, — протянула Надя. — Ну-ну, поздравляю. Кстати, а эта твоя девушка, она уже дала согласие?

— Н-нет еще... Но я очень надеюсь.

Мимо прошла древняя, как мир, дворничиха с метлой, подозрительно глянула из-под седых, кустистых бровей. «Сглазила, старая карга», — подумал Алексей и чуть было не перекрестился. Крестился он редко, разве что в церкви у Генки, да и то в самые торжественные моменты. Например, перед исповедью.

— Надеется он, понимаете ли, — насмешливо сказала Надя. — Как видишь, не все так просто, уважаемый доктор. И, между прочим, мы уже опаздываем к моим, стол наверняка накрыт. Надо еще вина успеть купить.

— А по какому... По какому поводу?

— Балда! — легонько шлепнула она Алексея по темечку. — Ведь сегодня у Игоря день рождения. Забыл?

— Честно говоря, забыл. Ну и как там наш именинник?

— Готовится принять участие в юниорском турнире. Ты знаешь, Игорь тебя очень любит, Леша.

Алексей был тронут до глубины души, и потому сказал полушутливо:

— Сегодня такой день, когда меня любит весь мир. И я люблю весь мир. И знаешь, что я сделаю? Я сделаю тебе официальное предложение. В присутствии твоих родителей и Игоря.

— Здорово придумал. Совместить сразу два праздника.

— Так значит, праздник будет? Второй? — обнял ее за плечи Алексей.

Вместо ответа Надя прильнула к его губам долгим поцелуем.

Старуха-уборщица смотрела на них печально и почему-то шевелила морщинистыми губами. Она, наверное, и заплакала бы, да с годами пересохли ее глаза, разучились источать благодатные слезы...

Глава четырнадцатая

— Бли-и-ин!

Бывший атташе советского посольства в Париже Валентин Николаевич Мокеев ожесточенно тряс кистью руки, по полу с лязганьем катилась раскаленная крышка сковороды. Кухня наполнилась клубами пара, и не сказать, чтобы пар этот источал аппетитные ароматы.

Он ринулся к раковине, до отказа отвернул кран и сунул обваренную руку под мощную струю ледяной воды. С облегчением перевел дух.

Глухо стукнула входная дверь, и на пороге кухни возник Геннадий — в стильных джинсах и футболке с изображением Боба Дилана.

— Бог в помощь, батя, — дружелюбно приветствовал Мокеева-старшего настоятель храма Ильи Пророка.

— Здравствуй, сынок. — Валентин Николаевич вытер руки прожженным в нескольких местах полотенцем. — Вот, понимаешь, стряпаю...

— Вижу.

— Уж сколько лет мы без матери, сынок, а я все никак не научусь готовить. Боюсь, опять бурдой тебя потчевать придется.

— Посолить не забыл?

— Ну, конечно, забыл! Ща-ас... — и, схватив солонку, экс-атташе принялся обильно посыпать содержимое шкворчащей сковороды крупной, «лошадиной» солью. — Кстати, днем звонил твой друг Сергей.

— Что же он мне на мобильный не перезвонил? — удивился Геннадий.

Валентин Николаевич посмотрел на сына с хитринкой:

— А ему нужен был не ты, а я, — с хитринкой посмотрел на сына Валентин Николаевич.

— Это еще зачем?

— Затем, — вздохнул бывший дипломат, — что Сергею срочно понадобилась шенгенская виза. Аж завтра. Н-да... Пришлось самому напрячься и людей в Москве напрячь. Вот, сынок, — он со значением поднял вверх палец, — как жареный петух в одно место клюнет, так все к старику Мокееву бегут...

— Батя, ну как может клеваться жареный петух? Его ж без головы жарят, а, значит, и без клюва... Значит, у Сергея все в порядке? Он летит на выставку в Венецию?

Иеромонах Герман почувствовал слабый укол совести. В этот радостный день он, занятый планированием реконструкции внутреннего убранства храма, совсем позабыл о своих друзьях. Не позвонил Сереге, не узнал, как прошла комиссия, которой так боялся изобретатель водяных домов...

И как там дела у Лешки? Стал он официальным женихом или пока еще нет?

— В общем, буквально полчаса назад мне перезвонил старый знакомый из МИДа, — продолжал вещать Мокеев-старший. — Дело в шляпе. Твой друг должен завтра, не позднее пяти часов вечера, быть в Москве, в итальянском генеральном консульстве. Точнее, не в самом консульстве, а в так называемой консульской канцелярии. Большая Полянка, дом два дробь десять. Запоминаешь?

— У меня абсолютная память, батя. Передам все слово в слово.

— Значит, так. В отличие от обычных граждан, за которых не хлопочут друзья твоего отца, Сергею не требуется ни приглашение, ни справка с места работы. Только загранпаспорт, две цветные фотографии три на четыре и сто тридцать пять евро.

— На какой срок виза?

— На две недели.

— Вполне достаточно, — кивнул Геннадий.

— Ну, что, твой отец еще кое-что может в этой жизни, а? Или ты с этим не согласен?

Геннадий поджал губы, покивал головой. Как тут не согласишься, если именно с помощью батиних высокопоставленных друзей Генку, ничем не примечательного провинциального парнишку, сразу после школы приняли на дневное отделение Сергиево-Посадской семинарии!

Удивительные все-таки создания — люди. Когда лет семнадцать назад отца с кандебобером выставили из Парижа и навсегда уволили из дипломатического корпуса, он оказался в полной изоляции от общества. Все чиновные друзья-приятели, как один, отвернулись от него, и он чуть с ума не сошел, часами пялясь на упорно молчащий телефонный аппарат.

Но стоило Мокееву-старшему уехать вместе с сыном из Москвы, поселиться в этом родном для себя городе, как отношение старых знакомых рез-

ко изменилось. Бывший дипломат стал почитаться изгнанником, уволенным из российского посольства во Франции в результате интриг. Посочувствовать такому, помочь — дело чести. И сочувствовали, и помогали... Несколько лет кряду в этой скромной квартирке раздавались телефонные звонки со всего света — из Франции, США, Австралии... Даже с Коморских островов звонили. А пару раз в гости к отцу приезжала целая компания успешных, довольных жизнью дипломатов. Понавезли сувениров, дорогой выпивки, деликатесов...

А понадобилось — так и сына в духовную семинарию пристроили. Потом добились распределения не в какой-нибудь захолустный полуразрушенный монастырь, рядовым иеромонахом, а сюда, в родной город, к отцу. Сразу — настоятелем храма.

С чего это вдруг такая запоздалая поддержка провалившегося в тартары бывшего сослуживца? Да все дело в том, что Мокеев-старший прекратил маячить перед глазами, тщетно взывая к восстановлению справедливости. Перестал навязывать приятелям-дипломатам свое опасное для их карьеры общество, канючить, просить помочь устроиться на любую должность — хоть в Кот-д'Ивуаре, хоть во Французской Гвиане, и превратился из сомнительного друга в далекого и безвредного изгоя.

— Тебя не было всю ночь, батя. Что на этот раз? Преферанс, покер? Штосс, баккара?

— А, надоело все...

— Ой, ли?

— Всю ночь рубились в очко. Шикарно рубились, сынок.

— А у меня сегодня, батя, случилась великая нечаянная радость.

— Вот как?

— Угу. Одна богатая вдова пожертвовала фантастические деньги. Завтра престольный праздник, а послезавтра нанимаю рабочих, закупая стройматериалы... Хочу иконостас заказать.

Валентин Николаевич выключил плиту, повернулся к Геннадию:

— Поздравляю, сынок. И с праздником, и с деньгами. Ах, сынок, знал бы ты, сколько я выиграл за ночь! Любо-дорого... Если мне отдадут мой выигрыш, обязательно помогу тебе.

— Похвальное решение, — кивнул иеромонах.

— Да уж... Я ведь, пойми, не ради наживы играю, а ради острых ощущений. Но мне не отдадут такие деньжищи. А я не бандит, чтобы долги выколачивать. К тому же, у человека просто нет возможности со мной расплатиться.

Валентин Николаевич загремел тарелками, а Геннадий, напевая «Да воскреснет Бог», направился в свою комнату.

Там он на ходу включил телевизор, вытянул из шкафа домашние спортивные штаны. И замер, глядя на экран, успев просунуть в штанину только левую ногу, — стандартная фифа-журналистка, а может, ведущая программы, беседовала с кем-то удивительно знакомым.

— И все-таки, Виктор Петрович, — допытывалась ведущая, — в чем секрет столь грандиозных успехов вашего концерна на российском и международном рынке? В чем причина вашего авторитета у нас и за рубежом?

Медальный лик вчерашнего мужика из пивного бара заполнил собой весь экран. Казалось, Виктор Петрович смотрит прямо в глаза Геннадию и обращается непосредственно к нему:

— Причина успехов проста — деловая порядочность. Я всегда выполняю свои обязательства. Любой ценой. Еще ни разу не было случая, чтобы я не сдержал данное мною слово. И не будет.

Внизу экрана появилась бегущая строка: ОАО «КОНЦЕРН "ЕВРАЗИЯ-ТРАСТ"». И — длинный ряд контактных телефонов...

Геннадий, путаясь в штанах и едва не упав, кинулся к столу, схватил ручку и принялся прямо на скатерти записывать номера телефонов.

Между тем, картинка на экране резко сменилась, и теперь на Геннадия смотрел уже не Виктор Петрович, а холеный милицейский капитан. Значит, интервью с магнатом прервали для экстренного выпуска местного телевидения, машинально подумал иеромонах.

Он снял трубку допотопного телефона и принялся накручивать диск, сверяясь с номером на скатерти.

Милицейский капитан, лицо которого Геннадий смутно помнил (кажется, тот пару раз приходил на литургию), читал с экрана по бумажке:

— Как уже сообщалось, с наступлением полнолуния в нашем городе вновь активизировался серийный убийца-маньяк. Позапрошлой ночью он зверски зарезал известного в нашем городе детского шахматного тренера Леонида Пилишека. — И на экране появилось широкое лицо женоподобного Ябы.

Геннадий мельком взглянул на фотографию жертвы, продолжая набирать номер концерна «Евразия-Траст», но от волнения его палец срывался на пятой-шестой цифре.

«Святые угодники!» — прошептал он и принялся тщательнее крутить пластмассовый диск.

Занято!

На экране снова вещал разъявшийся капитан милиции:

— Таким образом, серийный убийца изменил своему прежнему принципу подбора жертв, своему, так сказать, преступному кредо, ведь вплоть до убийства тренера Пилишека маньяк охотился исключительно на курящих женщин среднего возраста. Столь необъяснимая перемена в поведении серийного убийцы вызывает споры среди психиатров, привлеченных к расследованию убийств...

— Тоже мне, загадка, — пробормотал Геннадий, вновь набирая заветный номер. — Просто ошибся в темноте, обознался. Принял тренера за толстую курящую бабу.

В трубке плыли нескончаемые длинные гудки.

— Еще более страшная трагедия произошла минувшей ночью, — продолжал капитан, и Мокеев-младший невольно поднял глаза на экран. — Известный правоохранительным органам маньяк убил в разных частях города двух женщин, сорока двух и сорока четырех лет. Экспертиза установила, что, судя по характеру ранений, все аналогичные убийства совершены при помощи армейского штык-ножа. И, как в прошлых случаях, на месте обоих преступлений обнаружены детские маски. Вот они. — Капитан поднял со стола и продемонстрировал зрителям маски медвежонка и кота. — Согласно проведенным анализам, этим маскам больше пятнадцати лет. В настоящее время они не производятся и в продаже отсутствуют. У следствия уже десять подобных масок, ровно по числу совершенных маньяком убийств. Одиннадцатая маска, самая первая, была найдена на месте убийства антилопы. Можно предположить, что маньяк — человек в возрасте от двадцати до тридцати лет. Видимо, серийный убийца хранил с детства целую коллекцию масок.

Геннадий поразился, насколько зловеще смотрелись в милицейских руках безобидные, веселые звериные мордашки. Но в этот момент на другом конце провода наконец-то сняли трубку, Геннадий поспешно схватил пульт и отключил телевизор.

— «Евразия-Траст», — пробубнил в ухо иеромонаха грубый мужской голос.

— Будьте добры, соедините меня с Виктором Петровичем, — как можно уверенней сказал Геннадий и осознал, что подобная просьба прозвучала, по меньшей мере, глупо — уже одиннадцатый час вечера, президента концерна просто не может быть в офисе...

— Босса нет в офисе, — подтвердил несложную догадку Мокеева-младшего невидимый собеседник. — Оставить сообщение?

— Гм... — прокашлялся Геннадий. — Соедините с квартирой, виллой, машиной... Это срочно, понимаете?

— Я из службы безопасности, — скучно ответил грубый голос. — И в мои полномочия не входит...

— Передайте Виктору Петровичу, что звонит Геннадий, — зачистил иеромонах, — с которым он вчера заключил очень крупную сделку.

На том конце помолчали — видимо, охранник пребывал в нерешительности.

— Ждите у аппарата, — наконец буркнуло в трубке.

Глава шестнадцатая

Огромный бассейн под открытым небом имел форму изогнутой фасолины, и мириады красных, синих, зеленых и желтых огоньков подсвечивали толщу воды, соперничая с высыпающими на черном небосклоне звездами.

В бассейне плескалась обнаженная наяда, а Виктор Петрович, в махровом халате и с бокалом мартини в руке, блаженно развалился в плетеном кресле-качалке. Созерцание плавающей в бассейне наяды было не столько возбуждающим, сколько умиротворяющим и возвышенным. Труд-

ный день позади, дочка Юлечка сладко спит в своей комнате, где-то в глубине огромной виллы...

Недавний развод с женой свершился почти безболезненно: стороны быстренько пришли к взаимному удовлетворению. Как говорится, «деньги не боги, но делают большие помощи». В результате, единственная дочка Юлечка, самое любимое на свете существо, осталась с Виктором Петровичем.

Нанимая Ирину в качестве воспитательницы, он, конечно же, подразумевал, что с ее стороны получит нечто большее, нежели простое исполнение обязанностей по присмотру за девочкой. А чтобы Ирина не чувствовала себя содержанкой, президент концерна «Евразия-Траст» определил ей такой оклад воспитательницы, которому позавидовали бы иные бизнесмены.

И надо же! С первых же дней Ирина с Юлечкой нашли общий язык и подружились, словно родные мама и дочка. Впрочем, некорректное сравнение: родная мать относилась к ребенку, как к тягостной, неизбежной обузе, называла девочку «наказаньем Господним» и досаждала Виктору Петровичу нудными просьбами нанять воспитательницу. Чушь какая! Это при живой-то матери...

И теперь, глядя на плескавшуюся в бассейне Ирину, Виктор Петрович в который раз ловил себя на мысли: а может... Ведь им так хорошо втроем.

Но нет! Нет. Не следует второй раз наступать на те же грабли. С бывшей женой ему тоже было хорошо, вплоть до того злополучного дня, когда в паспорте Виктора Петровича появилась отметка о браке.

На плетеном столике запиликал сотовый, и магнат нехотя нажал на клавишу:

— Да. Знаю такого... Соедини. Добрый вечер, Геннадий. Или правильной будет — отец Герман? Помню, ну, конечно. Да, миллион фунтов стерлингов. На троих. Послушайте, Геннадий, я всегда держу свое слово. Ах, слышали по телевизору? Да, я сказал истинную правду.

К бортику бассейна неслышно подплыла Ирина, сложила руки на теплом мраморе, уткнулась в них подбородком.

— Так, все правильно, — продолжал бизнесмен. — Вы, Геннадий, все очень хорошо запомнили. Вот именно, куда делся рубль. Последний срок? Завтра в полночь. Желаю успеха.

Он дал отбой, положил трубку и с задумчивым видом откинулся назад. Ирина уже выскользнула из бассейна, накинула короткий легкий халатик, склонилась над Виктором Петровичем, опершись изящными ладошками о плетеный столик, и беззаботно поинтересовалась:

— Опять миллионная сделка?

— Других не заключаем, — улыбнулся магнат. — Впрочем, на этот раз тут нечто иное... Я, Иришка, вчера случайно познакомился с замечательными парнями.

— Это когда в парке от охраны трусцой сбежал? — развеселилась Ирина. — Бедные Слава и Ваня, они чуть с ума не посходили. Решили, что тебя похитили.

— Да кому я нужен, кроме тебя да Юлечки, — отшутился Виктор Петрович. — Иди ко мне.

Ирина бабочкой вспорхнула к нему на колени, и Виктор Петрович, раскачиваясь в кресле, продолжал:

— Теперь таких парней, как эти Алексей, Геннадий и Сергей, редко встретишь. Дельные, талантливые ребята, у каждого — своя четкая цель в жизни.

Ирина наморщила носик, видно было, что умственное усилие причиняет ей немалые трудности.

— Один из них — священник? — наконец спросила она.

— Да, Геннадий — это отец Герман, — удивился Виктор Петрович. — Алексей работает кардиологом в нашей больнице, а Сергей — что-то вроде архитектора... Ты с ними знакома?

— Да нет, случайно встретились вчера в зоопарке, возле пеликана. Они его, кажется, постоянно подкармливают...

— Я же говорю, славные парни. У меня чутье, ты знаешь.

— И что же тебе говорит твое чутье?

— Что наше вчерашнее знакомство было не случайным.

— Ты возьмешь их в свою команду?

— Посмотрим. Но, в любом случае, я каждому сделаю достойное предложение.

— От которого невозможно отказаться?

— Совершенно невозможно.

И Виктор Петрович легонько щелкнул девушку по носу. Он был в отменном настроении, этот удачливый и жизнелюбивый толстосум.

Глава семнадцатая

Алексей полулежал на диване с телефонной трубкой возле уха и притворялся, будто и в самом деле слушает всю ту ахиною, которую нес Генка. Правда, время от времени, машинально вставлял в поток «монашеского» красноречия отрывистые «да» и «неужели?», но вдумываться в смысл возбужденной тирады друга совершенно не хотелось.

Он блаженно смотрел на окружающий его мирок сквозь обручальное кольцо, с которого свисала на нитке магазинная бирочка. «В кадре» поочередно возникали свирепые маски inferнальных злодеев, каких-то животных из потустороннего мира. Из ценных пород дерева были сделаны эти маски, и покупал их Леша в дальних краях, за синими морями, за высокими горами... Теперь забавные страшилища украшали стены его современной двухкомнатной квартиры.

Несколько лет назад будущего доктора, тогда еще студента мединститута, захватил всеобщий туристический бум. Родительские денежки позволяли с лихвой утолить жажду путешествий, и Алексей с упоением молтался по странам и континентам. Побывал в Таиланде, на Цейлоне, в Индонезии, не говоря уж о тривиальных Турции и Египте.

Во Флориде, будучи уже перспективным врачом, Леша оказался не как турист, а в качестве делегата международного конгресса кардиологов. И был неприятно поражен тем высочайшим уровнем жизни, который считался совершенно нормальным для его американских коллег.

Зависть? Скорее всего. Но зависть бесплодная, абсолютно не побуждающая к действию. И когда его новый друг, кардиолог по имени Гарри, намекнул Алексею, что тот мог бы перебраться во Флориду и открыть частную практику, молодой русский доктор лишь горестно усмехнулся: его капиталов хватало только на то, чтобы купить в Майами пару-тройку индейских масок. Кроме того, кредита на создание собственного диагностического кабинета иммигранту из России ни один банк не выдаст.

И он постарался забыть тот разговор с Гарри, чтоб не растревлять себе душу. В конце концов, достойно жить можно и на родине...

Сегодня днем, после зоопарка, они с Наденькой не только забежали в супермаркет за хорошим вином, но успели еще и нагряться в ювелирный. Купили обручальные кольца. Собственно говоря, предстоявшее официальное сватовство — это ведь так, формальность, родители Нади будут рады видеть Алексея своим зятем, не говоря уж о четырнадцатилетнем Игоре, которому скоро предстоит перебраться сюда, в эту квартиру.

Алексей, кстати, поведал парнишке о такой перспективе: перед тем, как сесть за праздничный стол, они разыгрывали очередную безнадежную для кардиолога партию в шахматы. Мальчик просто засветился от счастья и даже импульсивно сделал неправильный ход:

— Вот здорово, Алексей Александрович! Я верил, я надеялся, что вы с Надей поженитесь! Так мы теперь вроде как братьями будем?

— Нет, ты теперь мой шурин, а я — твой зять.

— Зять! — радостно захохотал мальчик, не веря своим ушам. — Вы же на десять с лишним лет меня старше.

— Ну и что, — пожал плечами Алексей. — Так бывает, это нормально. И, кстати, давай-ка переходить на «ты». Привыкай, шурин.

В комнату прошмыгнула Надя, с заговорщицким видом протянула жениху отцовский галстук — вполне модный, в сине-белую полоску.

После торжественных речей и клятв мать Надежды, прослезившись, порылась в старом шкафу, вытащила на свет Божий икону Николая Чудотворца и благословила жениха и невесту. Алексей хотел было встать перед образом Угодника на колени, но вдруг устыдился — это будет выглядеть слишком нарочито, «невзаправду», поэтому, согнувшись в полупоклоне, он просто поцеловал запыленный лик.

Праздник удался. Пили за счастье нареченных, за их будущих детишек, за выздоровление Игоря и его предстоящую победу на юниорском шахматном турнире. Алексей, никогда в жизни не увлекавшийся спиртным, захмелел. Улучив момент, он подловил Надю в коридоре и привлек к себе.

— Переезжай ко мне прямо сейчас, — жарко шептал он на ухо девушке. — Ну, какая разница? Все равно ведь скоро поженимся.

Надя, которая за столом пила только сок и минералку, посмотрела умоляюще:

— Леша, любимый, давай потерпим. Давай не будем портить нашу свадьбу...

В душе Алексей понимал, что она права. Ведь так легко расплескать драгоценный, наполненный до краев сосуд земного счастья!

Глава восемнадцатая

Внезапно Алексей вскочил с дивана, сердце бешено колотилось, но вовсе не от радужных картин предстоящей семейной жизни.

— Что ты сказал? Повтори! — закричал он в трубку. До него вдруг начал доходить смысл возбужденной речи иеромонаха Германа.

— Ты что, не понял? — орал Генка в самое ухо. — Это серьезно! Он не пошутил! Он хозяин крупнейшего концерна! «Евразия-Траст!» Да, того самого! Для него миллион фунтов стерлингов — семечки, даже не семечки, а шелуха! Я только что говорил с ним, с этим Виктором Петровичем. Он подтвердил свои условия.

Алексей нервно забегал по комнате с телефонным аппаратом в руке, бормоча:

— Так что же это получается... — бормотал он.

— А то и получается, что мы зря потеряли целые сутки! Даже больше суток! — надрылся в трубку Геннадий.

— Черт возьми! Ты прав. Целый день прошел впустую! Мы бы уже могли найти решение. По-моему, там все не так уж сложно. У тебя что было в школе по алгебре?

— Пятерка.

— У меня тоже. Ну, что, любезный однокашник, тряхнем стариной?

— Тряхнуть-то тряхнем... — Геннадий явно замялся, будто делая над собой какое-то усилие. — Тут вот какая штука. Этот чокнутый миллионер, Виктор Петрович, сказал, что деньги может получить только один из нас. Ну, в общем, кто первый...

— Что ж, меня это условие вполне устраивает, — сухо ответил Алексей. — Надеюсь, ты не будешь предъявлять мне финансовые претензии, если я первым найду решение загадки.

— Разумеется. Могу ли и я рассчитывать на аналогичное обязательство с твоей стороны?

— Безусловно, — рубанул доктор и дал отбой.

Как хорошо, что сегодня он не привел Надю к себе домой! Значит, предстоящей ночью ему ничто не помешает заняться решением голово-

ломки, предложенной чудачком по имени Виктор Петрович.

В том, что он сумеет первым разгадать несложную загадку с якобы исчезнувшим рублем, Алексей не сомневался. Судьба на его стороне. Она просто обязана быть на его стороне! Ведь именно ему из троих школьных приятелей больше всего нужен этот миллион фунтов стерлингов. Именно его жизненное поприще — самое благородное и нужное людям. А не Генкины высокопарные проекты с церковного амвона, и не Серегины проекты никому не нужных домов из воды.

Глава девятнадцатая

Архитектурный дизайнер-технолог, чуть не пританцовывая от волнения, стоял на обочине и ловил такси. Как там Валентин Николаевич, Генкин папаша? В самом деле поможет с визой или просто треплется, возомнив, будто он после пятнадцатилетней отставки еще кому-то нужен в Москве?

С билетом до Венеции вопрос вроде бы решился. До десяти вечера проторчал Сергей в местном туристическом агентстве, отлавливал в Интернете невостребованную бронь на любой самолет в Италию, хоть в Палермо, хоть на Сардинию! Голяк, ну, хоть плачь. Вот через пару дней — пожалуйста, милости просим.

Он почему-то думал, что главное — получить утверждение проекта водяного дома от экспертной комиссии, а дальше все сложится само собой. Удивительно, но факт: точно такой же наивный взгляд на действительность был и у профессора Меницкого. Какого лешего он не позаботился о своем выдающемся ученике, не взял на себя административные функции? Молодой талант не должен заниматься такой ерундой, как всякие там билеты, визы, места в гостинице. Его дело — творить!

Теперь Сергею уже казалось, что недавняя комиссия, которой он так страшился и которую почитал решающим моментом в своей жизни, была сущим пустяком, не стоящим душевных волнений. Да любой дурак с восторгом одобрит его гениальную идею, это же ясно, как божий день! И чего он переживал из-за предстоящей демонстрации макета? Административные препоны — вот из-за чего надо было дергаться, заблаговременно рыть носом землю.

Так неужели же из-за такой мелочи, как виза и билет, рухнет вся его творческая карьера? Следующая Международная архитектурная выставка в Венеции состоится только через два года. За это время какой-нибудь «умник» в США или Европе обязательно «дотумкает» до аналогичной идеи. Или кто-нибудь здесь, в России, просто-напросто украдет у Сергея его открытие. Кстати, именно из таких соображений Сергей и не торопился «светить» свой водяной дом в разлюбезном Отечестве: тут автор вообще бесправное существо, и ни в одном суде ты ничего не докажешь.

Когда в восемь вечера последняя сотрудница турагентства решительно засобиралась домой, Сергей взмолился:

— Девушка, милая! Задержитесь, Христа ради. Помогите. Просто так, за красивые глаза!

Миленькая брюнеточка внимательно посмотрела на него и согласилась. К началу одиннадцатого спасительный билет был-таки отыскан.

— Есть Венеция! — торжественно провозгласила она, когда Сергей в очередной раз нервно курил возле форточки.

Он тут же подскочил к ней, через плечо заглянул в монитор и сразу увидел заветное «VENIS».

— Значит, так, — отчего-то волнуясь, заговорила брюнетка. — Вылет послезавтра...

— Ч-черт!

— ... В полпятого утра. Нормально?

— Ну, это еще куда ни шло.

— Это транзит, прямых рейсов на Венецию нет. Из «Шереметьево-2» «Аэрофлотом» до Вены, из аэропорта «Вена Интернешнл» на самолете компании «Алиталия» до Милана, из Милана до Венеции на «Эмбрайере»... Это такой маленький самолет для местных авиалиний.

— Да хоть на «кукурузнике»! — воскликнул Сергей.

— Что вы, «Эмбрайер» — вполне комфортный самолет. В «Марко Поло» будете в начале десятого утра по местному времени.

— Марко Поло? — растерялся дизайнер-технолог. — А Венеция?

— «Марко Поло» — это название аэропорта в Венеции. Оттуда до города четырнадцать километров.

— Это несерьезно, — по-барски махнул рукой Сергей, — тачку возьму. Слушайте, вы просто моя спасительница! Выставка открывается в полдень, я успеваю по-любому!

— Так что, заказываем билет?

— Давайте, давайте!

Заблудший в недрах Интернета билетик был тут же схвачен, оприходован, то бишь забронирован.

— Триста сорок девять евро, — подытожила брюнетка.

Сергей дрожащими руками отсчитал триста пятьдесят, и Варя (так звали девушку) торжественно поклялась завтра спозаранку перевести безналичку в турфирму, торгующую билетами в старушку Европу.

— Билет получите прямо в аэропорту, у стойки «Аэрофлота».

Похоже, она радовалась этой маленькой победе над злым роком ничуть не меньше, чем дизайнер-технолог...

Сергей наконец-то поймал такси, плюхнулся на заднее сиденье, назвал свой адрес. В нагрудном кармане затрепыхал мобильный, переведенный на вибрационный режим звонка. Звонил Геннадий.

— Привет, зодчий, — начал иеромонах. — Пляши!

— Не могу, я в тачке еду, — ответил Сергей, и сердце его сжалось от счастливого предчувствия.

— Ну, так и быть, дома спляшешь, — милостиво разрешил Геннадий. — Короче, будь завтра до пяти вечера в итальянском консульстве в Москве. На Полянке. Визу тебе проشتهмпелюют.

Сергей молчал. За последнее время он уже так свыкся с тяжеленным камнем, постоянно висевшим на сердце, что теперь, когда этот валун наконец-то свалился, конструктор водяных домов испытывал странное ощущение легкости и пустоты. И пустота эта была приветливой, долго-

жданной и совершенно естественной. Может быть, такое состояние души и следует называть счастьем?..

Геннадий позвонил Сергею не только за тем, чтобы порадовать его решением визовой проблемы. Он считал своим долгом сообщить другу о разговоре с Виктором Петровичем. А там пусть уж сам решает, участвовать ему в гонке за миллионом фунтов стерлингов, или нет.

— У меня есть для тебя еще одна потрясающая новость, — начал было иеромонах и вдруг оборвал себя на полуслове.

— Что за новость? — послышался в трубке голос Сергея.

«Ну, почему, с какой стати я должен сообщать ему о миллионе фунтов? — сам себе дивился Геннадий. — Достаточно того, что я уже сморозил одну глупость — сдуру рассказал все Лешке. А Серега... У него и так все замечательно, свой приз он получит через несколько дней. Заслуженный приз, между прочим, выстраданный. А уж «халяву» предоставьте нам, бесталанным ремесленникам».

— Так что за новость? — повторил на том конце дизайнер-технолог.

— Леха женится. Я его уже поздравил.

— Ну, какая же это новость...

— Как же? Теперь он официально носит титул жениха.

— Раз так, я ему позвоню, выскажу свои соболезнования.

— Благословляю тебя, сын мой.

«Надеюсь, Леха не такой идиот, как я, и не станет трепаться понапрасну, — решил иеромонах Герман. — Ведь у Сереги еще достаточно времени, чтобы решить задачку раньше нас. Кто их знает, этих гениальных архитекторов, у них мозги особые...» Вслух же сказал:

— Я тебя от души поздравляю и обещаю молиться за твои успехи в Венеции.

— Аминь! — весело отозвался Сергей.

На том разговор и закончился.

— «Да придут на тя прузи и песьи мухи», — пробормотал иеромонах свое излюбленное и отнюдь не доброе «пожелание» из псалтири. И машинально отметил про себя, что по-церковнославянски «прузи» — это не что иное, как тараканы. «Вот почему их в народе издавна именуют пруссаками», — сделал неожиданное и совершенно ненужное открытие Геннадий.

Лучше б его осенила идея касаясь предложенной Виктором Петровичем головоломки...

Геннадий тягостно размышлял, еще раз припомнив все детали загадки. Н-да... Пока что он просто не представлял, с какой стороны взяться за ее решение. Ничего, есть одна идея...

Один соперник отсечен от гонки за миллион фунтов, теперь их на беговой дорожке осталось только двое: он и Алексей. А Сергей...

— О, благословити воздушное путешествие раба божьего Сергия Господу помолимся, — вполголоса запел иеромонах Герман. И добавил к канонической молитве отсебятину: — Лети, голубь, в свою Венецию. Флаг тебе в руки и хвост тебе в гриву. — Входя на кухню, он подмигнул отцу: — Батя, есть дело.

Глава двадцатая

— Ну, пожалуйста, избавь меня от этого борава! — капризно надула губки Ирина.

— Это ты про своего телохранителя? — поднял бровь Виктор Петрович.

— Да. Иначе я стану сбегать от него, как ты вчера от своих мордovorотов.

— Нет уж, придется тебе потерпеть. Я же не хочу, чтоб тебя зарезал маньяк.

— Фи! — презрительно скривилась наяда. — Этого придурка только толстые сорокалетние бабищи интересуют, так что мне ничего не грозит.

Виктор Петрович не стал уточнять, что звероподобный телохранитель приставлен к ней сегодня не столько ради нее самой, сколько для безопасности Юлечки, и поспешил вернуться к прерванному разговору:

— Давно хочу построить собственную клинику для сотрудников, и заведующий отделением кардиологии у меня на примете, можно сказать, уже есть.

— Алексей? — Глаза девушки предательски блеснули, но Виктор Петрович этой мимолетной перемены в лице Ирины не заметил.

— Может быть, может быть... Кстати, ты читала «Ледяной дом» Лажечникова?

— Читать не читала, но слышала. Что-то такое построили при Петре Первом.

— При его племяннице, Анне Иоанновне.

— Да какая разница! Все равно — сто лет назад.

— Вот именно. И даже больше, чем сто. И вот в наше время Сергей избрал дома... знаешь, из чего? Из воды. Ты бы хотела жить в водяном доме?

— Нет, не хотела бы. Мне бассейна хватает. Дом должен быть теплым, уютным... С семейным очагом. А какой уют, какой очаг посреди воды?

— Молодец, — потрепал девушку по щеке Виктор Петрович, — я тоже так думаю. Но представительский коттедж с водяными стенами все-таки обязательно построю. Ты только подумай: ни у кого в мире нет такого дома!

— Понятно. Это чтобы все обалдели.

— Примерно так. Буду устраивать там вечеринки, а главное — возить туда деловых партнеров. Будет очень кстати, если перед подписанием контракта у них шарики слегка зайдут за ролики. А если еще в Венеции эта идея получит какой-нибудь приз, то я куплю у Сергея патент на водяные дома. Любые деньги заплачу, не то что какой-то миллион фунтов.

— Ну а монах? Его ты как собираешься облагодетельствовать? Им ведь вроде житейские блага ни к чему.

— Геннадия надо просто помочь отреставрировать церковь. И лично проконтролировать работы. Если окажется, что он бескорыстный, толковый иеромонах, то...

— То ты купишь ему собственный монастырь, — пропела Ирина.

— Фу, как вульгарно! Не надо, Иришка, смеяться над святыми вещами.

— Но ведь я угадала, или почти угадала, верно? — вздохнула девушка. — Ты ведь у нас такой. Если у кого-то из твоих друзей заболит зуб, ты купишь ему стоматологическую клинику.

Виктор Петрович рассмеялся: все-таки своим простеньким умом Ирина довольно правильно определила «бычий обычай» магната решать все проблемы радикально и всеобъемлюще.

— Нет, монастырь мы покупать не будем. Другое дело — поручить Геннадия возглавить реставрацию Крестовоздвиженского монастыря. Там сейчас на его месте автобаза. А какой красивый собор, какие башни по углам крепостных стен! Ну, с транспортниками я вопрос решу, а вот с епархией... — Казалось, Виктор Петрович разговаривает не с Ириной, а с самим собой: он лишь озвучивал переполнявшие его идеи, а вовсе не спрашивал мнения девушки. — Я ведь уже давал архиепископу крупную сумму денег на восстановление Крестовоздвиженского монастыря три года назад. А он взял и употребил их на строительство епархиального дома. Целый дворец отгрохал. Нет, я понимаю, что он не себе лично, что управление епархии действительно нуждалось в достойном помещении. И все-таки как-то обидно. У нас в России практически повсеместно восстановление святынь начинается с возведения хором для священноначалия, а храмы так десятилетиями и остаются в руинах.

Ирина изо всех сил делала вид, что ее страшно интересует эта далекая, по представлениям девушки, от реальной жизни тема. Еще покойная бабушка учила подрастающую Ирину, что самую крепкую привязанность мужчина испытывает к той женщине, которая умеет заинтересованно выслушивать его разглагольствования.

— Так вот, Иришка, если отец Герман успешно справится с полной реставрацией своего храма, я передам в его ведение средства на восстановление монастыря. Я недавно проконсультировался со святыми отцами, и они сказали, что по церковной традиции такой монах-строитель становится игуменом нового монастыря. Так что можно будет поставить архиепископу сие условие. А там...

— Что «там»? — спросила Ирина лишь за тем, чтобы как-то обозначить свое участие в разговоре.

— Не знаю, не знаю... Архиепископ совсем одряхлел, максимум, лет через пять-шесть уйдет на покой. И если за эти годы отец Герман, будучи игуменом, себя проявит, если заочно окончит духовную академию...

— Ого! — развеселилась Ирина. — Нет, ну, водяной дом — это я еще понимаю, тут важно пыль пустить в глаза...

— Водяную пыль, — уточнил магнат.

— Но иметь своего епископа! Это уже, по моему, слишком.

— Что значит «своего»? — Виктор Петрович сердито снял наяду с колен, пружинисто поднялся из кресла и заходил взад-вперед, как всегда делал, когда развивал перед слушателем свои грандиозные, эпохальные идеи.

Глава двадцать первая

Бывший советско-российский атташе в Париже Валентин Николаевич Мокеев раскладывал по тарелкам клейкое, неопределенного цвета, вареву.

— Здесь фасоль, рис, чеснок, помидоры, огурцы соленые... — бормотал незадачливый повар. — Так, что же еще я клал? А, тушенку! Свиную, кажется.

— Батя! — с улыбкой прервал его Геннадий. — Ты что, забыл? Я же монах, по обету мясного не вкушаю. Нельзя мне, понимаешь?

Мокеев-старший виновато смотрел на сына:

— И впрямь забыл, сынок. Хотел как лучше. Что ж теперь делать-то, а?

— Ничего, батя, не переживай. Святые отцы учат, что по любви к ближнему, особенно к родителю, можно разок обет и нарушить. Любовь — она превыше всего. А я ведь люблю тебя, батька!

Валентин Николаевич смутился, зачем-то начал резать черный хлеб, хотя в плетеной тарелочке на столе его и так было предостаточно.

Геннадий сел на табурет, зачерпнул ложкой подозрительное месиво.

— Ты забыл помолиться, сынок, — озадаченно молвил отец.

— Благослови, Господи, ясти и питии рабом Своим, яко свят еси и преблагословенен во веки веков, аминь.

— Аминь, — эхом отозвался Валентин Николаевич и уселся напротив сына.

— Тут, батя, дело к тебе есть, — заговорил Геннадий с набитым ртом.

— Что за дело?

— Дело на миллион фунтов стерлингов.

— Два миллиона долларов, — автоматически перевел Валентин Николаевич. — Это хорошие деньги, сынок.

— Да, батя. Очень даже хорошие. И они могут стать моими. С твоей помощью.

— Но ты же монах, — с сомнением начал было экс-дипломат.

Геннадий раздраженно звякнул ложкой о тарелку:

— А кто сказал, что монах не может грамотно, с толком распорядиться деньгами? У Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского подчас скапливались огромные суммы, и при этом они оставались аскетами высшей пробы. И воздвигали на Руси храмы да монастыри. Я тоже не гудеть на этот миллион фунтов собираюсь. Я, батя, хочу стать епископом.

— За деньги? — ужаснулся Мокеев-старший.

— Да бог с тобой! Нет, конечно. Тут механизм несколько иной.

— Молод ты больно...

— Верно, — охотно согласился настоятель храма Ильи Пророка. — По сложившейся веками церковной традиции в епископы не хиротонисают раньше, чем в тридцать три года. Ну, ты понимаешь, возраст Христа.

— Тебе только двадцать пять.

— Угу, двадцать пять. Но! — Геннадий многозначительно поднял указательный палец. — Было в нашей истории одно исключение из правила.

Будущего патриарха Тихона сделали епископом в тридцать лет. И, как говорится, никто об этом впоследствии не пожалел. Таким образом, создан прецедент. И я вполне реально могу стать епископом в двадцать восемь-двадцать девять лет.

— И установить абсолютный рекорд, — невесело усмехнулся Валентин Николаевич.

— Ну, что за формулировки, батя! Уши вянут. Просто времена сейчас сокращаются, как о том пророчески сказано в Писании. То бишь, ускоряется жизнь. Это объективная реальность, батя.

Мокеев-старший смотрел, как сын уплетает несъедобную стряпню, сам он, в отличие от Геннадия, оказался не в состоянии доесть собственное варево и утешался мыслью о куске сервелата, припрятанного в глубинах холодильника. Потом, ночью, когда сын уснет, можно будет надевать бутербродов. Кажется, по-церковному этот грех называется «тайноядением».

— Что, неужели съедобно? — робко спросил он, глядя, как Геннадий кусочком хлеба насухо вытирает тарелку.

— Отменно. А теперь слушай дальше и вникай.

— Постараюсь.

— По церковному обычаю, если кто-то построит на свои деньги монастырь и сам при этом примет иночество, он автоматически становится игуменом этого монастыря. Я уже иеромонах. Осталось найти недействующий полуразрушенный монастырь и с благословения владыки — а он непременно благословит — восстановить эту обитель, украсить, собрать какую-никакую братию. И вот я уже игумен. А от игумена до епископа — один шаг. С моим-то образованием и мозгами... Вот для чего мне нужен этот миллион фунтов.

— С каких это пор ты стал церковным карьеристом? Ты не был таким, сынок, — печально покачал головой Валентин Николаевич.

— Эх, батя, батя... Ну, зачем ты так? На любом поприще надо двигаться вперед и вверх. Так устро-

ен мир. Господом устроен. И потом, я же не взятку собираюсь давать, а обитель Божию возродить. Что тут плохого, скажи на милость? Если б ты знал, за что иной раз некоторым дают епископство!

— Н-да... Крепко тебе, видно, в Париже заморочил мозги этот кюре. Он же католик!

— А католики что, не люди?

— Люди, конечно. И как это я тогда недоглядел...

В Париже, будучи восьмилетним мальчиком, Геннадий подружился с молодым кюре расположенного неподалеку от советского посольства собора. Кюре обучал пацана играть в футбол, они вместе собирали сливы в маленьком садике за собором... Но кюре никогда не «вербовал» его в католическую конфессию, уж тем более, не говорил о какой-то там церковной карьере. Во всяком случае, в памяти иеромонаха Германа такого не осталось.

Отцу эта дружба откровенно не нравилась, но он ничего не делал для того, чтоб ее прекратить.

— Ты, батя, совсем другим тогда занят был, тебе сына воспитывать недосуг было, — жестко сказал Геннадий. — Казино в «Мулен Руж», в «Георге Шестом»... Выиграл — с девочками в «Максим», проиграл — в пивнушку на Монмартре. А мать в это время...

Мать в это время сошлась с одним не слишком удачливым актером и в результате сбежала из советского посольства, переселившись к своему любовнику. Кажется, они и по сей день вместе... Геннадий подозревал, что именно это семейное обстоятельство, а вовсе не увлечение картами, стало решающим в отчислении бати — позорном, надо сказать, отчислении! — из дипломатического корпуса. Однако, как ни крути, но крах семейной жизни произошел именно из-за карт.

— Ну, выкладывай, сынок, что это за миллион фунтов стерлингов, который тебе светит? Чем могу, помогу.

— Сейчас, батя.

Геннадий поспешно покинул кухню, а Мокеев-старший подошел к окну, прислонился лбом к холодному стеклу.

В черном небе широким молочным озером разливалась полная луна. «Что-то сейчас поделявает наш маньяк?» — подумал Валентин Николаевич, но его невеселые размышления прервал вернувшийся на кухню Геннадий. Он снова увлек отца за стол, сел рядом, положил перед собой ручку и лист бумаги.

— Ты ведь, батя, игрок с большим стажем. Хороший игрок. Профессионал. Умешь мигом все варианты просчитывать. Вот тебе задачка. Решим — будет миллион фунтов стерлингов.

— Свой епископ — это, прежде всего, близкий по духу, энергичный и талантливый организатор, — продолжал «грузить» Ирину Виктор Петрович. — Я уже не так молод, пора подумать о вечном. Хватит переливать финансовые потоки из пустого в порожнее! То есть, конечно, я буду этим заниматься, пока такая деятельность приносит миллиардные барыши. Но! Надо, чтобы на эти прибыли создавалось что-то реальное. Я все откладывал, отсрочивал... Все думал, успеется, нужно сначала побольше «жира накопить». А тут в Евангелии прочел про одного богача, который все радовался, что сокровища его приумножаются день ото дня. Явился ему ангел и сказал: глупец, нынче ночью умрешь, и ничего с собой на тот свет не возьмешь!

— Ну, ты-то в самом расцвете сил, на себе испытала, — попробовала было свернуть разговор в игривое русло наяда.

— Мишка Веденеев тоже в расцвете сил был, мой однокурсник, — мрачно проговорил Виктор Петрович. — А выпил лишнего в бане, и хлоп — инсульт. А Венька Милорадов? Заказала его собственная женушка, и кончился мужик в сорок пять лет.

Ирина слыхом не слыхивала ни про Мишку, ни про Веньку, внезапно для самой себя она выкрикнула со слезами:

— Я тебя никогда не закажу! Я всегда буду тебя любить! — И осеклась. Слишком в лоб, слишком откровенно. Дура, какая же дура... Мужики всегда пугаются такого натиска.

— Верю, — коротко ответил Виктор Петрович, и Ирина с горечью осознала, что он даже не понял ее недвусмысленного призыва. — В области столько поруганных, полуразрушенных святынь, — развивал свою мысль президент концерна «Евразия-Траст». — Всегда, во все времена духовная база

Руси создавалась в содружестве иерархов и богатых людей. Без капитала никакой Святой Руси не было бы — ни в четырнадцатом, ни в пятнадцатом веке. И возведение храмов умные купцы почитали конечным смыслом своей торговли. Да и всей жизни.

— Так вот о каком миллионе фунтов вы говорили с этим священником, Геннадием?

— Не совсем, — лукаво улыбнулся магнат, — вчера в пивном баре я загадал всем троим загадку. И пообещал миллион фунтов стерлингов, если они сумеют ее разгадать. Только они не сумеют.

— Если ты в этом так уверен, то зачем же морочишь парням головы?

— Я же сказал, что у меня в их отношении большие планы. Хочу посмотреть, как они станут искать ответ на неразрешимый вопрос. Умеют ли они нестандартно действовать в сложной ситуации, к тому же будучи ограниченными во времени. Но если они вообще откажутся от попытки решить головоломку, это будет для них самой лучшей рекомендацией.

— Это что, та самая загадка про исчезнувший рубль? — смешно сморщила носик Ирина.

— Ну, да.

— Похоже, она тебе пригождается во всех случаях.

— Угу. Так и шагаю с загадкой по жизни. И недурно шагаю, согласись!

— Помню, вскоре после нашего знакомства ты загадал ее мне, — улыбнулась няда как можно очаровательнее. — И я тут же начала пытаться тебя: ну, скажи, скажи отгадку! А ты ответил, что я останусь с тобой до тех пор, пока не найду ответа, и мне сразу расхотелось докапываться до сути... А если кто-то из них все-таки решит твою головоломку? — прошептала она.

— Заплачу обещанные деньги, — пожал плечами Виктор Петрович. — Да только этого не может быть, потому что не может быть никогда.

— И что потом?

— Потом? — он задумался. — Дам им тысяч по сто фунтов стерлингов... Они мне жутко понравились.

— Тоже проверка на вшивость?

— Проверка характера.

— А я что, тебе совсем не нравлюсь? — Девушка отстранилась и лукаво посмотрела на Виктора Петровича.

— Ты восхитительна!

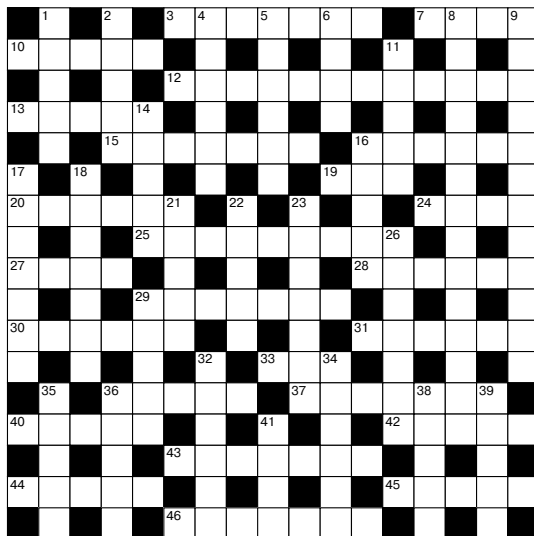
— Тогда я тоже хочу сто тысяч фунтов.

Президент концерна «Евразия-Траст» провел кончиком пальца по ее щеке.

— Скоро я отдам тебе Лондон на разграбление. На целый день — провел кончиком пальца по ее щеке президент концерна «Евразия-Траст». □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Что отличало во хмелю русского писателя Александра Куприна? **7.** Христианский праздник из детективного романа «Пелагия и белый бульдог» Бориса Акунина. **10.** Что американская музыкальная конференция 1977 года определила, как «плохой деревянный духовой инструмент, на котором никто не умеет играть хорошо»? **12.** Что было самое неприятное для нашего великого актера Андрея Миронова при общении с другими? **13.** Какое противозаконное действие «объединяет» медвежатника с хакером? **15.** На каком автомобиле киношный Фантомас ездит? **16.** Первый не мусульманский писатель, посетивший Иран со времен революции 1979 года. **19.** Продвижение фильма «Кошмар на улице Вязов»

проходило под слоганом «... убивает». **20.** Что подразумевают французские театралы, когда говорят, что «спектакль игрался при закрытых кассах»? **24.** Мафиози из кинокомедии «Невероятные приключения итальянцев в России» Эльдара Рязанова. **25.** Какая птица вдохновила русского поэта Нестора Кукольника сочинить стихотворение, ставшее романсом Михаила Глинки? **27.** Герой Станислава Любшина из фильма «Цит и меч». **28.** «Мы все рождаемся мокрыми, голыми и голодными. Но это только ...!» **29.** Контора, проморгавшая Штирлица. **30.** Мотор на языке автомобилистов. **31.** Столица, вокруг которой построили первую стену после Всемирного потопа. **33.** Бородатая антилопа. **36.** Какой из героев Алена Делона мстит, не снимая маски?

37. «Мозговидный грибной Квазимо-до» для Владимира Солоухина.
30. Убийца с картины «Умирающая Клеопатра» русского художника Ивана Аргунова. **42.** Какой очаг разжигала миссис Хадсон? **43.** Варшавский врач Людвиг Заменгоф, придумавший «эсперанто», по специальности. **44.** Топчан пляжника. **45.** «И я еще пройти смогу соленый Тихий ..., и тундру, и тайгу». **46.** Дебютная роль в кино для Ларисы Голубкиной.

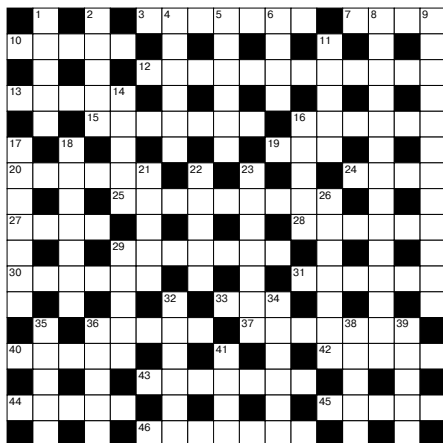
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Железнодорожная шутка гласит: «Свет в конце туннеля — это, скорее всего, идущий навстречу ...!» **2.** Что отдала сказочная Русалочка морской ведьме за пару стройных ножек? **4.** Современный вояка. **5.** «Храбрый ... в могилу унести» (восточная мудрость). **6.** «Мучительница простого народа» из рассказа «Продукт природы» Николая Лескова. **8.** Какому хирургу наркоз без надобности? **9.** Что легло в основу дела о краже кораллов и кларнета? **11.** Наша классическая музыкальная комедия названа «... Иванович сердится». **14.** «Заправляйтесь здесь, все колонки дальше — ...» (объявление в Сахаре). **16.** Шелкопряду нужен километр нити, чтобы

сплести ... **17.** Что можно увидеть на потолке после протечки? **18.** На какое русское слово когда-то в России предлагали заменить иностранный «галстук»? **21.** Кто поведал миру о похождениях «официального идиота»? **22.** Желтая ... Владимира Маяковского эпатировала публику на концертах футуристов. **23.** Сказочная няня, наливавшая из одной и той же бутылки лимонный сок, молоко и пуш с ромом. **26.** Овощ, блюда из которого полезны при ожирении. **29.** Что мучит гоголевского Хлестакова в самом начале «Ревизора»? **32.** По какой прическе панка узнают? **34.** Кого из патриархов советской эстрады после выхода фильма «Веселые ребята» едва не раздавили малолетние поклонники в Кисловодске? **35.** Кто утопил свою жизнь в изяществе? **36.** Легенда французского футбола, слышавший в детстве чемпионом по скорости и количеству поедаемых сосисок. **38.** Какая птица пьет морскую воду, потому что ее гланды приспособлены для фильтрации соли? **39.** Страна, где собак делят на три категории — охотничьи, сторожевые и съедобные. **41.** Какая ткань стала «покрывом таинственности»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Хмель. **7.** Каре. **10.** Галерея. **12.** Ядовитость. **13.** Степлер. **14.** Черногорки. **15.** Краевед. **17.** Лиговская. **20.** Гарем. **23.** Трава. **24.** Калий. **25.** Попов. **28.** Бекон. **29.** Глина. **30.** Листопад. **32.** Лазурит. **35.** Волчок. **37.** Пеле. **38.** Востриков. **41.** Танк. **42.** Канитель. **43.** Гроза. **44.** Ржев. **45.** Алкоголь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пастернак. **2.** Беспредел. **3.** Передел. **5.** Медвежонок. **6.** Ливингстон. **8.** Абсурд. **9.** Ельцин. **11.** Стигмат. **16.** Дир. **18.** Ярило. **19.** Звено. **21.** Расселение. **22.** Миронов. **25.** Педантизм. **26.** Поручик. **27.** Элеватор. **28.** Бал. **31.** Бизон. **33.** Дерево. **34.** Сельдь. **36.** Кобра. **39.** Карл. **40.** Вино.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну». Кого так описывает Иоанн Богослов в «Апокалипсисе»? **7.** Граф Адольф де Левен приобщил будущего писателя Александра Дюма к театру, подтолкнул его на путь самообразования и стал его первым соавтором. Под каким героем его вывел после французский классик? **10.** Архитектор, по проекту которого за три дня соорудили самый первый мавзолей для Владимира Ленина на Красной площади в Москве. **12.** Какую гору попыталась покорить Мартина Навратилова, но так и не смогла? **13.** Армянский корьяндр. **15.** Римский император, навсегда запретивший гладиаторские бои. **16.** Кто сочинил первый роман о русском студенчестве? **19.** Река с самыми длинными крокодилами. **20.** На чем юный Вольфганг Амадей

Моцарт играл для императрицы? **24.** Из какого кустарника древние греки добывали «ангельскую воду»? **25.** В каком штате выпустили первую куклу Барби? **27.** «Мисс сделай сам» французского кино. **28.** «Тот, кто рассказывает что-либо женщине при условии сохранения строжайшей тайны, — обыкновенный ...» **29.** С каким континентом писатель Стефан Цвейг связывал «комедию ошибок XVI века»? **30.** Японец, слывущий основателем айкидо. **31.** Пятикратная чемпионка Европы, получившая от журналистов прозвище «черная жемчужина на голубом льду». **33.** Дунайский окунь. **36.** Дерево, чьи цветы отражают женские аспекты в икебанае. **37.** Киноактер, названный «первым секс-символом развитого социализма». **40.** Дух лени из славянских мифов. **42.** Кухарка низшего разряда на Руси. **43.** Православные четки. **44.** Из какого растения делают са-

мую популярную в Европе горчицу? **45.** Какая змея однажды стала «зонтиком от солнца» для спящего в пустыне Будды? **46.** Каждый високосный год в первый ... ноября в Соединенных Штатах проходят президентские выборы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Последнее слово из лермонтовского «Валерика». **2.** «Не сжигай мосты, пока не переберешься на другой ...» **4.** Какой художник преподавал живопись детям русского императора Павла I? **5.** Из чего открыл первый синтетический краситель в 1856 году английский химик Уильям Перкин? **6.** Бамбуковое копье из Кореи. **8.** Чем усыпляет тиранозавра Роланд из фильма «Затерянный мир»? **9.** Сонет французского поэта Шарля Бодлера, ставший для русских символистов образцом не только для творчества, но и для поведения. **11.** Барабан у абхазов. **14.** «Холодное тело трубы обхватив, трубит музыкант забытый ...» **16.** Какая птица ставит себе «клизмы», используя собственный клюв? **17.** Лодка античных пиратов. **18.** Премия в размере двух миллионов иен, вручаемая по итогам турнира бор-

цу сумо, лучше других проявившему бойцовский дух. **21.** Какое из женских имен изначально было только мужским? **22.** Какой предмет рисуют вместе с дельфином, желая символически показать, что поспешать надо медленно? **23.** Как в Древней Греции называли женщину, не выданную замуж, поскольку такая ситуация казалась им откровенно забавной? **26.** Кто из наших классиков по-английски читать начал раньше, чем на русском? **29.** Наш легендарный разведчик, которому Советский Союз обязан секретам американской атомной бомбы. **32.** Отец Антиноя. **34.** Итальянец, открывший первую малую планету в первый день XIX века. **35.** Одежда, чье отсутствие у Дональда Дака подтолкнуло финские власти запретить в стране показ мультфильмов с его участием. **36.** «Дневной ... разумен, ночной — не имеет границ!» **38.** Какие отходы американские «ученые умники» перерабатывают для производства мебели? **39.** Минимальная тара водки при торговле на вынос в первых русских кабаках. **41.** Клен, из которого были сделаны гусли былинного Садко.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Запой. **7.** Флис. **10.** Вареник. **12.** Геликоптер. **13.** Розанов. **14.** Утопленник. **15.** Статика. **17.** «Олдсмобил». **20.** Мероп. **23.** Кювье. **24.** Лепаж. **25.** Бегин. **28.** Бурак. **29.** Якорь. **30.** Голливуд. **32.** Киршнер. **35.** «Вандал». **37.** Комо. **38.** Хильдерик. **41.** Роса. **42.** Пекорино. **43.** Лилия. **44.** Альт. **45.** Морозова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Самострел. **2.** Телантроп. **3.** Сирокко. **5.** Авертиссер. **6.** Олимпионик. **8.** Латынь. **9.** Сорока. **11.** Долевик. **16.** Али. **18.** Любке. **19.** Кьяра. **21.** Реальность. **22.** Падишах. **25.** Будильник. **26.** Гаршнеп. **27.** Оговорка. **28.** Бук. **31.** Безик. **33.** «Мохито». **34.** Ворона. **36.** Ливия. **39.** «Рено». **40.** Корс.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>Другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>Другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Уважаемые читатели!

С апреля открыта подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Внук Александра Невского, сын московского князя Даниила Александровича, князь Московский, князь Новгородский и великий князь Владимирский, Иван Калита в течение долгого времени оставался в тени своего старшего брата князя Юрия, но после его гибели занял великое княжение в Москве.

Светлана **Бестужева-Лада** «Иван Калита»

«На заре XII века в южной Франции возникла и постепенно вошла в обиход так называемая куртуазная любовь. Чтобы добиться благосклонности благородной дамы, надо было долго за ней ухаживать, оказывая всяческие знаки особо пристрастного внимания. Это был настоящий триумф, одержанный «слабым полом» в мрачном средневековье. Однако первая пара возлюбленных жестоко поплатилась за такую любовь, о чем на разные лады трубят уже восемь столетий.

Денис **Логинов** «Элоиза и Абеляр»

«Деньги — неотъемлемая часть нашего бытия, мы давно к этому привыкли. Но мало кто знает, что они, помимо этого, являются еще и потрясающей галереей произведений искусства, доступ к которой открыт каждому любознательному человеку.

Рольф **Майзингер** «Искусство на банкнотах»

«Поначалу Московский зоопарк занимал площадь в десять гектаров и насчитывал около 286 животных. Сегодня же здесь «прописано» более восьми тысяч зверей, птиц, рыб и рептилий, любоваться которыми ежегодно приходят около двух миллионов посетителей. Мы решили рассказать о нем в преддверии юбилейной даты зоопарка — его 150-летия.

Татьяна **Харламова** «Ковчег на Красной Пресне»

«Окончание романа Александра **Аннина** «Хромой пеликан»